UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00290025 6

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1966

РУССКІЕ ПРОПИЛЕИ

ТОМЪ 6

МАТЕРІАЛЫ
ПО ИСТОРІИ
РУССКОЙ МЫСЛИ
И
ЛИТЕРАТУРЫ

СОБРАЛЪ И ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
М. ГЕРШЕНЗОНЪ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1919

4562
4-27
40

PG
3201
G46
t.6

1133680

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
21892

I

А. С. ПУШКИНЪ

Mrs K. N. ROSEN
P. O. BOX 89
CROTON-ON-HUDSON, N. Y.

3-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ типография (бывш. Кушнерева). Пименовская.
МОСКВА — 1920

„Лицейская тетрадь", текстъ которой здѣсь печатается, представляетъ рукопись въ 163 нумерованныхъ страницы размѣромъ большого почтоваго листа; семь сшитыхъ тетрадей бумаги образуютъ какъ бы книгу. Бумага очень плотная, шершавая; никакой обложки нѣтъ,— рукопись начинается прямо Оглавленіемъ. Писано все одной, и явно писарской рукой; чернила выцвѣли сильно, мѣстами текстъ выскобленъ и снова написанъ болѣе черными чернилами, но тѣмъ же почеркомъ, очевидно, на ходу письма; есть карандашныя поправки другой руки; каждая пьеса, хотя бы состоящая изъ 4 стиховъ, начинается на новой страницѣ. На стр. 152-й, послѣ четверостишія Пушкина „Къ портрету Каверина", написано карандашомъ (и слова эти очень стерты): Надпись къ бесѣдкѣ,— почеркомъ, который мнѣ кажется опредѣленно почеркомъ Пушкина. Тетрадь эта принадлежала А. В. Никитенко, а послѣ его смерти — его дочери С. А. Никитенко, и передана мнѣ ея душеприказчикомъ А. И. Старицкимъ. Съ выходомъ настоящей книги рукопись передается мною въ Рукописное отдѣленіе Румянцовскаго музея.

Какъ извѣстно, Лицейскихъ сборниковъ, подобныхъ нашему, сохранилось нѣсколько, цѣликомъ или въ отрывкахъ. Лучшій знатокъ Лицейскаго быта временъ Пушкина, К. Я. Гротъ, сообщаетъ: „Нѣкоторые воспитанники въ концѣ своего пребыванія въ Лицеѣ... составляли сборники своихъ стиховъ, т.-е. переписывали ихъ тщательно въ особыя тетради. Другими составлялись сборники изъ произведеній лучшихъ лицейскихъ поэтовъ — по выбору своему собственному или самихъ авторовъ" [1]). Изъ такихъ *смѣшанныхъ* сборниковъ извѣстны такъ называемая „Антологія", Матюшкинская тетрадь, „Духъ лицейскихъ трубадуровъ" и др. Весь уцѣлѣвшій матеріалъ былъ описанъ К. Я. Гротомъ въ 10-й книгѣ „Журнала Мин. Нар. Просв." 1905 года.

[1]) „Пушкинскій Лицей", СПБ. 1911, стр. 139.

Нашъ сборникъ по составу и расположенію матеріала не совпадаетъ ни съ однимъ изъ сохранившихся или извѣстныхъ по описаніямъ. Намъ казалось вдвойнѣ цѣлесообразнымъ обнародовать полностью текстъ этой тетради. До сихъ поръ ни одинъ Лицейскій сборникъ не былъ напечатанъ цѣликомъ и въ такомъ видѣ, какъ сохранился; между тѣмъ ничто въ такой степени не можетъ насъ ввести въ духъ и стиль Лицейской жизни и Лицейской поэзіи, какъ чтеніе подобнаго смѣшаннаго сборника, гдѣ стихотворенія Пушкина не выдѣлены особо, а перемежаются со стихотвореніями его товарищей словно въ дружномъ пятигласномъ хорѣ. Полнота и свѣжесть этого впечатлѣнія еще безконечно усиливается однимъ несравненнымъ достоинствомъ нашей рукописи: она содержитъ, повидимому *сплошь первую* редакцію Лицейскихъ стихотвореній Пушкина, такъ сказать, самый ранній пластъ его Лицейскаго творчества, еще безъ тѣхъ многочисленныхъ поправокъ, которыя онъ вносилъ въ эти пьесы вскорѣ послѣ ихъ написанія. Эта особенность сборника, поскольку она будетъ подтверждена спеціальными изысканіями, должна придать ему, въ отношеніи Лицейскихъ стихотвореній Пушкина, характеръ канона. Въ нашихъ изданіяхъ Пушкина текстъ его Лицейскихъ стихотвореній представляетъ картину вопіющаго редакторскаго произвола. Несмотря на то, что въ рукописяхъ самого поэта, или его товарищей, или писцовъ большое число этихъ пьесъ сохранилось въ первочачальной или, по крайней мѣрѣ, явно ранней редакціи, — ни разу не была сдѣлана попытка сопоставить въ рядъ эти одновременные тексты, чтобы представить *одинъ* хронологическій слой Пушкинскаго ранняго творчества; напротивъ, не только рядомъ печатались разновременныя редакціи разныхъ стихотвореній, но часто въ той же пьесѣ печатались рядомъ стихи или строфы разныхъ редакцій. Неправы были даже тѣ редакторы, которые считали нужнымъ воспроизводить текстъ Лицейскихъ стихотвореній, какъ онъ былъ переработанъ Пушкинымъ для изданія 1826 года: однимъ этимъ текстомъ нельзя ограничиваться. В. Я. Брюсовъ справедливо спрашивалъ по поводу 1-го тома Академическаго изданія: „Не гораздо ли важнѣе знать, что̀ написалъ Пушкинъ 15—16 лѣтъ отъ роду, чѣмъ то, какъ онъ исправилъ эти, во всякомъ случаѣ, не лучшія свои произведенія въ пору разцвѣта своего дарованія?“ [1]).

[1]) „Лицейскіе стихи Пушкина“, М. 1907, стр. 10—11.

Эти два соображенія, полагаю, достаточно оправдываютъ печатанье сборника въ „Русскихъ Пропилеяхъ“. Нѣтъ надобности говорить здѣсь о научной цѣнности его,— о многочисленныхъ неизвѣстныхъ ранѣе варіантахъ въ пьесахъ Пушкина, о подборѣ и варіантахъ Лицейскихъ стихотвореній Дельвига, Кюхельбекера, и т. п. Текстъ рукописи воспроизводится въ печати абсолютно точно, съ сохраненіемъ не только орѳографіи и пунктуаціи, мѣстами очень любопытной, но и всѣхъ описокъ и ошибокъ, изъ которыхъ одна сразу привлечетъ вниманіе читателей: подпись Пушкина въ текстѣ (также и въ Оглавленіи) подъ стихотвореніемъ Дельвига „На смерть Державина“. Ошибка эта тѣмъ болѣе странна, что въ самомъ стихотвореніи содержится обращеніе къ Пушкину. Но то же стихотвореніе *дважды* помѣщено въ сборникѣ ненапечатанныхъ *произведеній Пушкина*, предназначенныхъ для посмертнаго изданія его сочиненій,— сборникѣ, выправленномъ рукой Жуковскаго [1]).

[1]) В. Е. Якушкинъ, „Рукописи А. С. Пушкина“ —„Рус. Стар.“ 1894 декабрь, стр. 576.

Бова.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

Часто часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Еллинскія
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Рифматовымъ
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я НѢмца Клопшока
И не могъ понять премудраго.
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ,
Я хочу чтобъ меня поняли
Всѣ отъ мала до великаго
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крилъ парить:
Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
Херувимовъ жарить пушками,
Съ Сатаною обитать въ раю
Иль Святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Афродитою.
Не бывалъ я грѣховодникомъ,
Но вчера въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катихизисъ остроумія,
Слономъ: Жанну Орлеанскую.

Прочиталъ,—и въ восхищеніи
Про Бову пою Царевича.
О Вольтеръ, о мужъ единственный!
Ты котораго, во Франціи
Почитали Богомъ нѣкіимъ
Въ Римѣ Дьяволомъ, Антихристомъ,
Обезьяною въ Саксоніи!
Ты, который на Радищева
Кинулъ было взоръ съ улыбкою,
Будь теперь моею Музою!
Пѣть я тоже вознамѣрился,
Но сравняюсь ли съ Радищевымъ?
Незапомню сколько лѣтъ спустя
Послѣ Рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ
Въ Свѣтомирѣ, сильномъ городѣ,
Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ Царя законнаго,
Бендокира Слабоумнаго.
(Такъ бывало вѣрноподданны
Величали Королей своихъ,
Есть ли Короли безпечные,
Не въ постелѣ и не ночкою,
Почивали съ Камергерами)
Царь Додонъ не Слабоумнаго
Былъ достоинъ злаго прозвища,
Но тирана неусыпнаго,
Хотя впрочемъ не имѣлъ его.
Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать:
Вы слыхали, люди добрые,
О Царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,

И въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ Ангеломъ
Жизнь проводитъ въ униженіи
И забытый всѣми кличется
Нынѣ Эльбы Императоромъ...
Вотъ таковъ то былъ и Царь Додонъ.
Разъ собравъ бородачей совѣтъ
(:Безбородыхъ не любилъ Додонъ)
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:
„Вы, которые совѣтами
„Облегчили тяжесть скипетра,
„Усладили участь Царскую
(:Не горька она была ему:)
„Мудрые друзья сподвижники!
„Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
„Что мнѣ дѣлать нынѣ?—слушайте."
Всѣ привстали важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися
И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовые.
„Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
„Что искуствомъ и неправдою
„Я достигъ престола шаткаго
„Бендокира Слабоумнаго,
„Сочетался съ Милитрисою
„Милой женкой Бендокировой
„И въ темницу посадилъ Бову,
„Принца крови, сына Царскаго.
„Легче, легче захватить было
„Слабоумнаго златой вѣнецъ,
„Чѣмъ надѣвъ вѣнецъ на голову,
„За собою удержать его.
„Вотъ уже народъ безсмысленный,
„Ходя въ праздники по улицамъ,
„Межъ собой не разъ говаривалъ:
„Дай Богъ помочь Королевичу,
„Вѣдь Бова уже ни маленькой,

„Не въ отца своей головушкой,
„Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою,
„Онъ опасенъ моимъ замысламъ.
„Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ,
„Не оставить ли въ тюрьмѣ его?“
Все собранье призадумалось,
Всѣ въ молчаньи потупили взоръ:
То-то право золотой совѣтъ
Не болтали здѣсь, а думали:
Арзаморъ, мужъ старый опытный,
Ротъ открылъ было (:совѣтовать
Знать хотѣлось посѣдѣлому:)
Громко крякнулъ, но одумался
И въ молчаньи закусилъ языкъ.
Ко лбу перстъ приставя тщательно,
Лѣкарь славный, Эскулапа внукъ,
Эзельдорфъ, обритый весь, зѣвалъ,
Табакеркою поскрыпывалъ,
Но молчалъ, своей премудрости
Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею
Стражи трона, славны Рыцари,
Всѣ сидѣли будто вкопаны.
Громобурь, извѣстный силою,
Но умомъ непроницательный,
Думалъ, думалъ и нечаянно
Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуетъ?
Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
Вотъ зѣвнули подъ перчаткою
Храбрый Мировзоръ съ Ивашкою,
И Полканъ, и Арзаморъ сѣдой,
И ко груди преклонилися
Тихо головами буйными.
Глядь, съ Додономъ задремалъ совѣтъ—
Захрапѣли многомысляще!
Долго спать было совѣтникамъ,
Естьли бъ Нѣмцу не пришлось изъ рукъ

Табакерку на полъ выронить
Табакерка покатилася
И о шпору вдругъ ударилась
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе.
Между тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу Рыцаря подъемлется,
И чихнулъ герой съ досадою,
Такъ что своды потрясаются,
Окны всѣ дрожатъ и сыплются
И на петляхъ двери хлопаютъ...
Пробуждается собраніе!
„Что тутъ думать, закричалъ герой,
„Царь! Бова тебѣ ненадобенъ,
„Ну, и къ чорту Королевича!
„Рѣшено ему въ живыхъ не быть.
„Послѣ, братцы, вы разсудите,
„Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться."
Тѣмъ и кончилъ: храбры воины
Рѣчи любятъ лаконически.
Ладно! мы тебя послушаемъ,
Царь промолвилъ протянувшися,
Завтра други мы увидимся
А теперь ступайте всѣ домой.
Оплошалъ Додонъ отсрочкою:
Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ,
Не откладывай до завтраго
Что сегодня можешь выполнить.
Разошлися всѣ придворные
Ночь межъ тѣмъ уже сгущалася
Царь Додонъ въ постелю Царскую
Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился къ ней:
Въ эту ночь Его Величеству

Не играть, а спать хотѣлося.
Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангелъ станомъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжноiй ножкою,
Съ госпожи снявъ платье шелково
Юпку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключь въ комодѣ спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ трудомъ окошечко
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго
Свѣтозара, Пажа Царскаго:
Къ темной ночкѣ обѣщался онъ
Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.
Ждетъ, пождетъ дѣвица красная;
Нѣтъ, какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу! бьетъ полночь—что же Зоинька?
Видитъ—входятъ къ ней въ окошечко.
Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
Нѣтъ! со всѣмъ не то, читатели!
Видитъ тѣнь иль призракъ стараго
Вѣнценосца съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣсто мантiи,
Опоясанный мочалкою
Видъ невинный, взоръ на выкатѣ,
Ротъ разинутъ, зубы скалятся,
Уши длинные ослиные
Надъ плечами громко хлопаютъ.
Зоя видитъ и со трепетомъ
Узнаетъ она, читатели!
Бендокира Слабоумнаго.
Трепетна смятенья полная,
Стала на колѣни Зоинька,
Съединила ручку съ ручкою,
Потупила очи ясныя,
Прочитала скорымъ шопотомъ,

То, что въ вѣкъ не могъ я выучить:
Отче нашъ и Богородицу,
И тихохонько промолвила:
Что я вижу? Боже! Господи!
О Никола! Савва мученикъ!
Осѣните беззащитную,
Ты ли это, Царь нашъ Батюшка?
Отъ чего скажи оставилъ ты
Нынѣ Царствіе небесное?
Глупымъ смѣхомъ освѣтившися,
Тѣнь рекла прекрасной Зоинькѣ
„Зоя, Зоя нестрашись мой свѣтъ!
„Не пугать тебя мнѣ хочется
„Не на то сюда явился я
„Съ того свѣта привидѣніемъ
„Весело пугать живыхъ людей
„Но могу ли веселиться я,
„Есть ли сына Бендокирова,
„Милаго Бову Царевича,
„На кострѣ изжарятъ завтра же".
Бѣдный Царь заплакалъ жалобно.
Больно стало доброй дѣвушкѣ:
— Чѣмъ могу скажи помочь тебѣ?
Я во всемъ тебѣ покорствую.—
„Вотъ что хочется мнѣ, Зоинька!
„Изъ темницы сына выручи
„И сама въ жилище мрачное
„Сядь на мѣсто Королевича,
„Пострадай ты: за невиннаго
„Поклонюсь тебѣ низехонько
„И скажу спасибо, Зоинька!"
Зоинька тутъ призадумалась,
За спасибо въ темну яму сѣсть—
Это жестко ей казалося.
Но имѣя чувства нѣжныя,
Зоя въ тайнѣ согласилася
На такое предложеніе.
Такъ ты правъ, Оракулъ Франціи!

Говоря, что жены, слабыя
Противъ стрѣлъ Эрота юнаго,
Всѣ имѣютъ душу добрую,
Сердце нѣжно непритворное,
— Но скажи, о Царь возлюбленный!
Зоя молвила покойнику.
Какъ могу—ну! посуди ты самъ—
Пренестись въ темницу мрачную,
Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
Пятдесятъ отборныхъ воиновъ
Днемъ и ночью стерегутъ его?
Мнѣ ли слабой робкой женщинѣ
Обмануть ихъ очи зоркія?—
„Будь спокойна, случай найдется
„Поклянись лишь только, милая,
„Не отвергнуть сего случая,
„Есть ли самъ тебѣ представится".
— Я клянусь! сказала дѣвица.
Вмигъ изчезло привидѣніе,
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тутъ окошечко
И въ постелѣ успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася.

Пушкинъ.

Красавицѣ, которая нюхала табакъ.

Возможно ль? вмѣсто розъ Амуромъ насажденныхъ,
Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясминовъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила,
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей—
Возможно ль? милая Климена!
Какая странная во вкусѣ перемѣна?
Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
А вредную траву зелену

Искуствомъ превращенну,
Въ пушистый порошокъ!
Пускай уже сѣдой Профессоръ Гетингена
На старой каѳедрѣ согнувшися дугой,
Вперивъ въ Латынщину глубокій разумъ свой
Разкашлявшись, табакъ толченый
Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой.
Пускай младой драгунъ усатой
По утру, сидя у окна,
Стаканы сушитъ всѣ до дна,
И, чтобъ прогнать остатокъ сна,
Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ сѣроватый.
Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
У коей держится вся прелесть на подставкѣ,
У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
Чаекъ въ прикуску попиваетъ
Съ Сарептскимъ табакомъ печали забываетъ.
А ты, прелестная!—Но естьли ужъ табакъ
Столь нравится тебѣ—о пылъ воображенья!
Ахъ! естьли бъ, превращенный въ прахъ
И въ табакеркѣ въ заточеньи,
Я въ персты нѣжные твои попасться могъ,
Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи
Разсыпался на грудь и можетъ сквозь платокъ
Проникнуть захотѣлъ... о сладость вожделѣнья!...
До тайныхъ прелестей, которы самъ Эротъ
Запряталъ за лѣса и горы,
Чтобъ не могли нескромны взоры
Открыть вмѣстилища божественныхъ красотъ.
Но что! мечта, мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
О доля человѣка злая!
Ахъ!... отъ чего я не... табакъ!

Пушкинъ.

Къ Натальѣ.

Такъ и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ
Сердце страстное плѣнилось
Признаюсь—и я влюбленъ!
Пролетѣло счастья время,
Какъ любви не зная бремя,
Я живалъ да попѣвалъ,
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ иль въ воксалахъ
Легкимъ зефиромъ леталъ;
Какъ смѣясь во зло Амуру
Я писалъ каррикатуру
На любезный женскій полъ;
Но напрасно я смѣялся,
Наконецъ и самъ попался,
Самъ, увы! съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку,
Изъ Катоновъ я въ отставку,
И теперь я—Селадонъ!
Миловидной жрицы Тальи
Видѣлъ прелести Натальи
И ужъ въ сердцѣ Купидонъ!
Такъ, Наталья! Признаюся,
Я тобою полоненъ,
Въ первый разъ еще, стыжуся,
Въ женски прелести влюбленъ,
Цѣлый день, какъ ниверчуся,
Лишь тобою занятъ я.
Ночь придетъ, и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньи,
Вижу, въ легкомъ одѣяньѣ,
Будто милая со мной,
Робко сладостно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Снѣгъ затмившей бѣлизной,

И полуотверсты очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи—
Духъ въ восторгъ приводятъ мой!...
Я одинъ въ бесѣдкѣ съ нею,
Вижу дѣвственну лилею,
Трепещу, томлюсь, нѣмѣю...
И проснулся, вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой!
Испускаю вздохъ глубокой,
Сонъ лѣнивый, томноокой
Отлетаетъ на крылахъ,
Страсть сильнѣе становится,
И любовью утомясь,
Я слабѣю всякій часъ.
Все къ чему-то умъ стремится,
А къ чему?—ни кто изъ насъ
Дамамъ въ слухъ того не скажетъ,
А ужъ такъ и сякъ размажетъ,
Я—по свойски объясняюсь.
Всѣ любовники желаютъ
И того чего не знаютъ
Это свойство ихъ—дивлюсь!
Завернувшись балахономъ
Съ хватской шапкой на бекрень
Я желалъ бы Филимономъ
Подъ вечерь, какъ всюду тѣнь,
Взявъ Анюты нѣжну руку
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желалъ бы, чтобъ Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильнымъ взоромъ.
Иль сѣдымъ опекуномъ
Легкой миленькой Розины,
Старымъ пасынкомъ судьбины,
Въ епанчѣ и съ парикомъ,
Дерзкой пламенной рукою
Бѣлоснѣжну, полну грудь

Я желалъ бы... да ногою
Моря не перешагнуть
И хоть по уши влюбленный,
Но съ тобою разлученный
Всей надежды я лишенъ.
Но, Наталья! ты незнаешь
Кто твой нѣжный Селадонъ,
Ты еще не понимаешь,
Отъ чего не смѣетъ онъ
И надѣяться?—Наталья!
Выслушай еще меня:
Не владѣтель я Сераля,
Не Арапъ, не Турокъ я.
За учтиваго Китайца
Грубаго Американца,
Почитать меня нельзя,
Не представь и Нѣмчурою,
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой пивомъ налитою
И съ цыгаркою въ зубахъ.
Не представь Кавалергарда
Въ каскѣ съ длиннымъ палашомъ.
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчатъ моей руки
За Адамовы грѣхи.
— Кто же ты болтунъ влюбленный?
Взглянь на стѣны возвышенны,
Гдѣ безмолвья вѣчный мракъ;
Взглянь на окны загражденны,
На лампады тамъ зажженны...
Знай, Наталья!—я.... Монахъ!

Пушкинъ.

Къ Молодой Актрисѣ.

Ты не наслѣдница Клероны,
Не для тебя свои законы

Владѣлецъ Пинда начерталъ,
Тебѣ не много Богъ послалъ;
Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья,
Не стоятъ, признаюсь похвалъ
И шумныхъ плесковъ удивленья.
Жестокой суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной.
Но, Клоя, ты мила собой
Тебѣ во слѣдъ толпятся смѣхи
Сулятъ любовникамъ утѣхи—
И такъ вѣнцы передъ тобой
И не сомнительны успѣхи.—
Ты плѣнимъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь—и часто не въ попадъ;
А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ; кричатъ:
Bravo! bravissimo! чудесно!
Свистки сатириковъ молчатъ,
И всѣ покорствуютъ прелестной.
Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или подымешь ихъ и снова
На грудь положишь застыдясь;
Когда Милона молодова,
Лепеча что-то не для насъ,
Въ любви безъ чувства увѣряешь;
Или безъ памяти въ слезахъ
Холодный испуская ахъ!
Спокойно, въ креслы упадаешь,
Краснѣя и чуть чуть дыша;
Всѣ шепчутъ: ахъ! какъ хороша!“
Увы! Другую бъ освистали,
Велико дѣло красота.
О Клоя! мудрыя солгали:
Не все на свѣтѣ суета.

Плѣняй же, Клоя, красотою!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ
Который нѣжно предъ тобою,
Осмѣлясь о̀ любви поётъ,
Въ стихахъ и прозою на сценѣ
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой Актрисой
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулисой!

Пушкинъ.

Князю А. М. Горчакову.

Пускай не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ Оду въ двѣсти строфъ,
Но я, любезный Горчаковъ!
Не просыпаюсь съ пѣтухами,
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть пустаго неумѣю
Высоко, тонко и хитро
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо!
Нѣтъ, нѣтъ! Любезный Князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить,
Что прибыли соваться въ воду
Сначала не спросившись броду
И въ слѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой какъ стихи на имянины!...

Что долженъ я, скажи въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?

Глубоку-ль старость, милый Князь?
Дѣтей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ?
И чтобъ побѣда за тобою
Какъ древле Невскому герою
Всегда, вездѣ летѣла въ слѣдъ?...
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенькой поздравитъ—
Онъ лучше музъ на вѣкъ оставитъ!
Дай Богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А тамъ—когда Стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьи,
Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи
Ты съ томной сладостью въ очахъ
Изъ рукъ младаго Купидона
Вступая въ мрачный челнъ Харона,
Уснулъ.... Ершовой на грудяхъ!

Пушкинъ.

Полякъ.

[Баллада].

Бородинскія долины
Осребрялися луной,
Громы на холмахъ нѣмѣли
И вдали шатры бѣлѣли
Омраченной полосой!

Быстро мчалися Поляки
Вдоль лѣсистыхъ береговъ,
Ива листьями шептала

И въ пещерахъ завывала
Стая дикая волковъ.

Вотъ въ развалинахъ деревни
На проталинѣ лежитъ
Бурые ночлегъ почуя,
Гривы по вѣтру волнуя
Искры сыпали съ копытъ.

И стучитъ Полякъ въ избушку:
„Естьли, естьли тутъ жилой?
Кто то въ окнахъ шевелится,
И громчѣй Полякъ стучится
„Естьли, естьли тутъ жилой!

— Кто тамъ? всадника спросила
Робко дѣвица краса!—
„Эй пусти въ избу погрѣться,
Буря свищетъ, дождикъ льется,
Тьмой покрыты небеса!"

— Сжалься надо мной, служивой!
Дѣвица ему въ отвѣтъ:
Мать моя, отецъ убиты,
Здѣсь одна я безъ защиты
Страшно двери отереть.—

„Что красавицѣ бояться?
Вить Полякъ не людоѣдъ!
Стойла конь не искусаетъ
Сбруя стопку не сломаетъ
Столъ подъ ращемъ не падетъ?"

Дверь со скрыпомъ отскочила,
Озирается герой;
Снявъ большую рукавицу,
Треплетъ красную дѣвицу
Онъ могучею рукой.

„Сколько лѣтъ тебѣ голубка?"
— Вотъ семнадцатый къ концу!—
„А такъ скоро со свѣчами,

Помѣнявшися кольцами,
Съ суженымъ пойдешь къ вѣнцу!“

Дай же выпить на здоровье
Мнѣ невѣсты съ женихомъ.
До краевъ наполнись, чаша,
Будь такъ жизнь пріятна ваша!
Будь такъ полонъ здѣшній домъ!

И подъ мокрой епанчею
Задремалъ онъ надъ ковшемъ
Вьюга ставнями стучала
И въ молчаніи летала
Стража Польская кругомъ.

За гремящей самопрялкой
Страшно дѣвицѣ одной;
Страшно въ тишинѣ глубокой,
Безъ родныхъ и одинокой
Ей бесѣдовать съ тоской.—

Но забылась—сонъ невольно
Въ дѣвѣ побѣждаетъ страхъ;
Колесо чуть чуть вертится,
Голова къ плечу клонится
И томленье на очахъ.

Съ трескомъ вспыхнула лучина,
Тѣнь мелькнула на стѣнѣ.
Въ уголкѣ безъ покрывала
Дѣва юная лежала,
Улыбаясь въ тихомъ снѣ.

Глядь Полякъ, прелестной груди
Тихимъ трепетомъ дышатъ.
Онъ невольно взоры мещетъ,
Взоръ его желаньемъ блещетъ,
Щеки пламенемъ горятъ.

Цвѣтъ невинности непроченъ
Какъ въ долинѣ василёкъ:
Часто свѣтлыми косами,

Межъ шумящими снопами
Вянетъ скошенный цвѣтокъ.

Но злодѣй! чу! трескъ булата
Слышь: къ ружью! знакомый гласъ
Настежъ дверь—какъ вихрь влетаетъ
Въ избу Рускій—мечь сверкаетъ:
Дерзкій! близокъ мститель часъ!

Дѣва трепетна, смятенна,
Пробудясь, кидаетъ взглядъ
Зритъ у ногъ Полякъ сраженный
Изъ груди окрававленной
Тащитъ съ скрежетомъ булатъ.

Зритъ, сама себѣ не вѣритъ
Взоръ восторгомъ запылалъ!
Ты ль, мой милый? восклицаетъ
Рускій мечь въ ножны бросаетъ
Дѣвицу женихъ обнялъ!

Дельвигъ.

Л е д а.

[Кантата].

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ частымъ жемчугомъ
Вздувалась пѣна водъ сребристыхъ,—
Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,
Покровъ красавицы стыдливой
Небрежно кинутый, у берега лежалъ—
И прелести ея потокъ волной игривой
Съ весельемъ орошалъ.
Житель рощи торопливый,
Будь же скроменъ, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Измѣнить страшитесь ей!
Леда робостью трепещетъ,
Тихо дышетъ снѣжна грудь,

Ни волна вокругъ не плещетъ,
Ни зефиръ не смѣетъ дуть.
Въ рощѣ шорохъ утихаетъ,
Все въ прелестной тишинѣ
Нимфа далѣе ступаетъ
Робкой ввѣрившись волнѣ.
Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ возшумѣло
И чувство робости прекрасной овладѣло
Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть,
И вотъ пернатыхъ царь изъ подъ склоненной ивы,
Разправя крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ—веселья полна грудь,
Съ шумящей пѣною отважно волны гонитъ,
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольцы шею вьетъ,
То гордую главу смирясь предъ Ледой клонитъ—
Леда смѣется—
Вдругъ раздается
Радости кликъ
Видъ сладострастной!
Къ Ледѣ прекрасной
Лебедь приникъ.
Слышно стенанье,
Снова молчанье,
Нимфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видитъ украдкой
Тайну боговъ.—
Опомнясь наконецъ красавица младая
Открыла тихій взоръ въ томленьяхъ воздыхая
И что жъ увидѣла?—на ложѣ изъ цвѣтовъ
Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;
Межъ ними юная любовь
И пала таинства прелестнаго завѣса.
Симъ примѣромъ научитесь
Розы дѣвы красоты.
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды—

Въ темной рощицѣ таится
Часто пламенный Эротъ;
Съ хладной струйкою катится,
Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.
Симъ примѣромъ научитесь
Розы дѣвы красоты.
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды.—

Пушкинъ.

Осгаръ.

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лорѣ путникъ шелъ, напрасно томны очи
Ночлега мѣрнаго искалъ во тьмѣ густой.
Пещеры нѣтъ предъ нимъ, на берегѣ угрюмомъ
Не видитъ хижины, наслѣдья рыбаря;
Въ дали дремучій боръ, качаютъ вѣтры съ шумомъ,
Луна за тучами и въ морѣ спитъ заря.
Идетъ и на скалѣ обросшей влажнымъ мохомъ,
Зритъ Барда стараго, веселье прошлыхъ лѣтъ,
Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ
Въ безмолвіи временъ онъ созерцалъ полетъ.
Зубчатый мечь висѣлъ на вѣтьви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый
Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.
Стой, путникъ! Стой! вѣщалъ пѣвецъ вѣковъ минувшихъ,
Здѣсь пали храбрые, почти ихъ бранный прахъ!
Почти геройства чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!
Пришлецъ главой поникъ—и мнилось на холмахъ
Возставшій рядъ тѣней, главы окровавленны
Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.—
Чей гробъ я вижу тамъ? вѣщалъ иноплеменный,
И Барду посохомъ на берегъ указалъ.
Колчанъ и шлемъ стальной къ утесу привлеченный
Бросали тусклый лучь, луною озлатясь.

Увы! здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ вдохновенный
О! рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!
Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ
Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ,
И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ:
Покойся, юноша! ты въ брани славной палъ.

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину,
Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
И тѣнь, упадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
Казалось ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли;
Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ;
Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталъ.

Однажды въ темну ночь зимы порой унылой
Осгаръ стучится въ дверь красавицы младой
И шепчетъ: юный другъ! не медли, здѣсь твой милой!
Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ воютъ.
Ужели спишь теперь, Мальвина?—мгла вокругъ,
Валится снѣгъ, власы въ туманѣ леденѣютъ.
Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!

Онъ въ третій разъ стучитъ, со скрыпомъ дверь шатнулась,
Онъ входитъ съ трепетомъ, Несчастный! что жъ узрѣлъ?
Темнѣетъ взоръ его, Мальвина содрогнулась,
Онъ зритъ—въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
И ярость дикая во взорахъ закипѣла;
Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой.
Онъ грозный мечь извлекъ, и нѣтъ уже Звигнела,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тьмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна;
Но взоры отвративъ: живи! вѣщалъ Осгаръ;
Живи, ужъ я не твой, презрѣнна мной измѣна,
Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.
И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньѣ
Окованъ мрачною безмолвною тоской,
Изчезло сладкое на вѣкъ очарованье!
Онъ въ мірѣ одинокъ, ужъ нѣтъ души родной.

Я видѣлъ юношу, поникнувъ головою,
Мальвины имя онъ въ отчаяньи шепталъ;
Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.
На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо;
Уже недвижный взоръ друзей неузнавалъ;
Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой
Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.
И длинный годъ провелъ Оскаръ среди мученій.
Вдругъ грянулъ трубный гласъ! Оденовъ сынъ, Фингалъ,
Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сраженій.
Оскаръ послышалъ вѣсть и бранью воспылалъ.
Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала,
Покрытый ранами здѣсь палъ на груду тѣлъ,
Онъ палъ,—еще рука меча кругомъ искала,
И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ.
Побѣгли вспять враги—и тихій миръ герою!
И тихо все вокругъ могильнаго холма!
Лишь въ осень хладную безмѣсячной порою,
Когда вершины горъ тягчитъ сырая тьма,
Въ багровомъ облакѣ одѣянна туманомъ,
Подъ камнемъ громовымъ уныла тѣнь сидитъ,
И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
И кленъ зашевелясь таинственно шумитъ.

Пушкинъ.

Евлега.

Вдали ты зришь утесъ уединенный;
Пещеры въ немъ изрылась глубина;
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный
Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
Вечеръ, когда туманилась луна,
Здѣсь милаго Евлега призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала,
Во тьмѣ ночной печальна и одна.
Приди, Одульфъ! ужъ роща поблѣднѣла,
На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла,

Пылаетъ грудь за вздохомъ вздохъ летитъ...
О сладко жить, мой другъ, душа съ душою
Приди Одульфъ! забудусь я съ тобою,
И поцѣлуй любовью возгоритъ!
Бѣги Осгаръ! твои мнѣ страшны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ,
И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!
Что жъ медлитъ онъ свершить мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды!
Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.
Но, чу! идетъ—такъ! это другъ мой нѣжной! [1]
Ужъ начались восторги страсти нѣжной,
И поцѣлуй любовью возгоритъ.
Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжитъ печаль;
Но близь его во тьмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ—родилось подозрѣнье:
„Кто ты? спросилъ, почто ты здѣсь, вѣщай!
Отвѣтствуй мнѣ, о шумъ угрюмой ночи!"
— Безсильный врагъ! Осгара убѣгай!
Въ пустынной тьмѣ, что ищутъ робки очи?
Страшись меня, я страстью воспаленъ:
Въ пещерѣ здѣсь Евлега ждетъ Осгара!—
Булатный мечь въ минуту обнаженъ,
Огонь летитъ струями отъ удара...
Услышала Евлега стукъ мечей,
И бросила со страхомъ хладъ пещерной.
„Приди узрѣть предметъ любви твоей!
Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной вѣрной.
Измѣнница! ты здѣсь его зовешъ?
Во тьмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга—
Но дерзкаго въ Валкалѣ ты найдешъ."

[1] [Мой нѣжной зачеркнуто карандашомъ, и сверху карандашомъ написано: надежный].

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Евлега
Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Мятелицей отторженный со скалъ!
Другъ на друга соперники стремятся,
Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ:
Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся.
Послѣдній гласъ Евлегу призывалъ,
И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ!

Пушкинъ.

Стансы.

(Изъ Вольтера.)

Ты мнѣ велишь пылать душою,
Отдай же мнѣ протекши дни,
Съ моей вечернею зарею
Мое ты утро съедини.
Мой вѣкъ невидимо проходитъ
Изъ круга Смѣховъ и Харитъ
Ужъ Время скрыться мнѣ велитъ
И за руку меня выводитъ.
Не дастъ оно пощады намъ:
Кто примѣняться не умѣетъ
Своимъ измѣнчивымъ годамъ,
Тотъ ихъ несчастья лишь имѣетъ.
Счастливцамъ рѣзвымъ молодымъ
Оставимъ страсти заблужденья;
Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья,
Одно разсудку отдадимъ.
Вы, услаждавшія печали
Минутной младости моей,
Любовь, мечтанья первыхъ дней!
Ужель на вѣкъ вы убѣжали?
Намъ должно дважды умирать,
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ:
Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
Что значитъ послѣ не дышать?

На пасмурномъ моемъ закатѣ
Среди пустынной темноты
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ милыя мечты!
Тогда на голосъ мой унылой
Мнѣ Дружба руку подала:
Она въ любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.
Я ей принесъ увядши розы
Отрадныхъ юношества дней
И въ слѣдъ пошелъ—но лилъ я слезы
Что могъ во слѣдъ идти лишь ей! [1]

Пушкинъ.

Подраженіе 1-му псалму.

Блаженъ, о юноша! кто подражая мнѣ,
Не любитъ разсылать себя по всѣмъ журналамъ;
Кто часъ любовниковъ пропуститъ въ сладкомъ снѣ
И кругъ простыхъ друзей предпочитаетъ баламъ.

*

Когда неистовый влетитъ къ нему Свистовъ,
Онъ часто по дѣламъ изъ комнаты выходитъ,
Ему жъ нѣтъ времени писать дурныхъ стиховъ,
Когда за книгой день, съ супругой ночь проводитъ.

*

За то, взгляните, онъ какъ дубъ, высокъ и прямъ,
Что вялый передъ нимъ угодникъ дамъ и моды?
Цвѣтъ полныхъ яблоковъ разлился по щекамъ.
Благоразуменъ, свѣжъ онъ и въ преклонны годы.

*

А ты, слѣпой глупецъ, иль новый философъ!
О вѣрь мнѣ и въ очкахъ повѣса всежъ повѣса.
Что будетъ изъ тебя подъ сѣдиной власовъ,
Когда устанешь ты скакать средь экосеса?

*

---

[1] [Надъ „во слѣдъ идти" карандашомъ написаны цифры: 2 3 1 во слѣдъ идти.]

Скажи, куда уйдешь отъ скуки и жены,
Жены, которая за всякую морщину
Ея румянныхъ щекъ бранится на тебя?
Примѣръ достойнѣйшій и дочери и сыну!

*

Что усладитъ, скажи, безъ вѣры старика,
Что память добраго въ прошедшемъ сохранило!
Что совѣсть... ты молчишь! бѣднѣе червяка,
Тебѣ постыла жизнь, тебя страшитъ могила!

Дельвигъ.

Тихая жизнь.

Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей,
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесется,
Кто дышетъ въ родинѣ и съ милою своей
Какъ весело заснетъ, такъ весело проснется.

*

Кто молоко отъ стадъ, хлѣбъ съ нивы золотой
И мягкую волну съ своихъ овецъ сбираетъ,
Кому зеленой букъ трещитъ въ огнѣ зимой
И сонъ прохладою въ день лѣтній навѣваетъ.

*

Спокойно цѣлый вѣкъ прокатитъ онъ трудясь,
Полета быстраго часовъ не примѣчая,
Устанетъ наконецъ, зѣвнетъ перекрестясь,
Протянется, вздохнетъ, да и заснетъ зѣвая.

*

Такъ жизни Дельвига безвѣстно пролетѣть.
Не плачь Емилія! о други! веселиться!
Тамъ, говоритъ Вильгельмъ, мы будемъ гимны пѣть—
Давайте жъ мнѣ фіалъ, здѣсь надобно напиться.

Дельвигъ.

Воспоминаніе.

(Къ Пущину.)

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ
Мы топили горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?
Какъ укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво
Школьной стражи вдалекѣ?
Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?
Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!...
Вдругъ педанта гласъ ужасной
Намъ послышался вдали—
И бутылки вмигъ разбиты—
И бокалы всѣ въ окно—
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.
Убѣгаемъ торопливо—
Вмигъ изчезъ минутный страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,
Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижной тусклой взоръ—
Измѣняли часъ похмѣлья
Сладкій вакха заговоръ!
О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ въ часы безпечны
Поминать его виномъ.

Пушкинъ.

Разсудокъ и Любовь.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
Постой! кричалъ, прелестная! постой!
Скажи люблю—и бѣгать за тобой
Не стану я—клянуся въ томъ Кипридой.
Молчи, молчи, Разсудокъ говорилъ,
А плутъ Эротъ! скажи ты сердцу милъ.

*

Ты сердцу милъ! пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
И страстный взоръ Дорида потупила.
Бѣги! бѣги Разсудокъ ей твердилъ,
А плутъ-Эротъ: останься говорилъ.

*

Осталася—и трепетной рукою
Взялъ руку ей счастливый пастушокъ.
Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ
Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою.
Бѣги, бѣги, Разсудокъ повторилъ
Учись отъ нихъ, Эротъ ей говорилъ.

*

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,
И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала....
Будь счастлива! Эротъ ей прошепталъ
Разсудокъ что жъ! разсудокъ ужъ молчалъ.

Пушкинъ.

Къ Наташѣ.

Вянетъ, вянетъ лѣто красно;
Улетаютъ ясны дни;
Стелется туманъ ненастной
Ночи въ дремлющей тѣни;

Опустѣли злачны нивы;
Хладенъ ручеекъ игривый;
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ;
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

* * *

Свѣтъ-Наташа! гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?
Ни надъ озеромъ волнистымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
Ранней,—позднею порой,
Не встрѣчаюсь я съ тобой.

* * *

Скоро, скоро холодъ зимный
Рощу поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачушкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ;
Не увижу я прелестной
И, какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

Пушкинъ.

О к н о.

Гдѣ міръ одной мечтѣ послушной?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно,
Дышать унынъемъ мой удѣлъ:
Напрасно лѣтнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ;
Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,

Иль день багряный вечерѣетъ
И тихо тускнетъ неба сводъ,
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ.
Не давно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезёю,
Я видѣлъ: дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла,
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Она съ волненіемъ глядѣла
На темный подъ холмами путь.
Я здѣсь! шепнули торопливо,
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо....
Луна покрылась темнотой.—
Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою,
Тебя веселье ждетъ одно;
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроется окно?

Пушкинъ.

Наслажденіе.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость отлетаетъ
И слѣдъ ея—печали слѣдъ.
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ!
Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье!
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златыя крылья развивая,
Волшебной нѣжной красотой,

Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.
Я вслѣдъ... но цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!...
Когда жъ весельемъ окриленной
Настанетъ щастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей.

Пушкинъ.

Къ Машѣ.

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты рифмы набросать,
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.
Спѣшу исполнить приказанье,
Года не смѣютъ погодить:
Еще семь лѣтъ—и обѣщанье
Ты неисполнишь можетъ быть.
Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть—
И жертвуя богинѣ скуки,
Съ ваксала въ маскерадъ летѣть.—
И ужъ невспомните поэта....
О Маша, Маша, поспѣши:
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши.

Пушкинъ.

Застольная пѣсня.

Други! пусть года несутся:
О годахъ ли намъ тужить,
Коль не все и лозы вьются?
Но скорѣй и пить—и жить.

Громкій смѣхъ надъ лѣкарями
При плесканьи полныхъ чашъ:
Вѣрьте мнѣ, Игея съ нами,
Самъ Лізй цѣлитель нашъ.

*

Пѣнный Мозель восхищенье
Изливаетъ въ нашу кровь;
Пейте жъ съ нимъ вы утѣшенье
И болтливую любовь!

*

Выпили. Еще! кругами
Рдѣетъ радость на щекахъ;—
Порхъ! Амуръ забилъ крылами
И—мы дремлемъ на цвѣтахъ.

Пушкинъ.

Погребъ.

О сжальтесь надо мною,
Товарищи друзья!
Красоткой удалою
Въ конецъ измученъ я.
Всечастно я тоскую,
Горька моя судьба,
Несите жъ круговую,
Откройте погреба.
Тамъ, тамъ во льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера таится
Боченокъ выписной.
Нашъ [1] Либеръ, заикаясь,
Къ нему покажетъ путь,—
Пойдемте всѣ шатаясь
Подъ бочками заснуть!

[1] [ш передѣлано карандашомъ въ м (т. е. Намъ)].

Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

Пушкинъ.

Истина.

Не давно мудрые искали
Забытыхъ истины слѣдовъ,
И долго, долго толковали
Давнишни толки стариковъ,
Твердили: „истина нагая
„Въ колодезь убралась тайкомъ."
И дружно воду выпивая
Кричали: „здѣсь ее найдемъ!"

* * *

Но кто то смертныхъ благодѣтель—
И чуть ли не старикъ Силенъ—
Ихъ важной глупости свидѣтель
Водой и крикомъ утомленъ,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ,
И осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ истину на днѣ.

Пушкинъ.

Делія.

Тыль передо мною,
Делія моя!
Разлученъ съ тобою
Сколько плакалъ я!
Тыль передо мною
Или сонъ мечтою
Обольстилъ меня?

* * *

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что былъ;
Но тебя, подруга!
Всежъ не позабылъ—
И твердитъ унылой:
Я любимъ ли милой,
Какъ бывало былъ?

* * *

Что теперь сравнится
Съ долею моей!
Вотъ слеза катится
По щекѣ твоей—
Делія стыдится?...
Что теперь сравнится
Съ долею моей!

Пушкинъ.

Къ Деліи.

О Делія драгая!
Спѣши моя краса;
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса;
Безмолвно мѣсяцъ покатился;
Спѣши, твой Аргусъ удалился
И сонъ сомкнулъ его глаза.

*

Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенной
Сребристыя волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой
И блескомъ освѣщенъ луны.

*

Накинутъ тѣни ночи
Покровы намъ свои,
И дремлютъ сѣни рощи,

И быстро мигъ любви
Летитъ—я весь горю желаньемъ,
Спѣши, о Делія! свиданьемъ
Спѣши въ объятія мои.

Пушкинъ.

Наташа.

О радость! восхищенье!
Сего дня воскресенье,
И чувства въ упоеньѣ
Къ обѣдни я лечу!

*

Я видѣлъ тамъ Наташу,
И страсти выпилъ чашу....
Любовь кто можетъ нашу
Прервать... но мнится, чу!

*

Вотъ колоколъ раздался
Народъ весь зашатался,
Съ женою попъ разстался
И въ церкви весь причетъ.

*

О Господи! я грѣшной
Къ спасенію безпечной!
Наташа, другъ сердечной,
Одна меня влечетъ.

Карсаковъ.

Къ Ней.

Ельвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ,
Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
Любовникъ осужденъ?

*

Уже ли никогда на друга другъ не взглянетъ,
Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?

Ужели никогда насъ утро не застанетъ
Въ объятіяхъ любви?

*

Ельвина! почему въ часы глубокой ночи
Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

*

И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоенья,
Твой шопотъ сладостный и томный стонъ внимать,
И тихо, въ скромной тьмѣ, для нѣги пробужденья,
Близь милой засыпать.

Пушкинъ.

Слеза.

Вчера за чашей пуншевою
Съ Гусаромъ я сидѣлъ,
И молча, съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.

*

Скажи, что смотришь на дорогу?
Мой храбрый вопросилъ:
Еще по ней ты, славу Богу,
Друзей не проводилъ.

*

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ
„Гусаръ! ужъ нѣтъ ее со мною!...“
Вздохнулъ и замолчалъ.

*

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ.
— Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ,
Стыдись!—онъ закричалъ.

*

„Оставь, Гусаръ! охъ, сердцу больно!
Ты знать не горевалъ:
Увы! одной слезы довольно
Чтобъ отравить бокалъ!“

Пушкинъ.

Къ Пастушкѣ.

Что ты, Пастушка приуныла,
Не пляшешь, не поешь?
Къ колѣнамъ руки опустила
Идешъ и неидешь?
Во взорѣ, въ поступи томленье,
Въ щекахъ пылаетъ кровь,
Ты и въ тоскѣ и въ восхищеньѣ:
Не это ли любовь?

*

Ага? закрылася руками,
Мнѣ отвѣчаешь: нѣтъ!
Не закрывай лица руками,
Не отвѣчай мнѣ: нѣтъ!
Я слышалъ, Хлоя, отъ пастушекъ
Что такъ волнуетъ кровь;
Я слышалъ, Хлоя, отъ пастушекъ
Разсказы про любовь.

Дельвигъ.

Того ужъ нѣтъ.

Бывало я на все сердился,
Игрушки портилъ, билъ,
Еще весь гнѣвъ не проходилъ,
Какъ я стыдился.

*

Того ужъ нѣтъ! вотъ я влюбился,
Томленьемъ грудь полна!
Бывало взглянетъ лишь она —
И я стыдился.

*

Того ужъ нѣтъ! вотъ я женился
На молодой вдовѣ,
Но глядь: рога на головѣ—
Я застыдился.

*

Того ужъ нѣтъ! вотъ я явился
Въ собраньи съ парикомъ,
И всѣ трунятъ надъ старикомъ—
Смерть какъ взбѣсился.

Дельвигъ.

В и н о.

Что мнѣ до стиховъ любовныхъ?
Что до вздоховъ и до слезъ?
Я смѣюсь надъ дураками
И съ веселыми друзьями
Пью въ тѣни березъ.

* * *

Намъ вино дано на радость,
Богомъ щедрымъ создано;
Гонитъ мрачныя мечтанья,
Гонитъ скуку и страданья
Свѣтлое вино.

* * *

Много, много винограду
Былъ въ раю отецъ-Адамъ;
Грусти онъ и слезъ не вѣдалъ,
А какъ яблока отвѣдалъ
Отперъ дверь бѣдамъ.

* * *

Другъ воды на мірѣ прекрасный
Смотритъ въ черные очки:
Мало трезвыхъ Демокритовъ
А съ пьяна Митрополитовъ
Счастливѣй Дьячки.

* * *

О вино, краса вселенной,
Всѣмъ сокровищамъ вѣнецъ!
Кто заботы и печали
Топитъ въ пѣнистомъ фіалѣ,
Тотъ прямой мудрецъ.

Кюхельбекеръ.

Къ радости.

Не порхай, летунья-Радость!
Сядь и погости у насъ;
Удержи, Богиня-сладость,
Удержи крылатый часъ.

* * *

Отдохни: вѣдь въ Петроградѣ
Пышность заняла твой тронъ,
Праздность бродитъ въ Лѣтнемъ садѣ,
Въ залахъ скука и бостонъ.

* * *

Не порхай летунья-Радость!
Сядь и погости у насъ;
Удержи, Богиня-сладость
Удержи крылатый часъ.

* * *

Здѣсь не по указу моды,
Не для новостей сошлись:
Мы въ объятіяхъ природы
Мы для дружбы собрались.

* * *

Не порхай летунья-Радость!
Сядь и погости у насъ;
Удержи, Богиня-сладость,
Удержи крылатый часъ.

* * *

Нынѣ ты хозяйка наша
Ахъ! не брось насъ на всегда!

Будь сладка намъ жизни чаша
Къ гробу насъ веди мечта.

* * *

Не порхай летунья-Радость!
Сядь и погости у насъ;
Удержи, Богиня-сладость,
Удержи крылатый часъ.

Кюхельбекеръ.

Дифирамбъ.

Переводъ изъ Шиллера.

Други! повѣрьте никто изъ Кронидовъ
Къ намъ одинокъ не сойдетъ:
Вакхомъ ли сѣнь освятилася хаты,—
Вотъ ужъ слетаетъ и мальчикъ крылатый
Пламенный Фебъ устремляется въ слѣдъ.

*

И всѣ ниспустились
Безсмертные Боги;
Въ Олимпъ обратились
Земные чертоги!

*

Чѣмъ же, Небесные, Пиррой рожденный
Васъ угостить я могу?
Дайте мнѣ нектаръ въ Гебеиной чашѣ,
Дайте въ удѣлъ мнѣ безсмертіе ваше,
Духъ вознесите въ обитель свою!—

*

Тамъ, тамъ надъ громами
Блаженство живетъ!
О дайте жъ мнѣ чашу!
Пусть дѣва нальетъ!

*

И не глаголъ ли Зевеса я слышу?
„Ты черезъ край Ганимеда
Кубокъ наполни пѣвца!

Очи омой животворной росою,
Да не смутится Стигійской волною,
Да не увидитъ восторгамъ конца!“

*

Источникъ отрады
Вскипѣлъ, засребрился:
И стихло волненье,
И взоръ прояснился.

Кюхельбекеръ.

Близость милой.

Изъ Гете.

Блеснетъ заря, а все въ моемъ мечтаньи
Лишь ты одна,
Лишь ты одна, когда потокъ въ молчаньи
Сребритъ луна.

* *

Я зрю тебя, когда вдали дороги
Катится прахъ,
И съ трепетомъ идетъ пастухъ убогій
Въ ночныхъ лѣсахъ.

* *

Мнѣ слышится твой голосъ несравненный
И въ шумѣ водъ;
Подъ вечеръ онъ въ дубравѣ оживленной
Меня зоветъ.

* *

Я близъ тебя: какъ ни была бъ далёко,
Ты все жъ со мной;
Взошла луна—когда бъ въ сей тьмѣ глубокой
Я былъ съ тобой?

Дельвигъ.

Капризъ любви.

Я знаю, знаю: холодна
Къ моей любви Аглая:

Непостоянна, невѣрна,
Кокетка записная;
Не умница, не красота
Ничѣмъ Лилетѣ не чета.
А я къ ней все пылаю:
За что? не понимаю.

*

А Лила, Лила, какъ нѣжна
Ко мнѣ любовью тая,
Привѣтлива, мила скромна,
Смиренница святая,
И умница и красота,
И ужъ Аглаѣ не чета.
— Я жъ все люблю Аглаю:
— За что?—не понимаю.

Илличевскій.

Надежда.

Амуръ, Амуръ лукавой
Опаснѣй всѣхъ боговъ
Онъ вѣчно скрытъ забавой,
Какъ змѣй листомъ цвѣтовъ.
Вчера я веселился
Съ прелестными въ кругу,
Сего дня пробудился
И сердцемъ не могу.
Но жалоба напрасна
На милаго божка:
Стрѣла его ужасна,
Но боль отъ ней сладка.
Счастливѣе, чѣмъ прежде
Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ любить,
Я сердце далъ Надеждѣ:
Могу ль печаленъ быть?
Надеждой мысль питаю,
Надеждой движусь я,

Въ Надеждѣ полагаю
Всѣ блага бытія.
Скажу, хотя бъ невѣжда
И осудить возмогъ:
Не богъ моя надежда
Моя Надежда богъ.

Иличевскій.

Перерожденіе.

Пролетѣли дни мои
Средь суетъ и заблужденья!
Мнѣ узнать красы твои
Было новымъ днемъ рожденья;
Новымъ свѣтомъ озаренъ
Глазъ твоихъ я взоромъ яснымъ,
Новой жизнью оживленъ
Съ дня, какъ сталъ тебѣ подвластнымъ.

*

О Надежда! Ангелъ мой!
Рай очей и сердца радость!
Должно видѣть образъ твой,
Чтобъ любви познать всю сладость,
Чтобъ украсить, обновить
Міръ волшебною мечтою
И впередъ желаньемъ жить
Жить единственно тобою.

*

О Надежда! поспѣши
Дай собою насладиться,
Иль въ предчувствіи души
Мнѣ напрасно счастьемъ льстится?
Или безъ тебя мнѣ часъ
Проклинать перерожденья
Или мнѣ жалѣть о васъ,
Дни суетъ и заблужденья?

Иличевскій.

Къ Надеждѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ, Ангелъ милой,
Разстался я съ тобой,
Души моей унылой
На вѣкъ изчезъ покой:
Брожу весь день вздыхая,
Ищу твоихъ слѣдовъ
Но ихъ не обрѣтая,
Виню свою любовь.

*

Рисую ль воображеньемъ,
Прелестная, тебя,
Такъ новымъ лишь мученьемъ
Тираню я себя.
Ты днемъ со мной въ мечтаньѣ,
Ты въ ночь со мной во снѣ,
Пройдетъ очарованье—
И снова грусть во мнѣ.

*

Припомню часъ блаженный,
Когда рука съ рукой
Леталъ я окрыленный
Любовью и тобой:
Ахъ! этотъ мигъ съ мечтаньемъ
Сравнится ли какимъ!
Теперь воспоминаньемъ
Живу лишь я однимъ.

*

О мигъ боготворимый
Влюбленною душой,
Увы! не возвратимый
Всѣхъ дней моихъ цѣной!
Останься незабвеннымъ
Ты въ памяти моей,
Какъ въ сердцѣ ею плѣнномъ
Сафиръ ея очей,

*

И всѣхъ красотъ небесныхъ
Плѣнительны черты,
И розы устъ прелестныхъ
Съ улыбкой доброты,
И перси нѣги полны,
И Граціи станъ прямой,
Власовъ златыя волны
И видъ любви самой.

Илличевскій.

Къ Ней же.

Бурна осень обложила
Мглой тумановъ облака,
Лѣсъ и поле обнажила
Разрушенія рука,
Но лишь ты средь насъ явилась,
Вся природа обновилась
О Надежда! все съ тобой
Снова разцвѣло весной.

*

Что жъ блеснуло солнце красно
Ты на мигъ очамъ моимъ?
Безъ тебя все вновь ненастно,
Сердце сжалось горемъ злымъ,
Радость слѣдомъ улетѣла
И природа помертвѣла.
Ахъ! страдальца пожалѣй,
Свѣтъ и жизнь души моей!

*

Возвратись ко мнѣ хоть въ бури
И мятели зимнихъ дней:
Ты замѣнишь свѣтъ лазури
Свѣтомъ мнѣ своихъ очей,
Ты улыбкою одною
Счастье примиришь со мною,
Въ сердцѣ чувства воскресишь,
Ты опять мнѣ жить велишь.

Илличевскій.

Отъ Живописца.

Всечасно мысль тобой питая,
Хотѣлось мнѣ въ мечтѣ
Тебя пастушкой, дорогая,
Представить на холстѣ.
Съ простымъ уборомъ, Галатеи
Тебѣ я прелесть далъ:
Но что жъ? напрасныя затѣи!
Я сходства не поймалъ.

*

Все стеръ и начинаю снова
Я выбралъ образцомъ
Елену, въ пышности покрова
Въ алмазахъ и съ вѣнцомъ
То жъ выраженье благородства,
Какъ и въ чертахъ твоихъ:
Но погляжу—опять нѣтъ сходства,
Нестало силъ моихъ.

*

Такъ! видно мысль одна дерзаетъ
Постичь красу твою.
Предъ совершенствомъ повергаетъ
Искуство кисть свою.
Амуръ всего удачнѣй пишетъ
Въ сердцахъ твой милый видъ,
А страсть, которой сердце дышетъ,
На вѣкъ его хранитъ.

Илличевскій.

Къ Милому Призраку.

Ахъ! за чѣмъ ты все летаешь,
Милый призракъ! предо мной,
И мечтами возмущаешь
Сердца сладостный покой?
Что въ мечтахъ безъ исполненья?

Что въ любви безъ упоенья?
Въ жизни розно съ дорогой?

*

Пусть сама она предстанетъ
И увидитъ что терплю,
Пусть въ отраду нѣжно взглянетъ
И промолвитъ мнѣ: люблю!
За минуту восхищенья
Всѣ прошедшія мученья
Я въ душѣ благословлю.

*

Но несбыточнымъ желаньемъ
Что любви безумной льстить,
И напраснымъ ожиданьемъ
Только муки сердца длить?
Улетай же, призракъ милой!
Дай покой душѣ унылой,
А счастливымъ, мнѣ не быть!

Илличевскій.

Сонъ.

(Отрывокъ).

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой:
Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой тёмной
Въ безвѣстности, заглохшею тропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Неоглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овидіи поютъ:
Мнѣ не дастъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ:
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея.
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покоиться въ пріятномъ крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь! приди въ мою пустыню
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню;
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здѣсь; докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно
И въ темной нишъ, гдѣ сумракъ воцарился
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной—
Вотъ мой диванъ; придижъ въ обитель мира;
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое вотъ краски кисть и лира.

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно сонъ спокойный предпочли,—
О мудрецы! дивиться вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хотите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ,
Тамъ можно жить и праздно и безпечно,
Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
Согласенъ я; въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
Въ платокъ зѣвать блистая въ модномъ свѣтѣ;
На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ:
Но можно ли вкушать отраду сновъ?
Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ,

Обманутый призраками ночными,—
И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится спѣсь подъ окнами моими.
Я дремлю вновь, вновь улица дрожитъ—
На скучный балъ разсѣянье летитъ....
О Боже мой! ужели здѣсь ложатся,
Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще стучатъ, а тамъ уже свѣтло,
И гдѣ мой сонъ? не лучше ли въ село?—
Тамъ рощица листочковъ трепетаньемъ,
Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Златыхъ полей, долины тишина:
Въ деревнѣ все къ томленью клонитъ сна
О сладкій сонъ, ни чѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣтухъ зарею пробужденный
Свой рѣзкій крикъ подыметъ можетъ быть;
Опасенъ онъ — онъ можетъ разбудить.
И такъ пускай, въ сераляхъ удаленны,
Султаны куръ гордятся заключенны
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спать хотимъ, любезные друзья
Стократъ блажень, кто можетъ сномъ забыться,
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться,
Средъ мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что жъ надобно? движенье, господа!
Похвальна лѣнь; но есть всему предѣлы:
Смотрите Клитъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженый, больной
Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской.
Наступитъ день: несчастный, задыхаясь,
Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда жъ ночной туманъ
Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
Съ дивана Клитъ къ постелѣ поползетъ;

И какъ же ночь несчастной проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣтъ! сонъ ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу какъ общій другъ, Бершу,
Предписывать вамъ тяжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья,
Нѣтъ! въ рощи я лѣнивца приглашу:
Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой;
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мои! возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ,
И въ долгу ночь глубокъ вашъ будетъ сонъ.
Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ
Пускай войдетъ, отрада жизни нашей,
Веселья богъ съ широкой, полной чашей,
И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ.
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
Стакана три шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надутыми щеками
Не приходи стучаться у дверей;
Я радъ ему; но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу,
Его дары; но право въ вечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.
Не ужинать святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.
Брегитесь вы, о дѣти мудрой лѣни!

Обманчивой успокоенья тѣни:
Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что вашъ покой? безчувствіе глубоко.
Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ не сносное томленье,
И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близь водопада,
Что подъ горой клокочетъ и кипитъ
Прелестный сонъ, усталости награда,
При шумѣ волнъ на дикій брегъ слетитъ
Покроетъ взоръ туманной пеленою,
Обниметъ васъ, и тихою рукою
На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ:
О! сладостно близь шумныхъ водъ забвенье;
Пусть далѣе продлится вашъ покой,
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
Все тихо вкругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ;
Блѣднѣетъ уголь, и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу віясь уходитъ;
И вотъ, жезломъ невидимымъ своимъ,
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ; Кандидъ изъ вашихъ рукъ
Закрывшися упалъ въ колѣни вдругъ,
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете, надъ вами мира кровъ:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный изцѣлитель,
Мой другъ Морфей, мой давный утѣшитель!

Тебѣ всегда я жертвовать любилъ
И ты жреца давно благословилъ
Забуду ли то время золотое
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда въ углу подъ вечеръ притаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей,
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье
Ахъ! умолчу ль о Мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ разказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
Отъ ужаса нешелохнусь бывало,
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы,
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины
Драгой антикъ прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало:
Все въ душу страхъ невольный поселяло,
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ, крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали.
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глуши лѣсной, средь муромскихъ пустынь
Встрѣчалъ [1] Полкановъ и Добрыней
И въ вымыслахъ носился юный умъ...

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности ужъ возрастъ наступилъ.

[1] [Послѣ этого слова надъ строкою написано карандашомъ: х и х и х ъ].

Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны,
И я мечту младой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? восторгами родилась,
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.
Проснулся я; ищу на небѣ день:
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
И вкругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ! безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной тиши я съ рифмою не бьюсь,
Не вижу ввѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ [1].

Я не герой, по лаврамъ не тоскую;
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ—и лаемъ псовъ привратной
Не возмущалъ мечты моей пріятной;
Я не злодѣй, съ волненьемъ и тоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убійственныхъ дѣтей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный блѣдный страхъ
Не хмурится угрюмо въ головахъ.

Пушкинъ.

Элегіи.

I.

Опять я вашъ, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я
Все тѣ же вы, но сердце ужъ не тоже:
Уже не вы ему всего дороже,
Ужъ я не тотъ.... невидимой стезей
Ушла пора веселости безпечной,

[1] [Этотъ стихъ выправленъ карандашомъ такъ:
Ни стараго двора старушекъ музъ.]

Ушла на вѣкъ, и жизни скоротечной
Лучь утренній блѣднѣетъ надо мной.
Веселіе разталося съ душой
Отверженный судьбиною ревнивой
Улыбку, смѣхъ, и рѣзвость и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Покровъ лежитъ надъ юною главой.
Напрасно вы, бѣсѣдою шутливой
И нѣжностью души краснорѣчивой,
Мой тяжкій сонъ хотите перервать
Все кончилось—и рѣзвости счастливой
Въ душѣ моей изгладилась печать.
Чтобъ удалить угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
Все кончилось, одну печаль я вижу:
Мнѣ страшенъ міръ, мнѣ скученъ дневный свѣтъ.
Пойду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу.
Во тьмѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвѣли до мѣсячныхъ лучей!
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы—невольно льются слезы,
И вяну я на темномъ утрѣ дней.
О Дружество! предай меня забвенью.
Въ безмолвіи, покоряся судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ.

II. Осеннее утро.

Поднялся шумъ, свирѣлью полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ образомъ любовницы драгой
Послѣднее слетѣло сновидѣнье.
Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,

Взошла заря, блистаетъ блѣдный день,
А вкругъ меня глухое запустѣнье...
Ужъ нѣтъ ее.... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
На берегу, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее—и гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной;—
Его струи медлительно текли:
Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенной.
Ужъ нѣтъ ее!... До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены.
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится желтый листъ,
Стоитъ туманъ на волнахъ [1] охладѣлыхъ
И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидѣтели безпечныя забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

III. Сну.

Знакомецъ милой и старинный,
О сонъ, хранитель добрый мой!
Гдѣ ты? подъ кровлею пустынной
Мнѣ ложе стелетъ ужъ покой.
Въ безмолвной тишинѣ ночной.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,

[1] [Это слово передѣлано карандашомъ въ: х о л м а х ъ.]

До утра только дай отраду
Моей мучительной любви.
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки грустной приговоръ,
Пускай увижу милый взоръ
Пускай услышу голосъ милый.
Когда жъ умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи.

IV.

Любовь одна веселье жизни хладной
Любовь одна мученіе сердецъ.
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный
А горестямъ не виденъ и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрой мигъ поймаетъ на лету;
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливою преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
Вы чувствами свободныя пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли страсть—и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и пристрастный
Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
Съ Пермескими царицами согласный
Инымъ изъ васъ на радость указалъ;
Другихъ на вѣкъ печалями связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной!

Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладость;
Какъ утра лучь, сіяютъ ваши дни.
Пѣвцы любви! младую пойте радость.
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,

Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!...
Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви! вы вѣдали печали
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минутную забаву;
Но не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили по крайнѣй мѣрѣ славу
И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тьмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ, не рѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сонъ,
Поэзіи засжется ль упоенье,—
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ,
Одинъ люблю, онъ любитъ и любимъ!...
Люблю, люблю!... но къ ней ужъ не коснется
Страдальца гласъ;—она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? подъ кленомъ полевымъ,
Оставилъ я, пустынному зефиру,
Ужъ на всегда покинутую лиру,
И слабый даръ, какъ легкій скрылся дымъ.

V. Мѣсяцъ.

За чѣмъ изъ облака выходишь
Уединенная луна,

И на подушки сквозь окна
Сіянье тусклое наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грустныя мечтанья,
Любви напрасныя страданья
И, гордымъ разумомъ моимъ,
Чуть усыпленныя желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни несчастная любовь!
Ужъ не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей
Сквозь темный ясенъ проницало
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу любовницы моей.
Что вы, восторги сладострастья!
Предъ тайной прелестью отрадъ
Прямой любви, прямаго счастья?
Примчатся ль радости назадъ?
Почто, минуты! вы летѣли
Тогда столь быстрой чередой,
И тѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
За чѣмъ ты, мѣсяцъ! укатился
И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
За чѣмъ лучь утренній блеснулъ?
За чѣмъ я съ милою простился?...

VI.

Счастливъ кто въ страсти самъ себѣ
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣетъ,
Кому луны туманный лучь
Въ полночи свѣтитъ сладострастной,
Кому тихонько вѣрный ключь
Во тьмѣ отворитъ дверь прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увялъ надежды ранній цвѣтъ;
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій;
Печально младость улетитъ;
Услышу старости угрозы;
Но я, любовью позабытъ,
Моей любви забуду ль слезы? —

VII.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукѣ твоей устами прикоснулся, —
Да! помню все: я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль,
Я говорилъ: „не вѣчная разлука
Всѣ радости уноситъ нынѣ въ даль.
Забудемся! въ мечтахъ потонетъ мука
Унынiе, губительная скука,
Пустынника приютъ не посѣтятъ;
Мою печаль усладой Муза встрѣтитъ:
Утѣшусь я,—и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодной мракъ освѣтитъ".
Какъ мало я любовь и сердце зналъ?
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводятъ
И не несутъ забвенія фіалъ.
О милая! по всюду ты со мною,
Но я унылъ и въ тайнѣ я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,—
Я все тебя, прелестной другъ ищу.
Засну ли я,—лишь о тебѣ мечтаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ,
Задумаюсь,—невольно призываю,
Заслушаюсь,— твой голосъ слышенъ мнѣ.

Разсѣянный сижу между друзьями,
Не внятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ,
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь любви ты голосъ не забыла...
О вѣрная! грусти, грусти со мной:
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ унынiе мое,
И слушая бряцанiе твое
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы.

VIII. Друзьямъ.

Къ чему, веселые друзья,
Мое тревожить вамъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ Муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взялъ я въ руки
Бряцать веселье на пирахъ
И, на ослабленныхъ струнахъ,
Искалъ потерянные звуки.
Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И на любовь устремлены
Огнемъ исполненныя очи
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

IX.

Я Лилу слушалъ у Клавира:
Ея прелестный, томный гласъ—
Волшебной грустью нѣжитъ насъ,

Какъ ночью вѣянье зефира.
Упали слезы изъ очей
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
Волшебенъ голосъ твой унылый;
Но слово милыя моей
Волшебнѣй пѣсенъ пѣтыхъ Лилой.

Пушкинъ.

На смерть Державина.

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ! нѣтъ ужъ великаго. Музы надъ прахомъ рыдаютъ.
Ихъ кудри упали развитыя въ безпорядкѣ на груди,
Ихъ персты по лирамъ недвижутся, голосъ въ устахъ изчезаетъ.
Амура забыли печальныя: съ цѣпью цвѣтошною скрылся
Онъ въ дикомъ кустарникѣ, слезы катятся по длиннымъ рѣсницамъ,
Забросилъ онъ лукъ и въ молчаньи стрѣлу о колѣни ломаетъ.
Мохнатой ногой растопталъ свирѣль семиствольную Богъ Панъ
Вѣнчанъ осокою ручей убѣжалъ отъ повергнутой урны,
Гдѣ Бахусъ на Тигрѣ, съ толпою Вакханокъ и древнимъ Силеномъ
Изсѣченъ на мраморѣ; тина льется изъ мраморной урны.
И Нимфа, на брегѣ сидя, ужъ не плещетъ въ подругу струею.

*

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится о Пушкинъ!
О Пушкинъ! нѣтъ ужъ великаго. Музы надъ прахомъ рыдаютъ
Веселье въ Олимпѣ. Вулканъ хромоногій подноситъ безсмертнымъ
Амвросію, Нектаръ—Зевесовъ прелестный любимецъ,
И каждый безсмертный вкушаетъ съ Амвросіей сладостный Нектаръ.
И отворотясь улыбается Марсу Венера. И вижу
Въ восторгѣ я васъ, полубоги Россіи! Шумящей толпою
На копья склонясь, ожиданье на челахъ, въ безмолвьи стоите,
И вотъ повернулъ сѣдовласый Кронъ часы, и пресѣкли
Суровыя Парки священную нить—и восхитилъ къ Олимпу
Священную тѣнь Аполлонъ при сладостной пѣсни безсмертныхъ.

*

Державинъ! Державинъ! Хвала возвышеннымъ поэтамъ! возстаньте
Безсмертные! угостите безсмертнаго—юная Геба!
Омой его очи водою Кастальскою! Вы Хариты!

Кружитесь, пляшите подъ лиру Державина. — Долго не зрѣли
Небесные утѣшенья земли и Олимпа святаго Пиита!—
И Пиндаръ узналъ себѣ равнаго, Флакъ Философа брата
И Анакреонъ нацѣдилъ ему въ кубокъ пылающій Нектаръ
Веселье въ Олимпѣ! Державинъ поетъ Героевъ Россіи!

*

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ! нѣтъ ужъ великаго. Музы надъ прахомъ рыдаютъ.
Вотъ прахъ вѣщуна, вотъ лира виситъ на вѣтвяхъ Кипариса:
При самомъ рожденьи пѣвецъ получилъ ее въ даръ отъ Эрмія.
Безсмертный уперся ногой натянуть на кругъ черепахи
Гремящіе струны, и только въ часы небесныхъ восторговъ
Державинъ дерзалъ разсыпать по струнамъ бѣгущіе персты.
Кто жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирой? Кто, Пушкинъ!
Атлетъ Молодой кипящій летѣть по шумной аренѣ
Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣнкомъ увѣнчаетъ.
Молися Каменамъ, и я за друга молю васъ Камены!
Любите младаго пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юныя персты!
Но и въ старости грустной пускай онъ пріятно по лирѣ,
Гремящей сперва, ударяя уснетъ изчезающимъ звономъ.

Пушкинъ [1].

Пирующіе Студенты.

Друзья досужный часъ насталъ
Все тихо, все въ покоѣ,
Скорѣе скатерть и бокалъ!
Сюда вино златое!
Шипи, Шампанское въ стеклѣ
Друзья, по что же съ Кантомъ
Сенека, Тацитъ на столѣ
Фольянтъ надъ фоліантомъ
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ
Мы полемъ овладѣемъ,
Подъ столъ ученыхъ дураковъ
Безъ нихъ мы пить умѣемъ.

*

[1] [См. выше, *Предисловіе.*]

Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?
На всякій случай изберемъ
Скорѣе президента.
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ и грокъ душистой
А вамъ, Спартанцы! поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой
Апостолъ нѣги и прохлады,
Мой добрый Галичъ vale
Ты эпикуровъ младшій братъ
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками убери
Будь нашимъ президентомъ,
И станутъ самые Цари
Завидывать студентамъ.

*

Дай руку, Дельвигъ! что ты спишь?
Проснись лѣнивецъ сонный
Ты не подъ каѳедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни здѣсь кругъ твоихъ друзей;
Бутыль виномъ налита;
За здравье нашей музы пей,
Парнасскій волокита.
Острякъ любезный! по рукамъ!
Полнѣй бокаль досуга
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга.

*

А ты, красавецъ молодой,
Сіятельной повѣса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее—завѣса! –
Хотя студентъ, хотя я пьянъ
Но скромность почитаю:
Придвинь же пѣнистый стаканъ
На брань благословляю.

*

Товарищь милой! другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку;
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Не рѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ
И тотчасъ помиримся.

*

О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь,
Забавный право ты поэтъ
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краевъ,
Разсудокъ богъ съ тобою!...

*

А ты, повѣса изъ повѣсъ,
На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорѣзъ
Пріятель задушевный
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,
Въ козачью шапку пуншъ нальемъ
И пить давайте снова.

*

Приближься, милой нашъ пѣвецъ
Любимый Аполлономъ
Воспой властителя сердецъ
Гитары тихимъ звономъ:
Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
Томленье звуковъ льется;
Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
Нѣтъ! пьяный лишь смѣется.

*

Не лучшель, Роде записной!
Въ честь Вакховой станицы

Теперь скрыпѣть тебя струной
Разстроенной скрыпицы?
Запойте хоромъ, Господа!
Нѣтъ нужды, что нескладно?
Охрипли?... Это не бѣда:
Для пьяныхъ все вѣдь ладно.

*

Но что? я вижу все вдвоемъ:
Двоится штофъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ
Гдѣ вы, товарищи? гдѣ я?
Скажите Вакха ради!
Вы дремлете, мои друзья!
Склонившись на тетради
Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе
Вильгельмъ! прочти свои стихи
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

Пушкинъ.

Къ Жуковскому.

Благослови, поэтъ! въ тиши Парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ и лира мой удѣлъ.
Страшусь неопытный безславнаго паденья
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья;
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія *
Стражъ вѣрной прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ Музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ
И славный старецъ нашъ, Царей пѣвецъ избранный, **

* Карамзинъ.
** Державинъ.

Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
И ты, природою на пѣсни обреченный
Не тыль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной.
Могуль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струёй
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И тайно съединясь въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ трудной путь
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!...
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И мнится Геній вашъ промчался надо мной!
Но что? подъ грозною Парнасскою скалою,
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ Зоилы записные,
Сидятъ Безсмыслицы дружины боевыя.
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскія стихи визжитъ Варяговъ строй;
Смѣхъ общій имъ отвѣтъ. Надъ мрачными толпами
Ко мнѣ два призрака склонилися главами:
Одинъ на груды сѣлъ и прозы и стиховъ,
Тяжелые плоды полунощныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
Съ улыбкой внемлетъ вой стопосложитель хилый—
Предъ нимъ разстерзанный стенаетъ Тилимахъ
Желѣзное перо скрыпитъ въ его перстахъ,
И тянетъ за собой Гекзаметры сухіе,—
Спондеи жесткіе и Дактили тугіе.
Ретивой Музою прославленный пѣвецъ!
Гордись ты Мевія надутый образецъ!
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,

А онъ—онъ ризомою попралъ и вкусъ и умъ.
Тыль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пиида сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему ли карлику тягаться съ Исполиномъ?
Ему ль оспоривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертной нашъ пѣвецъ,
Веселье россіянъ, полунощное диво? *
Нѣтъ! въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
Ужъ на челѣ его забвенія печать
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Страшилась Грація цинической свирѣли
И персты грубые на лирѣ костенѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ:
Явится Депрео, изчезнетъ Шапеленъ.—
И что жъ? всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
Невѣжду нѣтъ невѣжество слѣпое,
Оно сокрыло ихъ во мрачной свой приютъ,
Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ
Тотъ вѣрный своему мятежному союзу—
На сцену возведя зѣвающую Музу,
Безсмертныхъ Геніевъ сорвать съ Парнасса мнитъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ;
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
Куплетомъ ранень онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ.
При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ
И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свитъ.
Всѣ, руку положивъ на томъ Тилимахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой:

* Ломоносовъ.

Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ
И Русской глупости не хочетъ бить челомъ!...
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата
И рѣчи сыплются дождемъ на сопостата.—
И вы востаньте же Парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы
Въ счастливой ереси и вкуса и ученья
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья
Отмститель Генія, другъ истины—поэтъ!
Ліющая съ небесъ и жизнь и вѣчный свѣтъ,—
Стрѣлою гибели—десница Аполлона
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона.
Смотрите пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ: други! месть!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ званья дали вѣсть.
Летите на враговъ и Фебъ и Музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество смирясь потупитъ хладный взоръ,
Спѣсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ....
Но вижу: возвѣщать намъ истины опасно
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно
И смертный приговоръ талантамъ возгрѣмѣлъ.
Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?
Что нужды? смѣло въ даль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ—
Мнѣ ты примѣръ,—что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:
Имъ прозы ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба.
Ихъ слава имъ же стыдъ, творенья смѣхъ уму
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

Пушкинъ.

Принцу Оранскому.

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечь окровавленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

* * *

Свершилось.... взорами Царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй,
Могущей бранью снова скованъ.

* * *

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву—
И былъ низверженъ ужасъ міра:
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго Порфира.

* * *

И мглой повлекся окруженъ,
Притекъ, и съ буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткой тронъ,
И палъ отторженъ отъ вселенной.

* * *

Утихло все: не мчится громъ,
Не блещетъ мечь окровавленной,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

* * *

Хвала, о юноша герой!
Съ героемъ дивнымъ Албіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона.

* * *

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щиты кровавы,

Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы.

* * *

Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести:
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести.

Пушкинъ.

У с ы.

(Философическая Ода.)

Глаза скосивъ на усъ кудрявый,
Гусаръ, съ улыбкой величавой,
На палецъ завитки моталъ;
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:

*

Гусаръ! все тлѣнно подъ луною:
Какъ волны слѣдомъ за волною,
Проходятъ царства и вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ драммы тощія Клеона?
Умчала все временъ рѣка.

*

За уши усъ твой закрученный,
Виномъ и ромомъ окропленный,
Гордится юной красотой
Не знаетъ бритвы, выписною
Онъ вѣчно лоснится сурьмою,
Расправленъ гребнемъ и рукой.

*

Чтобы не смять уса лихова,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,

Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
И утромъ вновь его завьешь.

*

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу Гусаровъ поседѣлыхъ
И черноусыхъ удальцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешъ бутылки?
Коня, красавицъ и усовъ!

*

Сраженья страшный часъ настанетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ,
А ты надъ ухорскимъ сѣдломъ
Разсудка, памяти не тратишь:
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную потомъ.

*

Окованный волшебной силой,
Наединѣ съ красоткой милой
Ты маешься: одной рукой.
Въ восторгахъ нѣги сладострастной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.

*

Гордись, Гусаръ! но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно:
Летятъ губительны часы!
Румяны щеки пожелтѣютъ,
И черны кудри посѣдѣютъ,
И старость выщиплетъ усы.

Пушкинъ.

Къ Молодой вдовѣ.

Лида, другъ мой неизмѣнный,
Почему сквозь легкій сонъ
Часто, нѣгой утомленный,

Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, въ любви счастливой
Видя страшную мечту
Взоръ недвижный, боязливый
Устремляешь въ темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморокъ любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей
О безцѣнная подруга!
Вѣчно ль слезы проливать?
Вѣчно ль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ:
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ весенни розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,
Откровенной дружбы слёзы
И любовницъ робкой зовъ...
Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ
И, блаженствомъ упоенный,
На груди твоей уснулъ.
Спитъ увѣнчанный счастливецъ:
Вѣрь любви—невинны мы —
Нѣтъ! разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы;
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близъ любовника не станетъ,
Вызывая спящій день.

Пушкинъ.

Къ Дельвигу.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою
Извивы темныя двухолмной высоты,
Кто жизни въ тайный путь съ невинною душою
Пустился плѣнникомъ мечты!
Наперснику боговъ безвѣстны бури злыя,
Надъ нимъ ихъ промыселъ, безмолвною порой
Его баюкаютъ Камены молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой.
Стыдливой Граціи внимаетъ онъ совѣты
И, чувствуя въ груди огонь еще младой,
Восторженный поетъ на лирѣ золотой:
О Дельвигъ! счастливы поэты!

*

Мой другъ и я пѣвецъ! и мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья.
Въ младенчествѣ моемъ я чувствовать умѣлъ,
Все жизнью вкругъ меня дышало,
Все рѣзвой умъ обворожало
И первую черту я быстро пролетѣлъ.
Съ какою тихою красою
Минуты дѣтства протекли;
Хвала, о боги! вамъ, вы мощною рукою
Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели.

*

Но все прошло—и скрылись въ темну даль
Свобода, радость, восхищенье;
Другимъ и юность наслажденье:
Она мнѣ мрачная печаль!
Такъ рано... зракъ кровавой
И низкой клеветы сокрытый ядъ.
Нѣтъ, нѣтъ! ни счастіемъ ни славой
Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ
На край погибели любимцевъ обольщенныхъ.

Изчезъ священный жаръ!
Забвенью сладкихъ пѣсней даръ
И голосъ струнъ одушевленныхъ!
Во прахъ и лиру и вѣнецъ!
Пускай не будутъ знать, что нѣкогда пѣвецъ
Враждою, завистью на жертву обреченный
Погибъ на утрѣ лѣтъ
Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ
Косой безвременно сраженный.
И тихо проживу въ безвѣстной тишинѣ,
Потомство грозное не вспомнитъ обо мнѣ
И гробъ несчастнаго, въ пустынѣ мрачной, дикой,
Забвенья поростетъ ползущей павиликой!

Пушкинъ.

Къ Дельвигу.

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый духовникъ,
Жилецъ полей пустынныхъ!
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ.
Сначала я шалилъ,
Шутя стихи кропалъ,
А тамъ ихъ напечаталъ—
И вотъ теперь я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому,
Да я жъ и виноватъ,
Да ты же мнѣ въ досаду
(Что скажетъ бѣлый свѣтъ?)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ:

Смотрите: вотъ поэтъ!..
Спасибо за посланье,
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника потомъ
Вѣдь станутъ, въ посмѣянье,
Указывать перстомъ.
Измѣнникъ съ Аполлономъ
Ты видно за одно,
И мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено.
Увы мнѣ Метроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды застану:
Предатели друзья
Невинное твореньe
Украдкой въ городъ шлютъ
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ,
Бумагу убиваютъ;
Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки.
„Ахъ, сударь! мнѣ сказали
Вы пишете стишки?
Увидѣть ихъ не льзя ли?
Вы въ нихъ изображали,
Конечно ручейки,
Конечно василёчикъ,
Иль тихій вѣтерочикъ
И рощи и цвѣтки“...
О Дельвигъ! начертали
Мнѣ Музы мой удѣлъ,
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Въ объятіяхъ Морфея
Безпечный духъ лелѣя
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И негой насладиться:

Я право нѣги сынъ!
А тамъ хоть нѣтъ охоты,
Но придутъ ужъ заботы,
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ,
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться
Съ Графовымъ восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ!

Пушкинъ.

Любовь.

Что есть любовь? прелестный сонъ,
Собраніе очарованій:
Любовникъ посреди мечтаній,
То издаетъ печальный стонъ,
То чувствуетъ въ груди волненье,
Кидаетъ руки за мечтой,
И оставляетъ сновидѣнье
Съ разстроенною головой.

Дельвигъ.

Мое завѣщанье друзьямъ.

Хочу я завтра умереть,
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой тѣнью полетѣть.
Прости навѣкъ, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои!
Благоговѣнье и вниманье!
Пѣвецъ рѣшился умереть,
Итакъ, съ вечернею луною,
Въ саду не льзя ли дернъ одѣть
Узорной, бѣлой пеленою?
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши,

Нельзя ль, устроя длинный ходъ,
Нести наполненныя чаши?
Зовите на послѣдній пиръ
Спѣсивой Семелеи сына,
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай Веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремушкой,
И насъ отъ сердца разсмѣшитъ
За полной, пѣнистою кружкой;
Пускай игривою толпой
Слетятъ родныя наши Музы;
Имъ первый кубокъ круговой:
Друзья! священны намъ ихъ узы.
До ранней утренней звѣзды,
До тихаго лучей разсвѣта,
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фіалы братской череды.
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ восторженной груди;
Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
Не вспомню вѣчность и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!
Когдажъ востокъ озолотится
Во тьмѣ денницей молодой,
И бѣлой тополъ озарится,
Покрытый утренней росой:
Подайте гроздь Анакреона,
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона...
Простите, милыя друзья!
Подайте руку до свиданья,
И дайте, дайте обѣщанье,
Когда на вѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.

Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю и лѣнь и лиру.
Да будутъ Музы надъ тобой:
Ты не забудешь дружбы нашей.
О Пущинъ, вѣтренный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшей миртовый вѣнецъ!
Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други,—ей!...
На тихій праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;
И пусть на гробѣ, гдѣ пѣвецъ
Изчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
„Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ
„Питомецъ Нѣги и Аполлона".

Пушкинъ.

Наѣздникъ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала,
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Въ невѣрной темнотѣ тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спитъ, лишь волнъ мятежный ропотъ

Разносится въ тиши ночной
Да слышенъ издали глухой
Булата звонъ и конскій топотъ!
Толпа наѣзниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой
Дрожатъ и пышутъ кони ихъ
Главой трясутъ нетерпѣливой
Ужъ полемъ воины летятъ
Дубравы кровъ покинувъ зыбкой,
Усами грозно шевелятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой:
Ихъ лица радостью горятъ
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи,
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Унылъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно наклоненной
Къ тѣснимой горестью груди,
Печальной думой увлеченный
Онъ молча ѣдетъ впереди.
„Пѣвецъ угрюмый, что съ тобою?
„Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
„Поникъ безстрашною главою,
„Бразды и саблю опустилъ.
„Ужель, невольникъ праздной нѣги,
„Отраднѣй сонъ твоихъ полей
„Чѣмъ наши бурные набѣги
„И ночью бранный стукъ мечей"?...
„Стезя войны пускай опасна,
„Завиденъ гордый нашъ удѣлъ.
„Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна?
„Но ты средь боевъ не блѣднѣлъ:
„Тебя мы зрѣли подъ мечами
„Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ,
„Всегда межъ первыми рядами,
„Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
„Съ побѣдными съединяясь кликомъ
„Твой голосъ наши битвы пѣлъ

„А нынѣ ты, въ унынiи дикомъ,
„Какъ робкiй ратникъ онѣмѣлъ".
Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ:

*

„Глубокiй сонъ въ долинѣ бранной
„Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной;
„Готовъ, готовъ ударъ желанный;
„Предчувствую послѣдній бой;
„Зоветъ меня конецъ желанный;
„Мы грозно рынемся въ огонь;
„Ударитъ часъ—и одинокой
„Въ долину выбѣжитъ мой конь!...

*

„О вы, которые костями
„Сей ночью ляжете со мной!
„Скажите: милая слезами
„Вашъ усладитъ ли сонъ нѣмой
„Но я... напрасно сердце дышетъ,
„Настанетъ хладъ и тишина,
„Эльвина скоро вѣсть услышитъ:
„Онъ палъ!—и не вздохнетъ она.

*

„А вы, хранимые судьбами,
„Для тихихъ жизненныхъ отрадъ!
„Счастливцы!.. милыя слезами
„Благословится вашъ возвратъ.
„За чашей сладкаго спасенья,
„О братья, вспомните пѣвца,
„Его любовь, его мученья
„И славу грознаго конца"...
Умолкъ, и мчится въ бой кровавый;
Уже не возвратился онъ:
. . . . . На полѣ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ.
И утромъ юнаго поэта

Наѣздники, въ веселый часъ,
За чашей дружняго привѣта
Въ послѣдній вспомянули разъ.

Пушкинъ.

Фіалъ Анакреона.

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ давній Пафосъ
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіалъ Анакреона.
Онъ былъ тогда наполненъ
Свѣтлѣющею влагой;
Кругомъ висѣли розы
Холодный плющъ и мирты,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій
На краюшкѣ я видѣлъ
Коварнаго Амура;
Смотрѣлъ онъ пригорюнясь
На пѣнистую влагу.
„Что смотришь ты, проказникъ
На пѣнистую влагу?
Спросилъ я Купидона:
Скажи, что такъ утихнулъ?
Иль хочется зачерпнуть
Тебѣ златаго соку,
Да ручка не достанетъ?“
—Нѣтъ! отвѣчалъ малютка:
„Рѣзвясь я въ это море
„Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
„Всѣ бросилъ ненарочно
„А плавать не умѣю
„Вонъ, вонъ, на днѣ блистаютъ
„Ахъ! жалко мнѣ—послушай
„Достань мнѣ ихъ оттуда.
—О нѣтъ! сказалъ я богу:

Спасибо что упали,
Пускай тамъ остаются:
Тѣмъ лучше для меня!

Пушкинъ.

Сраженный Рыцарь.

Послѣднимъ сіяньемъ за лѣсомъ горя,
Вечерняя тихо потухла заря
Безмолвна долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка
Лѣнивой грядою идутъ облака,
Межъ ними луна золотая.

*

Чугунныя латы на холмѣ лежатъ,
Копье раздробленно, въ перчаткѣ булатъ
И щитъ подъ шеломомъ заржавымъ.
Вонзилися шпоры въ увлаженной мохъ
Лежатъ неподвижно, и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

*

Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь.
Онъ бранную голову клонитъ.
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ,
И дико трепещетъ, и стонетъ.

*

Во тьмѣ заблудившись пришлецъ идетъ:
Съ надеждою робость онъ въ сердцѣ несетъ,
Склонясь надъ дорожной клюкою.
На холмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль
Онъ смотритъ, и сходитъ и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.

*

Хладѣетъ пришлецъ; кольчуги звучатъ,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучатъ,
По камнямъ шеломъ покатился,

Скрывался въ немъ черепъ... при звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивый; скокъ летомъ на холмъ,
Взглянулъ—... и главою склонился

*

Ужъ спутникъ далече въ тьмѣ бродитъ ночной
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой,
Но утро денница выводитъ.
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны, и шлемъ не стучитъ,
И конь вкругъ погибшаго ходитъ.

Пушкинъ.

Перемѣнчивость.

Все измѣнилось, Платонъ! подъ скипетромъ лютаго Крона,
Нѣтъ просвѣщенныхъ Афинъ, Спарты слѣдовъ не найдешь
Боги покинули Грековъ, Греки забыли свободу,
И униженный рабъ точитъ могилу твою.
Все еще мало: внемли: и республику ты не узнаешь,
Я Поэтъ, но ее не оставляю душой!

Дельвигъ.

Моя Эпитафія.

Вдругъ развязавъ глаза, пустила
На свѣтъ меня судьба моя—
Отколь? за чѣмъ? не знаю я.
Теперь опять глаза закрыла;
Ведетъ меня судьба моя
Куда? опять не знаю я.

Илличевскій.

Къ Баболовскому дворцу.

Прекрасная! пускай восторгомъ насладится
Въ объятіяхъ твоихъ Россійскій полубогъ.
Что съ участью твоей сравнится?
Весь міръ у ногъ его—здѣсь у твоихъ онъ ногъ.

Пушкинъ.

Эпитафія.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

Пушкинъ.

Эпитафія А. А. Дельвига.

Что жизнь его? протяжный сонъ!
Что смерть? отъ грезъ ужасныхъ пробужденье.
Въ просонкахъ улыбнулся онъ
И снова, можетъ быть, тамъ зачалъ сновидѣнье!

Дельвигъ.

Въ альбомъ княжнѣ Волконской.

Сестрица! можно ли прелестную забыть?
За это Аполлонъ давно бъ мнѣ выдралъ уши;
Но красота стрѣлой велѣла прикрѣпить
Амуру къ сердцу мнѣ портретъ моей Танюши.

Дельвигъ.

Эпиграмма.

„Скажи, что новаго?“ Ни слова.—
„Не знаешь ли гдѣ, какъ и кто?“
О братецъ, отвяжись—я знаю только то,
Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

Пушкинъ.

Твой и Мой.

Богъ вѣсть за что философы, піиты
На *твой* и *мой* давнымъ давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,

Но и бранить причины не имѣю
То, что даритъ мнѣ радость и покой.
Что ежели бъ ты не была *моею*?
Что ежели бъ я не былъ, Ниса, *твой*?

Пушкинъ.

Экспромптъ на А.

Въ молчаньи предъ тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того ужъ вѣрно не скажу,
Что говоритъ воображенье.

Пушкинъ.

Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ
Отъ рифмъ бахическихъ—шатаясь на Пегасѣ—
Я не забылъ себя, хоть радъ, хотя не радъ.
Нѣтъ, нѣтъ! вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мнѣ и на Парнассѣ.

Пушкинъ.

Къ портрету Каверина.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ,
На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
И всюду онъ Гусаръ.

Пушкинъ.

Къ Письму.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди безчувственной коснется:
Быть можетъ, милые друзья,
Быть можетъ сердце вновь забьется.

Пушкинъ.

Тріолетъ К. Горчакову.

Тебѣ желаю, милый Князь!
Чтобы отнынѣ жилъ счастливо,
Звѣздами, почестьми гордясь.
Тебѣ желаю, милый Князь!
Видать любовь отъ черныхъ глазъ:
То для тебя ей! ей! не диво.
Тебѣ желаю милый Князь!
Чтобы отнынѣ жилъ счастливо!

Дельвигъ.

Сновидѣніе.

Не давно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, Царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось я любилъ тебя
И сердце билось наслажденьемъ.
Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъяснялъ.
Мечты! ахъ! отъ чего вы счастья не продлили?
Но Боги не всего теперь меня лишили:
Я только Царство потерялъ.

Пушкинъ.

О н а.

„Печаленъ ты, признайся, что съ тобою!"—
—Люблю мой другъ!—„Но ктожъ тебя плѣнилъ?"—
—*Она.*—Да кто жъ Глицера ль, Хлоя, Лила?—
— О нѣтъ!—„Кому жъ ты жертвуешь душой?"
—Ахъ! *ей!*—„Ты скроменъ, другъ сердечный!
Но почему жъ ты столько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ конечно..."
Не то мой другъ!—„Но чтожъ?"—Я *ей* не *онъ!*—

Пушкинъ.

Въ Альбомъ Малиновскому.

Мой другъ! въ пути сей жизни Богу
Послать угодно было намъ
Двѣ милыхъ спутницы въ дорогу
И двѣ помощницы трудамъ.
Одна влечетъ насъ за собою,
Мы отъ прелестной ни на часъ,
Другая нѣжною рукою
Въ пути поддерживаетъ насъ.
Съ одной мы дѣлимъ радость нашу,
Съ другой несемъ печалей гнетъ;
Одна намъ льетъ веселье въ чашу,
Другая утѣшенье бѣдъ.
Когдажъ усталымъ намъ положитъ
Судьба окончить трудный путь,
Одна намъ мягкій одръ разложитъ
А та пособитъ взоръ сомкнуть.
Одна надъ свѣжею могилой
Посадитъ кустъ минутныхъ розъ,
Другая кипарисъ унылой
И окропитъ росою слёзъ.
Веди ты съ ними дни златые!
Будь надъ тобой ихъ вѣрный кровъ!
Кто жъ эти существа благія?
Ихъ имя: *Дружба* и *Любовь*.

Илличевскій.

Въ Альбомъ Илличевскому.

1.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть христіанинъ православный.
Душа безсмертна, слова нѣтъ:
Моимъ стихамъ удѣлъ неравной,
И пѣсни Музы своенравной
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ,

Погибнутъ смертію забавной
И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ! вѣдаетъ мой добрый Геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей
Безсмертіе своихъ твореній.
Не властны мы въ судьбѣ своей,
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Сей плодъ небрежной вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ
На скромныхъ дружества листкахъ
Уйдетъ отъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
Твоею дружбой оживленной;
Мои стихи пускай умрутъ;
Гласъ сердца чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ.

Пушкинъ.

1817-го 31-го Маія.

2.

Прощай, товарищъ въ классѣ!
Товарищъ за перомъ!
Товарищъ на Парнассѣ!
Товарищъ за столомъ!
Прощай! и въ шумѣ свѣта
Меня не позабудь,
Не позабудь поэта,
Кому ты первыхъ путь,
Путь скользкій, но прекрасный,
Путь къ Музамъ указалъ.—
Хоть, къ новизнамъ пристрастный,
Я часто отступалъ
Отъ старорускихъ правилъ,—
Ты въ путь меня направилъ
Ты мнѣ сказалъ пиши;
И грѣхъ съ моей души,
Зарѣжу ли Марона,

Измучу ли себя,
Рѣшеньемъ Аполлона
Будь свалень—на тебя.

Кюхельбекеръ.

3.

Пока поэтъ еще съ тобой,
Онъ можетъ просто, не стихами
Съ твоей бесѣдовать судьбой,
Открытой предъ его глазами.
Но ужъ пророчественный гласъ
Мнѣ предсказалъ друзей разлуку,
И рокъ, въ таинственную руку,
Ужъ забралъ жребіи для насъ.
Готовься ужъ слушать предвѣщанья:
Страшись сей груди трепетанья
И безпорядка сихъ власовъ!
Все, все грядущее открою!
Читай, написаны судьбою
Вотъ строки невидимыхъ словъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Дельвигъ.

Къ товарищамъ передъ выпускомъ.

Промчались годы заточенья:
Не долго, милые друзья!
Намъ видѣть кровъ уединенья
И Царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,

И каждый смотритъ на дорогу
Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ.
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ;
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
Лишь я судьбѣ своей послушный,
Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
Душой безпечный, равнодушный,
Въ постели задремалъ одинъ.
Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера;
Не рвусь я грудью въ Капитаны
И не ползу въ Ассесора.
Друзья! не много снисхожденья
Оставьте красный мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ Іюлѣ распахнуть жилетъ.

Пушкинъ.

Боже! Царя храни.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все низпошли.

Тамъ громкой славою,
Сильной Державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь—безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань:
Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія,—
Вотъ наша дань!

Пушкинъ.

II

А. Н. СКРЯБИНЪ.

Кто видѣлъ въ Скрябинѣ геніальнаго композитора, долженъ былъ a priori предполагать, что онъ — и глубокій мыслитель. Но при его жизни только немногимъ ближайшимъ людямъ была до нѣкоторой степени извѣстна работа его философской мысли и только одному человѣку, его второй женѣ, были непосредственно знакомы его философскія писанія; онъ тщательно таилъ ихъ отъ чужого взора. Мысль напечатать ихъ принадлежитъ мнѣ, и лишь послѣ долгихъ колебаній Татьяна Ѳедоровна Шлецеръ-Скрябина дала свое согласіе. Мнѣ казалось цѣннымъ собрать и представить во всеобщее свѣдѣніе записи его духовно-умственнаго творчества, не только потому, что, совершаясь въ нѣдрахъ того же духа, оно несомнѣнно питало и направляло его музыкальное творчество и въ этомъ смыслѣ можетъ до извѣстной мѣры служить комментаріемъ къ послѣднему, — но и потому, что оно представляется мнѣ въ высшей степени замѣчательнымъ само по себѣ, независимо отъ своей служебной роли по отношенію къ музыкѣ Скрябина. Ежели вѣрно, что всякій геніальный человѣкъ есть маніакъ *одной* великой идеи — а я думаю, что это вѣрно, — то Скрябинъ былъ однимъ изъ такихъ людей. Уже отрокомъ онъ носилъ въ себѣ, какъ завязь плода, зародышъ той міро-объемлющей идеи — идеи-чувства, идеи-хотѣнія, — которую въ послѣдніе два года жизни онъ считалъ въ себѣ созрѣвшей и которую хотѣлъ выразить въ своей грандіозной Мистеріи. Узнать эту мысль, которой была отдана вся жизнь такого человѣка, узнать ее полностью, въ ея послѣдовательномъ развитіи, важно для всякаго, и если въ музыкѣ Скрябина она воплощена, конечно, всего полнѣе, — намъ важно видѣть и тотъ линейный чертежъ ея, какимъ являются его словесныя записи. Моей цѣлью было — представить въ подлинныхъ документахъ какъ бы *біографію* этой единой совершенно-личной и глубоко-органической мысли Скрябина.

Важнѣйшее звено этой цѣпи, — разумѣется, послѣднее словесное

произведеніе Скрябина, текстъ „Предварительнаго дѣйствія“. Исторія этого произведенія бросаетъ свѣтъ на весь ходъ мысли Скрябина; оттого казалось полезнымъ предпослать текстамъ прекрасную освѣдомительную статью Бориса Ѳедоровича Шлецера, любезно написанную имъ для этой книги. Самыя записи извлечены мною изъ тетрадей Скрябина подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Татьяны Ѳедоровны и при усердномъ содѣйствіи какъ ея, такъ и Б. Ѳ. Шлецера. Дневники писаны большей частью карандашомъ, мѣстами весьма неразборчиво, слова часто недописаны, знаковъ препинанія, кромѣ точки, обычно нѣтъ. Здѣсь орѳографія рукописей воспроизводится точно, но въ текстъ, чтобы облегчить чтеніе, внесены обычные знаки препинанія; исключеніе сдѣлано только для „Предварительнаго дѣйствія“, гдѣ соблюдена и пунктуація автора, вѣрнѣе—ея отсутствіе.

Записка Б. Ѳ. Шлецера о Предварительномъ Дѣйствіи.

I.

Въ мою задачу не входитъ комментированіе Предварительнаго Дѣйства и раскрытіе многосмысленнаго содержанія его сложныхъ и богатыхъ символовъ: цѣль моя иная, болѣе скромная и узкая—дать какъ бы исторію Предварительнаго Дѣйства, показавъ въ краткихъ, схематическихъ чертахъ тѣ условія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, среди которыхъ оно создавалось, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣтить характерныя, формальныя (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) особенности этого произведенія, отличающія его отъ всѣхъ другихъ созданій Скрябина и отводящія ему совершенно исключительное среди нихъ мѣсто.

Очевидно вполнѣ, что обѣ трактуемыя здѣсь проблемы тѣсно связаны между собою и вовсе не могутъ быть разсмотрѣны обособленно, въ отрывѣ одна отъ другой. Написать „біографію", если такъ можно выразиться, Предварительнаго Дѣйства значитъ именно показать, какимъ путемъ пришелъ Скрябинъ къ созданію этой столь необычной формы и какъ эта форма, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и въ результатѣ сложной духовной работы, имъ постепенно вырабатывалась.

Выполненіе взятой мною на себя задачи предъявляетъ прежде всего одно основное, трудно осуществимое требованіе: полный отказъ отъ всякаго теоретизированія, а также и отъ всякихъ оцѣнокъ, какъ эстетическихъ, такъ и философскихъ. Ограничиться исключительно ролью описателя и вѣрнаго лѣтописца, стать зеркаломъ живымъ, не истолковывать, но отражать—таково именно было здѣсь мое стремленіе. Что касается въ частности Предварительнаго Дѣйства,

то я былъ поставленъ въ исключительно благопріятныя обстоятельства, такъ какъ лѣто 1914 года, періодъ наиболѣе интенсивной и продуктивной работы Скрябина надъ текстомъ этого произведенія, мнѣ пришлось провести у него на дачѣ, въ ежедневномъ съ нимъ общеніи.

Широко я также использовалъ относящіяся къ этому періоду воспоминанія Т. Ѳ. Шлецеръ-Скрябиной.

II.

Сейчасъ трудно, даже вовсе невозможно опредѣлить хотя бы съ приблизительной точностью, когда именно въ Скрябинѣ возникла мысль о Предварительномъ Дѣйствѣ, какъ подготовительномъ этапѣ на пути къ послѣдней Мистеріи. Отъ работы надъ текстомъ Мистеріи къ тексту Предварительнаго Дѣйства Скрябинъ перешелъ постепенно, въ результатѣ нѣкотораго процесса самоограниченія.

Лѣто 1913 года онъ провелъ съ семьей въ Калужской губерніи, въ имѣніи Петровскомъ, на самомъ берегу Оки, близъ города Алексина, куда, я помню, мы часто ходили гулять. Ближайшимъ сосѣдомъ Скрябиныхъ былъ Ю. К. Балтрушайтисъ, занимавшій со своей семьей дачу въ томъ же Петровскомъ паркѣ. У Скрябиныхъ гостили этимъ лѣтомъ художникъ Шперлингъ, А. А. Подгаецкій, Н. С. Жиляевъ, нѣсколько разъ наѣзжалъ изъ Москвы докторъ Богородскій. Въ началѣ лѣта Скрябинъ отдался всецѣло отдыху: мы много гуляли, по вечерамъ играли въ шахматы, иногда въ карты, читали. Но книгъ было немного въ нашемъ распоряженіи: незадолго передъ тѣмъ вышедшая въ переводѣ К. Д. Бальмонта поэма Асвагоши „Жизнь Будды“, журналъ „Завѣты“, только что появившійся переводъ біографіи Рихарда Вагнера Каппа, нѣсколько книжекъ изъ серіи „Новыя идеи въ философіи“. Съ особеннымъ интересомъ прочелъ тамъ Скрябинъ статью Шуппе.

Характерно отмѣтить по поводу біографіи Вагнера, что Скрябинъ, творческая дѣятельность котораго была какъ бы спаяна одной мыслью, устремлена была всегда къ одной въ сущности цѣли, непріятно былъ пораженъ при чтеніи Каппа тѣмъ, что дѣятельность Вагнера была лишена этой абсолютной цѣльности и опредѣленности и путь ея былъ извилистъ въ зависимости часто отъ внѣшнихъ мотивовъ и импульсовъ: „я представлялъ его себѣ болѣе сознательнымъ,—замѣтилъ Скрябинъ,—мнѣ казалось, что въ замыслахъ его было

больше сознательной воли". Эту осознанную планомѣрность творчества Скрябинъ всегда цѣнилъ очень высоко и въ себѣ, и въ другихъ.

Но долго Скрябинъ отдыхать былъ не въ состояніи; уже съ конца іюня онъ сталъ работать надъ текстомъ Мистеріи.

Всецѣло поглощенный образомъ Мистеріи, который принималъ все болѣе грандіозныя очертанія по мѣрѣ того, какъ онъ обдумывалъ его и пытался опредѣлить въ подробностяхъ, Скрябинъ тогда о Предварительномъ Дѣйствіи еще не помышлялъ, повидимому; если и возникала въ немъ, быть можетъ, о такомъ подготовительномъ актѣ мимолетная, смутная мысль, то онъ о ней во всякомъ случаѣ не говорилъ. Онъ тогда, повидимому, еще не представлялъ себѣ отчетливо всѣхъ тѣхъ непреоборимыхъ препятствій, которыя ожидали его на пути къ осуществленію Мистеріи, или же старался скрыть ихъ отъ себя самого и другихъ. Въ бесѣдахъ съ друзьями, говоря о Мистеріи, онъ выражалъ опредѣленную, непоколебимую увѣренность, что въ пять, самое большое шесть лѣтъ онъ работу свою, въ части, касающейся его лично (вѣдь Мистерія должна была быть актомъ коллективнаго творчества), вполнѣ закончитъ. Въ немъ жило уже страстное нетерпѣнье и онъ неоднократно повторялъ: „нужно поскорѣе взяться серіозно за работу. Все это не то! Довольно говорить о Мистеріи: нужно дѣлать! Пора перейти къ дѣлу!" И тутъ же онъ утверждалъ, что, кромѣ болѣе или менѣе мелкихъ фортепьянныхъ вещей, онъ не напишетъ уже болѣе ни одного крупнаго оркестроваго сочиненія, дабы сохранить всѣ силы свои и время для Мистеріи: „я не могу больше писать симфоній, поэмъ для оркестра, - повторялъ онъ, - съ этимъ покончено". Находясь въ такомъ напряженномъ состояніи нетерпѣливаго ожиданія, онъ раздражался уже, не улыбался, какъ прежде, немного радостно и иронически, когда читалъ въ газетахъ, въ журналахъ какія-нибудь замѣтки, большею частью чрезвычайно невѣрныя, о подготовляющейся уже Мистеріи (такія замѣтки въ послѣдніе годы его жизни появлялись довольно часто): „не рано ли начали писать о Мистеріи?—безпокоился онъ.—Вотъ всѣ ждутъ теперь, я всѣмъ разсказываю, а такъ мало сдѣлано еще". Онъ ощущалъ уже вокругъ себя нѣкоторую атмосферу ожиданія; это и безпокоило его, и возбуждало одновременно, какъ благопріятный признакъ.

Съ радостной рѣшительностью приступилъ онъ къ работѣ своей и всецѣло погрузился въ богатый, таинственный міръ любимыхъ имъ образовъ, мыслей и чувствъ.

Обыкновенно онъ работалъ по утрамъ, прогуливаясь по одной изъ аллей прекраснаго парка, набрасывая на ходу въ своей записной книжкѣ отдѣльные стихи и мысли. Эта книжка сохранилась; она—небольшого, карманнаго формата, въ мягкомъ сафьяновомъ переплетѣ. Я обозначаю ее въ дальнѣйшемъ буквой „А". Большинство чрезвычайно отрывочныхъ записей сдѣлано карандашомъ, мелкимъ, очень неразборчивымъ почеркомъ. Мѣстами записи полустерлись. Кое-что написано чернилами. Для исторіи Предварительнаго Дѣйства эта книжка имѣетъ особенное значеніе, ибо она содержитъ первыя записи того матеріала, который, переработанный, вошелъ позднѣе въ это произведеніе. Одновременно Скрябинъ пользовался еще одной тетрадью, средняго формата, безъ обложки. Обозначаю ее буквой „Б". Здѣсь большинство записей уже сдѣлано чернилами, очевидно, у себя дома. Онѣ, эти записи, носятъ менѣе отрывочный характеръ и тутъ я нахожу цѣлые эпизоды, включенные потомъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ имѣющійся у насъ послѣдній текстъ Предварительнаго Дѣйства. Сравненіе рукописей „А" и „Б" показываетъ, что первая маленькая книжка, которую Скрябинъ всюду бралъ съ собою, служила какъ бы черновой для тетради. Впрочемъ, позднѣе, по свойственной Скрябину привычкѣ писать одновременно въ нѣсколькихъ тетрадяхъ, начиная иногда со средины и не считаясь вовсе съ порядкомъ страницъ, оставляя многія изъ нихъ незаполненными, онъ пересталъ пользоваться карманной книжкой и сталъ заносить свои черновые наброски прямо въ тетрадь „Б", въ которой можно найти такимъ образомъ самый разнообразный матеріалъ. Опредѣлить хронологическій порядокъ этихъ записей представляется теперь тѣмъ болѣе труднымъ, что Скрябинъ никому никогда не раскрывалъ своихъ тетрадей и записныхъ книжекъ; онъ съ радостью дѣлился своими мыслями, читалъ даже друзьямъ записанные уже отрывки, но пряталъ свои тетради, чтобы кто-нибудь случайно не заглянулъ въ нихъ.

Когда въ концѣ лѣта я уѣхалъ изъ Петровскаго, Скрябинъ былъ еще всецѣло занятъ Мистеріей, осуществленіе которой представлялось уже ему единственнымъ дѣломъ его жизни,—дѣломъ нѣсколькихъ лѣтъ напряженнаго, посвященнаго исключительно этой цѣли труда. Когда же поздней осенью, въ октябрѣ того же года, я вновь увидѣлъ Скрябина въ Москвѣ, Предварительное Дѣйство уже существовало въ замыслѣ. Нужно, слѣдовательно, отнести зарожденіе новаго произведенія къ августу 1913 г. При этомъ въ ходѣ работы

художника не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій; здѣсь не было перерыва, не было и перелома. Ничего не говорятъ намъ о происшедшей перемѣнѣ и записи тетради „Б", куда Скрябинъ продолжалъ попрежнему заносить отдѣльные стихи и отрывки. Просматривая эти записи, совершенно невозможно установить, съ какого именно момента произошла перемѣна въ поставленной себѣ Скрябинымъ цѣли, когда случилось съуженіе ея.

Названіе „Предварительное Дѣйство" сначала не очень нравилось Скрябину; онъ искалъ другого, но не находилъ. „Это подготовительное дѣйствіе,—говорилъ онъ.—Оно должно подготовить насъ всѣхъ, служить естественнымъ переходомъ, связующимъ звеномъ между существующимъ и будущей Мистеріей".

Первоначально въ его глазахъ новое задуманное имъ произведеніе было лишено вовсе самостоятельнаго значенія. Въ бесѣдахъ онъ усиленно подчеркивалъ его воспитательный характеръ, всецѣло подчиняя Мистеріи, лишь преддверіемъ къ которой оно должно было служить. Еще въ теченіе лѣта 1913 года онъ иногда указывалъ, что ему придется, быть можетъ, растянуть исполненіе сложнаго мистеріальнаго акта на болѣе значительный, чѣмъ предположенный имъ первоначально семидневный періодъ, но съ тѣмъ, чтобы первый эпизодъ являлся какъ бы общей, подготовительной частью цѣлаго, тѣсно, однако, къ этому цѣлому примыкая. Впрочемъ, мысль эту онъ тогда вовсе не разработалъ и даже не слишкомъ охотно останавливался на ней, считая это подробностью, которая, какъ и многое другое, должна выясниться и опредѣлиться во время самого процесса творчества.

Очевидно, что именно усиленная работа надъ текстомъ Мистеріи и привела его къ сознанію необходимости связать настоящее съ этимъ чрезмѣрно грандіознымъ, диспропорціональнымъ ему будущимъ. Онъ и раньше, впрочемъ, не скрывалъ отъ себя тѣхъ техническихъ трудностей, съ которыми было связано осуществленіе Мистеріи. Эти техническія трудности онъ даже охотно подчеркивалъ, словно стремясь, такимъ образомъ, отодвинуть на второй планъ и затушевать препятствія и трудности иныя, вытекающія уже изъ самой несоизмѣримости замысла съ человѣческими силами. „Необходимо, конечно, подготовить людей, найти исполнителей, помощниковъ", такъ говорилъ онъ часто въ послѣднее время. Эта потребность, конечно, ощущалась имъ все острѣе по мѣрѣ того, какъ онъ глубже

входилъ въ работу надъ Мистеріей. Жило въ немъ, безъ сомнѣнія, и сознаніе, что самъ онъ не овладѣлъ еще вполнѣ свободно тѣмъ матеріаломъ, которымъ ему предстояло оперировать, и какъ философъ, и какъ поэтъ, и даже — какъ музыкантъ. Наконецъ, — и это представляется мнѣ самымъ главнымъ и несомнѣннымъ, — онъ считалъ себя и мистически недостаточно подготовленнымъ для послѣдняго свершенія. Свои сомнѣнія на этотъ счетъ онъ высказывалъ мнѣ еще лѣтомъ, въ Петровскомъ, хотя и въ очень осторожной формѣ. Цѣлый рядъ мотивовъ, такимъ образомъ, утверждалъ его въ его намѣреніи, отказавшись временно отъ созданія Мистеріи, какъ бы выдѣлить изъ нея одну только, вступительную, подготовительную часть, исполненіе которой и сдѣлало бы затѣмъ возможнымъ совершеніе великаго акта возсоединенія.

Однако, когда я осенью пріѣхалъ въ Москву, то очень скоро убѣдился, что, хотя Скрябинъ самъ и употреблялъ эти выраженія и настаивалъ на подготовительномъ характерѣ новаго произведенія, но это послѣднее словно уже вытѣсняло изъ его сознанія образъ Мистеріи. Мистерія выдѣлила изъ себя Предварительное Дѣйство, какъ нѣкоторый необходимый, пропедевтическій актъ, но очень скоро дитя поглотило свою мать. Предварительное Дѣйство стало какъ бы въ фокусѣ духовнаго взора Скрябина, завороженнаго новымъ, внезапно представшимъ ему образомъ, воплотить который, казалось ему, возможно немедленно. Произошла какая-то очень странная на первый взглядъ подмѣна: матеріалъ, уже приготовленный для Мистеріи, Скрябинъ хочетъ теперь использовать для Предварительнаго Дѣйства, хотя, согласно первоначальнаго плана, онъ по существу не могъ быть для того пригоденъ; вѣдь содержаніемъ Мистеріи являлась исторія вселенной, она же — исторія человѣческихъ расъ, она же — исторія индивидуальнаго духа; Мистерія должна была дѣйственно преобразить и завершить процессъ макрокосмическій и микрокосмическій. Очевидно, что Предварительное Дѣйство, подготовляющее совершеніе Мистеріи и дѣлающее возможнымъ исполненіе этого послѣдняго, завершительнаго и искупительнаго акта, не могло быть его, хотя бы ослабленнымъ, повтореніемъ или, точнѣе, предвосхищеніемъ. Мы видимъ однако, какъ то, что должно было послужить содержаніемъ Мистеріи, обращается въ содержаніе Предварительнаго Дѣйства, которое въ образахъ являетъ намъ теперь тотъ самый единый процессъ эволюціи и инволюціи міровъ, расъ человѣческихъ

и отдѣльной личности, который призвана была завершить Мистерія. Каковъ же смыслъ этой метаморфозы? Тотъ, безъ сомнѣнія, что Предварительное Дѣйство не есть уже ступень и средство приближенія къ Мистеріи, но есть та же Мистерія, ограниченная и сокращенная художникомъ до такихъ предѣловъ, которые дѣлали бы возможнымъ ея скорое осуществленіе. Скрябинъ всегда, до самаго конца, настаивалъ на томъ, что Предварительное Дѣйство есть только прологъ къ Мистеріи и по существу — актъ очищенія и посвященія, но для тѣхъ, кто близко и внимательно слѣдилъ за его духовной жизнью, было ясно, что новое произведеніе пріобрѣло для него совершенно самостоятельное значеніе и стало самоцѣлью. И вотъ характерный фактъ: образъ Мистеріи, съ этого времени отодвинутый въ будущее, пріобрѣтаетъ еще болѣе грандіозныя и смутныя въ то же время очертанія; тѣ конкретныя и реальныя подробности, которыя раньше вносилъ въ него Скрябинъ, онъ переноситъ теперь на Предварительное Дѣйство. Я не хочу этимъ вовсе сказать, что Мистерія съ этого времени (осень 1913 года) перестала для него быть тѣмъ, чѣмъ она была всегда — смысломъ его жизни, единой внутренней цѣлью его творчества, но, убѣжденный въ скоромъ осуществленіи ея обѣдненной, сокращенной формы, онъ уже не чувствуетъ необходимости въ конкретизаціи созданнаго имъ колоссальнаго образа, но, напротивъ, съ особенно радостнымъ, свободнымъ чувствомъ, словно изъ протеста противъ условностей земного бытія, не стѣсняясь уже нисколько практическими соображеніями и требованіями, предъявляемыми жесткой дѣйствительностью, Скрябинъ все болѣе обогащаетъ и углубляетъ мистическое, внутреннее содержаніе мистеріи.

Въ итогѣ этого процесса получились какъ бы двѣ формы Мистеріи: одна—сильно урѣзанная, приспособленная къ дѣйствительности, ограниченная и опредѣленная условіями возможнаго въ настоящемъ, предназначенная къ немедленному совершенію; другая — идеальная, абсолютно чистая и автономная, чуждая всякихъ компромиссовъ и безконечно превышающая первую богатствомъ, глубиною и сложностью внутренняго содержанія.

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: что же вызвало эту метаморфозу? Какимъ образомъ случилось, что Предварительное Дѣйство вобрало въ себя если не мистическій смыслъ, то конкретное содержаніе Мистеріи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только гадательный, ибо приходится строить предположенія о томъ,

что и Скрябинымъ самимъ не было осознано до конца, потому ли, что онъ не могъ, или потому, что не хотѣлъ.

Созданный Скрябинымъ или явленный ему образъ великаго послѣдняго акта уже давно въ немъ властно требовалъ воплощенія; въ то лѣто 1913 года въ особенности окружающимъ его было ясно, что желаніе скорѣйшаго осуществленія овладѣло имъ до боли; онъ просто не былъ уже властенъ надъ этой мыслью. Онъ могъ легко говорить о пятилѣтней ничѣмъ другимъ не отвлекаемой работѣ надъ Мистеріей, но при напряженности и преизбыточности въ немъ жившихъ творческихъ силъ подобный своеобразный аскетизмъ оказался бы для него совершенно невыносимымъ. Его нетерпѣнье еще усиливалось, когда (все чаще въ послѣдніе годы), задумываясь надъ своимъ возрастомъ, онъ сравнивалъ уже пройденный имъ путь съ тѣмъ, что еще оставалось ему совершить: „вѣдь ничего еще не сдѣлано", говорилъ онъ тогда. Конечно, онъ чувствовалъ себя чрезвычайно молодымъ, физически и духовно и, шутя, даже кокетничалъ этимъ иногда, но грандіозность предстоящаго ему подвига не могла не тревожить его. Окружающіе часто поражались увѣренностью его въ себѣ или, точнѣе, вѣрой его въ свою призванность. Но думаю, что въ этой увѣренности было усиліе, напряженіе и что минуты сомнѣнія, колебаній были гораздо болѣе часты, чѣмъ склонны были это думать: онъ ихъ тщательно скрывалъ.

Имѣя въ виду это настроеніе его въ то время, когда онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ подготовить осуществленіе Мистеріи, какъ акта коллективнаго, еще особымъ Предварительнымъ дѣйствіемъ и, такимъ образомъ, вновь отодвинуть Мистерію въ далекое неизвѣстное будущее, — быстро совершившееся превращеніе этого предварительнаго акта въ прообразъ мистеріи должно представиться вполнѣ естественнымъ. Это былъ компромиссъ, конечно, но вся его природа художника, творца требовала этого компромиса. Не жило ли въ немъ уже тогда въ какой-то формѣ сознаніе надвигающагося конца, не почувствовалъ ли онъ, что необходимо торопиться и ограничить себя? Не понялъ ли онъ самъ въ глубинѣ, что, создавая Предварительное Дѣйство, онъ примирился съ неизбѣжнымъ и отказался отъ Мистеріи?

III.

Возвращаюсь къ прерванному фактическому изложенію.

Зима 1913—1914 гг. была періодомъ чрезвычайно интенсивной внутренней работы надъ Предварительнымъ Дѣйствомъ, и какъ всегда, Скрябинъ вводилъ друзей своихъ въ самый процессъ ея. При этомъ, и это представляется мнѣ особенно характернымъ, мысль его обращалась главнымъ образомъ къ вопросу о самой постановкѣ и объ исполненіи Предварительнаго Дѣйства: поэтическое содержаніе новаго произведенія было уже предопредѣлено находящимся въ его распоряженіи матеріаломъ, предназначавшимся первоначально для Мистеріи. Уже тогда онъ рѣшилъ посвятить ближайшее лѣто работѣ надъ текстомъ; музыку онъ надѣялся написать въ теченіе слѣдующей зимы и лѣта 1915 года, съ тѣмъ, чтобы все произведеніе было закончено къ началу 1916 г. Но озабочивала его преимущественно, повидимому, слѣдующая стадія—работа надъ „театральнымъ", если можно здѣсь говорить о театрѣ, воплощеніемъ уже законченнаго произведенія. И легко было замѣтить, что въ этомъ именно пунктѣ замыслы его подвергались постояннымъ колебаніямъ и измѣненіямъ, словно онъ не въ состояніи еще былъ опредѣлить, чего именно онъ хотѣлъ: самый, такъ сказать, объемъ его плановъ и проектовъ, размахъ его фантазіи, то сокращался, то расширялся въ зависимости не только отъ собственнаго его настроенія, но и отъ того, какъ реагировалъ на эти проекты и планы собесѣдникъ: если только онъ замѣчалъ, что его Предварительное Дѣйство понимаютъ слишкомъ „театрально" и въ немъ видятъ лишь особаго рода музыкальную драму, то онъ тотчасъ же, какъ бы изъ чувства противорѣчія, начиналъ подчеркивать мистеріальный ликъ Дѣйства, и наоборотъ. Предварительное Дѣйство онъ самъ, конечно, понималъ какъ произведеніе компромисное: Мистерія должна быть мистеріей, но въ Предварительномъ Дѣйствѣ моментъ литургическій тѣсно былъ связанъ съ моментомъ *изобразительнымъ*; оно должно было не только совершаться какъ актъ мистическій, но исполняться или разыгрываться какъ произведеніе театральное: Мистеріей, ставшей произведеніемъ искусства, театромъ, но не потерявшей своей мистеріальной природы—такимъ онъ мыслилъ тогда свое Предварительное Дѣйство; именно поэтому ему представлялось самымъ труднымъ установить основные принципы совершенія Дѣйства. Менѣе всего хотѣлъ онъ, чтобы его произведеніе

обратилось въ кантату или ораторію, сопровождаемую танцами, шествіями и пр.; отрицательно относился онъ и къ вагнеровскимъ драмамъ, въ частности къ Парсифалю, считая, что въ нихъ элементъ представленія доминируетъ. Въ бесѣдахъ поэтому онъ то подчеркивалъ моментъ литургическій, то, наоборотъ, утверждалъ, что Предварительное Дѣйство, въ противоположность Мистеріи, всецѣло еще пребываетъ въ предѣлахъ искусства. Углубляя эту разницу, онъ неоднократно указывалъ, что по самому существу своему Мистерія можетъ быть совершена лишь однажды, тогда какъ Предварительное Дѣйство, подобно всѣмъ драматическимъ произведеніямъ, можетъ быть повторено многократно.

Возвращался онъ постоянно и къ вопросу о зрителяхъ и исполнителяхъ: зрителей онъ не хотѣлъ допустить; въ этомъ привлеченіи всѣхъ къ участію въ дѣйствіи онъ видѣлъ одно изъ существенныхъ отличій своего подготовительнаго акта отъ обычныхъ театральныхъ представленій. Въ виду связанныхъ съ этимъ участіемъ техническихъ затрудненій и изъ практическихъ соображеній, онъ соглашался довести это участіе до минимума для большинства, но никто, по мысли его, не долженъ былъ пребывать пассивнымъ, оставаясь внѣ дѣйствія: вѣдь въ этомъ разрывѣ между совершающими дѣйствіе и воспринимающими его, въ самомъ *представленіи* чего-нибудь онъ видѣлъ основной, великій грѣхъ театра. Но тутъ возникалъ очень сложный вопросъ о подготовкѣ всей этой массы исполнителей,—о подготовкѣ не только технической, но внутренней, духовной: здѣсь профессіоналы-актеры не были вовсе пригодны. Объ этомъ Скрябинъ бесѣдовалъ очень часто съ другими: очевидно, вопросы эти тревожили его. Возникъ тогда проектъ объ организаціи особыхъ курсовъ, о чемъ Скрябинъ совѣтовался, между прочимъ, съ А. И. Зилоти; предполагалось основать также спеціальный журналъ.

Какъ бы въ видѣ реакціи противъ этого такъ внезапно охватившаго его практицизма, словно для того, чтобы вознаградить себя за вынужденный компромиссъ и наложенныя на себя оковы, съ особой радостью отдавался въ то же время Скрябинъ мечтамъ о Мистеріи, нисколько уже не стѣсняясь посторонними соображеніями: все, что представлялось ему неосуществимымъ теперь, онъ отдавалъ Мистеріи. Впрочемъ, не всегда онъ удерживался въ рамкахъ строгаго благоразумія даже и по отношенію къ Предварительному Дѣйству: были моменты, когда онъ рѣзко возставалъ противъ всякой

театрализаціи своего произведенія, къ чему склонны бывали нѣкоторые, и подчеркивалъ еще болѣе трудности, связанныя съ осуществленіемъ Предварительнаго Дѣйства, и тѣ повышенныя, совершенно исключительныя требованія, которымъ должны будутъ отвѣчать всѣ исполнители, начиная съ главныхъ и кончая безыменной массой. Зимою 1913 г. онъ имѣлъ по этому поводу продолжительный разговоръ съ М. О. Терещенко (тогда еще, если не ошибаюсь, служившимъ въ театральной дирекціи) и А. И. Зилоти. Развивая передъ ними свои планы относительно Предварительнаго Дѣйства, Скрябинъ сильно увлекся, потерялъ какъ бы чувство реальныхъ возможностей и нарисовалъ столь грандіозный образъ новаго произведенія, сближая его съ Мистеріей, что, повидимому, нѣсколько смутилъ присутствующихъ.

Жизнь зимою въ Москвѣ не могла, конечно, благопріятствовать сосредоточенной работѣ; почти ежедневно по вечерамъ бывали гости, засиживавшіеся обыкновенно очень поздно. Правильное теченіе жизни нарушалось концертами. За всю ту зиму Скрябинъ почти ничего не прибавилъ къ имѣвшемуся уже у него поэтическому матеріалу. Просматривая теперь тѣ его записи въ тетради „Б“, которыя уже несомнѣнно относятся къ Предварительному Дѣйству и, слѣдовательно, не могли быть сдѣланы въ теченіе лѣта 1913 г., я вижу, что онѣ всѣ почти относятся къ болѣе позднему времени—къ лѣту 1914 г. Однако со своей записной книжкой и со своей тетрадью онъ никогда не разставался; взялъ онъ ихъ съ собою и въ Англію, куда онъ поѣхалъ въ февралѣ 1914 г. въ сопровожденіи А. Н. Брянчанинова. Пребываніе въ Англіи оказало, безъ сомнѣнія, очень мощное вліяніе на характеръ всей послѣдующей работы Скрябина. Когда мнѣ пришлось вновь увидѣть его въ Москвѣ, куда я пріѣхалъ на Пасху, я поразился охватившимъ его подъемомъ духа: онъ чувствовалъ себя великолѣпно и физически, и нравственно; бодростью и увѣренностью вѣяло отъ него. Играли тутъ роль, повидимому, не только тотъ чудесный пріемъ, который былъ ему оказанъ въ Англіи, не только пониманіе и сочувствіе, которыя онъ тамъ встрѣтилъ, и знакомства съ интересными, выдающимися людьми, которыя онъ тамъ завязалъ, но самое пребываніе въ странѣ чрезвычайно напряженной, планомѣрной дѣятельности. Подобное этому вліяніе оказало нѣкогда на него путешествіе въ Америку. Въ особенности привлекло его свойственное, по его мнѣнію, англичанамъ своеобразное соче-

таніе практическаго мышленія и чувства реальности съ широтою фантазіи и особеннымъ, какъ онъ утверждалъ, влеченіемъ къ необычайному, грандіозному. Склоненъ былъ онъ даже принять, идеализируя и преображая его, религіозный практицизмъ англичанъ. Его собственное стремленіе къ практической дѣятельности послѣ пребыванія въ Англіи еще болѣе усилилось; и если раньше возникали въ немъ какія-нибудь сомнѣнія относительно того, правильно ли онъ поступилъ, рѣшивъ временно ограничить себя и согласиться на компромиссъ, то сомнѣній этихъ теперь у него больше не было. Укрѣпилась въ немъ увѣренность и въ скоромъ осуществленіи Предварительнаго Дѣйства. „Теперь я знаю, — сказалъ онъ мнѣ, — что все зависитъ отъ меня самого; лишь бы только поскорѣе закончить текстъ и музыку, и тогда все найдется — и средства, и люди". Въ этомъ настроеніи поддерживалъ его и А. Н. Брянчаниновъ, совѣтовавшій ему перенести, хотя бы временно, свою дѣятельность въ Англію, чтобы тамъ именно все подготовить къ исполненію Предварительнаго Дѣйства. Съ этимъ проектомъ Скрябинъ, однако, несмотря на симпатіи свои къ англичанамъ, не склоненъ былъ согласиться, хотя подчеркивалъ, что онъ возлагаетъ на ихъ поддержку чрезвычайно большія надежды.

Въ Англіи Скрябинъ сталъ готовиться къ задуманному имъ уже давно путешествію въ Индію, которое предполагалось совершить зимою 1915 г. Съ этимъ путешествіемъ у него связывались огромныя ожиданія, и самый вопросъ о мѣстѣ и времени исполненія Предварительнаго Дѣйства онъ не хотѣлъ рѣшить до того путешествія. Онъ полагалъ, что Индія должна какъ бы обновить его духъ, пробудить въ немъ новыя чувства и мысли, обострить его воспріятія; ему казалось, что онъ увидитъ міръ съ какой-то новой стороны. При этомъ онъ вовсе не скрывалъ отъ себя, что современная Индія съ ея промышленными городами, желѣзными дорогами, европеизированной интеллигенціей не похожа вовсе на Индію его мечты, но все же былъ онъ увѣренъ, что сквозь искаженный образъ настоящаго онъ постигнетъ подлинную Индію: „Мнѣ нуженъ только намекъ, толчокъ, — говорилъ онъ, — не географическая Индія меня интересуетъ, но Индія въ себѣ, тѣ чувства, тѣ переживанія, которыя въ пространствѣ выражаетъ, воплощаетъ реальная Индія".

IV.

Въ маѣ Скрябинъ съ семьею переѣхалъ на дачу въ Гривно, по Московско-Курской желѣзной дорогѣ, близъ Подольска. Скрябины тамъ занимали небольшой двухэтажный домъ, верстахъ въ четырехъ отъ станціи. Когда я пріѣхалъ туда, въ серединѣ іюня, я засталъ уже Скрябина за работой надъ текстомъ Предварительнаго Дѣйства.

Обстановка очень способствовала сосредоточенному труду: мѣсто было довольно уединенное; сосѣдей интересныхъ кругомъ не было; за все лѣто къ Скрябинымъ пріѣзжали лишь художникъ Шперлингъ, прогостившій у нихъ около трехъ недѣль, и композиторъ Гречаниновъ. Мѣстность была однообразная, красивыхъ прогулокъ не было. Такимъ образомъ, хотя то лѣто въ общемъ было очень хорошее, гуляли мы немного. Скрябинъ работалъ обыкновенно во второмъ этажѣ, на большомъ крытомъ балконѣ, съ утра залитомъ солнцемъ. Лишь очень рѣдко, въ самые жаркіе часы, онъ переходилъ на другой балкончикъ, обращенный къ сѣверу. Поразительна была эта способность его выдерживать сильнѣйшую жару: подъ солнечными лучами онъ словно даже расцвѣталъ. Присутствіе другого лица, если только съ нимъ не заговаривали, нисколько, очевидно, ему не мѣшало. Напротивъ, онъ бывалъ чрезвычайно доволенъ, если садились читать или писать рядомъ съ нимъ, за большимъ деревяннымъ хромоногимъ столомъ, подъ ножки котораго, помню, приходилось постоянно подкладывать бумажки. Дача вообще особеннымъ комфортомъ не отличалась; въ сильные дожди крыша протекала, но на всѣ эти неудобства Скрябинъ очень мало обращалъ вниманія.

Жизнь проходила очень размѣренно и правильно. Вставали рано. Сейчасъ же послѣ кофе Скрябинъ недолго прогуливался по саду, затѣмъ шелъ работать до обѣда; послѣ обѣда—отдыхъ, иногда прогулка и снова работа. Вечеромъ, послѣ ужина, онъ обыкновенно читалъ, отдыхалъ за бесѣдой. Такъ прошло все лѣто, до самаго отъѣзда Скрябиныхъ въ Москву, въ среднихъ числахъ августа.

Онъ работалъ въ какомъ-то восторгѣ. Казалось иногда, что вселилась въ него высшая воля, заставляющая его напрячь всѣ его силы, и онъ съ радостью ей повинуется; часто приходилось чуть ли не насильно отрывать его отъ стола, чтобы онъ погулялъ хоть немного. Тогда онъ оправдывался: „Нужно торопиться, времени мало, не успѣю кончить до осени“. Это чувство срочности, это опасеніе

опоздать къ назначенному вѣдь имъ же самимъ сроку, точно срокъ этотъ имѣлъ какое-то особенное значеніе, — вотъ единственное, что тревожило его тогда и нарушало его радостное настроеніе.

Газеты мы читали не каждый день, ибо за ними приходилось ходить самимъ на станцію, и читали мы ихъ не особенно внимательно; Скрябинъ же, погруженный всецѣло въ свое дѣло, конечно, нисколько не интересовался политикой. Война поэтому разразилась для насъ всѣхъ совершенно неожиданно. Извѣстіе о ней потрясло, повидимому, Скрябина; въ первое мгновеніе онъ какъ бы даже растерялся. Однако, значенія этихъ событій тогда еще не представляли себѣ, не отдавалъ себѣ въ нихъ яснаго отчета и Скрябинъ. Въ противномъ случаѣ, если бы онъ предвидѣлъ будущее и понялъ ясно, что означала эта война, какіе размѣры она приметъ, онъ впалъ бы въ отчаяніе: вѣдь это была гибель всего его дѣла. Теперь, напротивъ, онъ склоненъ былъ отнестись къ начавшейся войнѣ, какъ къ временному кризису, который способенъ былъ даже обновить духовную жизнь народовъ, хотя и разоряя ихъ матеріально. Позднѣе, какъ извѣстно, онъ еще болѣе укрѣпился на этой точкѣ зрѣнія, разсматривая столкновенія народовъ, какъ видимое выраженіе нѣкоего духовнаго сдвига, совершающагося въ иной сферѣ бытія. Во всякомъ случаѣ, въ тѣ іюльскіе дни онъ почти немедленно вернулся къ своей работѣ; войною онъ продолжалъ очень интересоваться, волновался при чтеніи первыхъ извѣстій, но все это словно продѣлывалъ лишь одной стороной своего существа. У насъ создавалось такое впечатлѣніе, что онъ исполняетъ какую-то повинность, какую-то обязанность, отдавая небольшую часть своего времени событіямъ дня, чтобы затѣмъ о нихъ вовсе позабыть. Приносили газеты; онъ спускался съ своего балкона; мы ихъ читали громко, комментировали, затѣмъ онъ уходилъ къ себѣ наверхъ и больше ничѣмъ другимъ не интересовался, кромѣ своей работы. И такъ до слѣдующаго дня. Въ этомъ не было съ его стороны никакого усилія; напротивъ, усиліе онъ дѣлалъ, повидимому, для того, чтобы отойти отъ работы. Позднѣе, мнѣ кажется, по мѣрѣ того какъ явственнѣе обозначался грандіозный размѣръ событій, они глубже и сильнѣе захватили его, и склоненъ былъ онъ имъ придать большее значеніе. Но въ то лѣто ничто не могло затронуть его; все скользило по поверхности.

Въ комнатѣ, служившей гостиной, стояло піанино, но онъ очень

рѣдко подходилъ къ нему и за все лѣто не нашелъ даже времени прокорректировать присланные ему оттиски нѣсколькихъ мелкихъ фортепіанныхъ вещей опуса 74-го, и съ трудомъ я уговорилъ его сыграть мнѣ ихъ, хотя прелюдію вторую этого опуса онъ очень любилъ. Если онъ изрѣдка садился за фортепіано, то игралъ исключительно отдѣльныя фразы изъ эскизовъ къ Предварительному Дѣйству.

Все время свое онъ отдавалъ, такимъ образомъ, поэтическому творчеству, когда же читалъ, то исключительно поэтовъ. Читалъ онъ по своей привычкѣ очень медленно, внимательно, строку за строкой, останавливаясь чуть ли не надъ всякимъ заинтересовавшимъ его выраженіемъ. Съ собою онъ привезъ изъ Москвы „Cor Ardens" Вячеслава Иванова, которое онъ перечитывалъ постоянно; затѣмъ Бальмонта—„Зеленый Вертоградъ", одно изъ любимыхъ его произведеній. Въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Москву я купилъ ему по его просьбѣ полное собраніе сочиненій Тютчева и Шульговскаго—„Теорія и практика поэтическаго творчества". Тютчева, котораго онъ зналъ до того недостаточно, онъ сразу полюбилъ. Шульговскаго же онъ только пробѣжалъ и въ дальнѣйшемъ почти вовсе имъ не воспользовался; онъ вообще очень не любилъ учебниковъ, предпочитая всегда учиться на произведеніяхъ искусства. Въ недостаточности же своей поэтической техники онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ: постоянно онъ тогда повторялъ: „Единственное, что меня безпокоитъ, это текстъ. Въ музыкѣ я чувствую себя владыкой; тутъ я спокоенъ: сдѣлаю, что хочу. Но мнѣ нужно вполнѣ овладѣть техникой стиха. Я не могу допустить, чтобы текстъ былъ ниже музыки, я не хочу, чтобы на стихи мои смотрѣли, какъ на произведеніе музыканта, рѣшившагося самъ написать текстъ къ своей музыкѣ".

Заканчивая списокъ чтеній Скрябина въ теченіе этого періода, упомяну еще Софокла, драмы котораго (первый томъ) появились не задолго передъ тѣмъ въ переводѣ и со вводными статьями Зѣлинскаго.

Очень характерно, что Скрябинъ не взялъ съ собою ни одной теософской книги, даже столь превозносимую имъ всегда Блаватскую. Отходъ его отъ теософіи становился все опредѣленнѣе.

Черновые эскизы текста Предварительнаго Дѣйства, относящіеся къ этому лѣту, занимаютъ двѣ тетради: часть той, которую я обозначилъ выше буквой „Б" и гдѣ эскизы къ Предварительному Дѣй-

ству чередуются съ записями, предназначавшимися раньше для Мистеріи, и другую, нѣсколько большаго формата, также безъ обложки, которую я обозначу „B". Писалъ онъ одновременно и въ той, и въ другой тетради, перенося и переписывая отдѣльные отрывки изъ одной въ другую. Но по сравненію съ прошлымъ, когда онъ записывалъ разрозненные стихи и отрывки по мѣрѣ того какъ они въ немъ возникали, работа его сдѣлалась планомѣрной и упорядоченной: онъ сталъ слѣдовать плану своего произведенія, идя въ общемъ отъ начала къ концу. Это не мѣшало ему, конечно, часто забѣгать впередъ, пропуская отдѣльные, долго не удававшіеся ему эпизоды, или возвращаться назадъ, къ уже записанному, но еще не удовлетворявшему его.

Что касается общаго плана произведенія, то, какъ я уже указывалъ, онъ былъ давно готовъ: вѣдь это былъ въ сильно сокращенной формѣ, въ миніатюрѣ, планъ Мистеріи—исторія человѣческихъ расъ, какъ процессъ раздѣленія и погруженія Духа въ матерію и обратнаго возвращенія къ единству, процессъ космической эволюціи и инволюціи, разсматривавшійся имъ, конечно, какъ процессъ исключительно духовный, точнѣе—психическій. Въ это основное содержаніе Скрябинъ не внесъ никакихъ измѣненій, строго слѣдуя той послѣдовательности въ развитіи духовныхъ процессовъ, которую онъ уже гораздо ранѣе постигъ въ себѣ путемъ самоанализа. Его задача состояла теперь въ томъ, чтобы выразить интуицію свою въ символахъ. Отсюда этико-лирическій характеръ всего произведенія, которое есть одновременно сказаніе о вселенной и воплощеніе личныхъ переживаній. Но разсказчикомъ, повѣствователемъ Скрябинъ не хотѣлъ быть: онъ говорилъ — „моя лирика должна быть эпосомъ", а также „необходимо вскрыть космическій смыслъ каждаго личнаго переживанія; исторія одного чувства, одного стремленія есть исторія вселенной". Скрябинъ больше всего стремился къ конкретности образовъ и чрезвычайно боялся разсудочности, всегда связанной, по его мнѣнію, съ эпосомъ; такъ называемой философской поэзіи, представляющей изложеніе отвлеченныхъ мыслей въ стихотворной формѣ, онъ не терпѣлъ. Желая провѣрить себя, онъ постоянно обращался къ окружающимъ съ безпокойнымъ вопросомъ: „Не кажется ли это разсудочнымъ, не представляется ли это прозаическимъ стихотворнымъ переложеніемъ теоретическихъ построеній?" Для него, конечно, было ясно, что онъ творитъ непосредственно, какъ художникъ, исходя

отъ цѣльнаго видѣнія, но, сомнѣваясь моментами въ своемъ овладѣніи стихіей словеснаго творчества, онъ опасался, что нѣкоторыя изъ его намѣреній останутся не воплощенными и не дойдутъ до слушателя. Сравненіе нѣкоторыхъ варіантовъ показываетъ, какъ настойчиво искалъ онъ конкретности выраженія, стремясь всегда усилить, подчеркнуть индивидуальный моментъ, чтобы въ немъ явить намъ общее. Иногда ему это не удавалось, конечно, и я помню, что нѣсколькими эпизодами онъ былъ самъ не доволенъ, хотѣлъ надъ ними еще поработать, но не успѣлъ. Укажу, напримѣръ, на образъ Богоборца, разсудочность котораго онъ ощущалъ: „это слишкомъ обще, расплывчато", на хоръ „умѣренныхъ" — „странникъ, ты истину чувства познай" и др. „Я здѣсь еще многое измѣню, — говорилъ онъ; — это еще не отдѣлано".

Со свойственнымъ ему всегда благороднымъ стремленіемъ предо всѣми раскрыть свои богатства, онъ постоянно дѣлился съ окружающими результатами своихъ неудачъ и затрудненій, радуясь по-дѣтски удачамъ и достиженіямъ. Мы слѣдили изо дня въ день, такимъ образомъ, за ходомъ его работы надъ текстомъ; помню, какъ доволенъ онъ былъ нѣкоторыми эпизодами: діалогомъ мужского и женскаго, хоромъ волнъ, пѣсней пробуждающихся чувствъ; какъ музыкантъ, онъ наслаждался самой звучностью этихъ стиховъ, которые онъ повторялъ постоянно, останавливаясь на особенно пѣвучихъ словахъ, подчеркивая отдѣльныя сочетанія. Легко замѣтить, что нѣкоторые эпизоды построены на преобладаніи въ звуковомъ отношеніи того или другого сочетанія гласныхъ и согласныхъ; этотъ „принципъ оркестровки", какъ называлъ его Скрябинъ, онъ хотѣлъ сначала провести очень строго, съ его помощью рѣзко отграничивая другъ отъ друга главнѣйшіе періоды. Но затѣмъ онъ призналъ, что полное осуществленіе этого принципа можетъ создать впечатлѣніе монотонности, и потому, ограничивъ его примѣненіе нѣкоторыми отдѣлами поэмы, онъ работалъ очень долго и упорно, лишь постепенно, съ трудомъ достигая желаемаго. Другіе эпизоды, напротивъ, создались почти сразу. Стихи „семь ангеловъ въ эѳирномъ облаченьи" и т. д. словно внезапно озарили его, онъ написалъ ихъ въ нѣсколько минутъ и перенесъ затѣмъ въ окончательный текстъ почти безъ всякихъ измѣненій. Между тѣмъ по содержанію своему образъ этотъ — одинъ изъ самыхъ сложныхъ.

До обратнаго отъѣзда въ Москву Скрябинъ, однако, не успѣлъ

закончить всего текста. Ему очень не хотѣлось возвращаться съ дачи, такъ какъ онъ понималъ, что въ Москвѣ работать будетъ гораздо труднѣе, но погода испортилась, въ связи съ войною распространялись тревожные слухи, всѣ кругомъ разъѣзжались... пришлось возвратиться въ городъ. Текстъ Предварительнаго Дѣйства былъ вчернѣ доведенъ до „Пѣсни-Пляски падшихъ", первые стихи которой были уже написаны. Записаны были также отрывки послѣднихъ эпизодовъ, а именно: слова Смерти, начиная приблизительно со стиховъ:

Тайнымъ зовамъ души
Ты внимай и спѣши
Погибающимъ вѣсть
О спасеньи принесть

затѣмъ конецъ, начиная со стиховъ:

Пробилъ радостный часъ
Пробудился ты въ насъ

Но со значительными пропусками.

Въ общемъ, если бы Скрябинъ продолжалъ работать въ городѣ столь же энергично, какъ и на дачѣ, онъ закончилъ бы, вѣроятно, весь текстъ, хотя бы вчернѣ, черезъ три или четыре недѣли. Но условія работы въ Москвѣ были совершенно иныя, и лишь въ концѣ ноября Скрябину удалось прочесть всю поэму своимъ друзьямъ-поэтамъ—Вячеславу Иванову и Ю. К. Балтрушайтису, мнѣнію которыхъ онъ придавалъ большое значеніе: „Это мой экзаменъ", шутилъ онъ. Отзывъ ихъ разсѣялъ его сомнѣнія. Онъ все же считалъ, что необходимо многое измѣнить; отдѣльные эпизоды не совсѣмъ удовлетворяли его.

Вопросъ объ исполненіи Предварительнаго Дѣйства, однако, усложнился; война продолжалась и трудно было предвидѣть, когда она закончится; для Скрябина было вполнѣ очевидно, что исполненіе должно быть отложено до конца войны. Тутъ возникъ проектъ (кажется, онъ исходилъ отъ А. Н. Брянчанинова) немедленно издать текстъ Предварительнаго Дѣйства вмѣстѣ съ музыкой. Конечно, это былъ бы компромиссъ! Вѣдь Скрябинъ, несмотря на всѣ свои колебанія въ этомъ вопросѣ, разсматривалъ свое произведеніе, какъ актъ мистическій и считалъ, что совершеніе Предварительнаго Дѣйства является существеннымъ моментомъ самого произведенія или, точ-

нѣе, что это послѣднее существуетъ лишь in actu, внѣ же свершенія можно только говорить о текстѣ, о музыкѣ, какъ объ отдѣльныхъ элементахъ.

Несмотря поэтому на нетерпѣніе свое увидѣть, наконецъ, свой замыселъ осуществленнымъ, Скрябинъ не склоненъ былъ съ этимъ проектомъ согласиться.

Въ теченіе зимы 1914—1915 гг. Скрябинъ предполагалъ заняться музыкой къ Предварительному Дѣйству, а также окончательной отдѣлкой текста. Послѣдній былъ уже весь переписанъ имъ въ особую тетрадь въ коричневой обложкѣ („Г"). Но такъ какъ онъ продолжалъ вносить въ текстъ все новыя и новыя измѣненія, онъ рѣшилъ переписать его еще разъ, окончательно. Этотъ окончательный текстъ внесенъ имъ въ толстую тетрадь въ черной клеенчатой обложкѣ („Д") но работу эту онъ не успѣлъ довести до конца: смерть прервала ее, когда онъ дошелъ лишь до стиховъ:

Извивно-ползная, змѣею я проснулась.
Стихіи влажной я, истомная, мила.

Такимъ образомъ, вторая половина текста осталась имъ еще окончательно не редактированной, но именно этой частью онъ и былъ менѣе доволенъ.

Что касается музыки Предварительнаго Дѣйства, то ему ничего не удалось сдѣлать. Большія надежды онъ возлагалъ на лѣто, которое онъ предполагалъ провести гдѣ-нибудь на Кавказѣ, въ Кисловодскѣ, быть можетъ: онъ думалъ заѣхать туда послѣ предстоящей ему концертной поѣздки по Волгѣ. Не осталось даже послѣ Скрябина и эскизовъ къ этой музыкѣ: дѣйствительно, то, чѣмъ мы теперь располагаемъ, лишь намеки, зародыши будущихъ формъ, начатки фразъ. Къ тому же только о нѣкоторыхъ изъ этихъ отрывочныхъ музыкальныхъ мыслей мы знаемъ опредѣленно, что Скрябинъ дѣйствительно рѣшилъ ими воспользоваться для Предварительнаго Дѣйства: среди этого сырого матеріала онъ, навѣрное, произвелъ бы очень строгій отборъ. Остается также вовсе неизвѣстнымъ, къ какимъ именно моментамъ дѣйствія можно пріурочить ту или иную изъ сохранившихся фразъ. Нѣкоторыхъ эскизовъ, хорошо знакомыхъ его близкимъ, которымъ онъ ихъ часто игралъ, не нашлось вовсе среди его музыкальныхъ рукописей: такъ, несмотря на всѣ поиски, не могли быть разысканы начальные такты Предварительнаго Дѣй-

ства, хотя извѣстно, что онъ ихъ записалъ. Затерянъ также мотивъ торжественнаго колокольнаго звона, сочиненный имъ еще въ 1913 г.

Хотя исполненіе Предварительнаго Дѣйства откладывалось на неопредѣленное время, однако мысль Скрябина теперь, когда текстъ былъ уже законченъ, постоянно возвращалась къ этому вопросу. Въ бесѣдахъ своихъ съ друзьями (эти бесѣды служили ему часто импульсомъ къ творчеству) онъ постепенно выяснялъ подробности совершенія Дѣйства. Но все это носило отрывочный характеръ: нѣкоторыя частности были уже опредѣлены, когда болѣе основное и важное не было еще вовсе затронуто. Къ сожалѣнію, Скрябинымъ ничего не было зафиксировано, и въ тетрадяхъ не найти никакихъ записей по этому поводу. Мечталъ онъ о постройкѣ спеціальнаго зданія для исполненія Предварительнаго Дѣйства, однако соглашался, что въ крайнемъ случаѣ можно будетъ использовать какое-нибудь изъ существующихъ зданій, лишь бы только форма его была кругла: „только не циркъ!" Всѣ присутствующіе, по его мысли, должны были образовать какъ бы систему концентрическихъ круговъ, постепенно сближающихся отъ центра къ периферіи; тѣ, что принадлежали къ внѣшнимъ, периферическимъ кругамъ, принимали менѣе дѣятельное участіе въ дѣйствіи, были болѣе зрителями, главными же исполнителями должны были стать участники внутреннихъ, высшихъ круговъ. Въ центрѣ, на вершинѣ всей системы, Скрябинъ хотѣлъ первоначально воздвигнуть алтарь, но впослѣдствіи онъ склоненъ былъ отказаться отъ этой мысли. Вся эта масса должна была быть постоянно какъ бы пронизана движеніями такимъ образомъ, чтобы круги не пребывали замкнутыми и неподвижными, но чтобы между ними происходилъ безпрестанный обмѣнъ: одни участники, увлекаемые шествіями и танцами, поднимаясь и приближаясь къ центру, другіе — удаляясь книзу. Пѣніе отдѣльныхъ исполнителей и хоровое чередовалось съ декламаціей. Первыя слова:

Еще разъ волитъ въ васъ Предвѣчный
Пріять любови благодать, и т. д.

провозглашалъ медленно и торжественно мужской голосъ на фонѣ тремолирующаго таинственнаго аккорда (эти именно первые такты нынѣ затеряны).

Предварительное Дѣйство въ окончательной своей формѣ должно было стать произведеніемъ искусства синтетическаго; но, стремясь

осуществить синтезъ искусствъ, Скрябинъ, однако, какъ извѣстно, былъ противникомъ принципа параллелизма сочетающихся искусствъ; на отдѣльныя искусства онъ не смотрѣлъ, какъ на самостоятельныя слагаемыя всеискусства, но въ нихъ видѣлъ лишь разрозненные элементы этого единаго всеискусства. Въ Предварительномъ Дѣйствѣ Скрябинъ хотѣлъ возстановить гармоническій синтезъ трехъ искусствъ: музыки, поэзіи и танца (включая мимику и пластику) путемъ сложнаго контрапунктированія слова, музыкальнаго звука и жеста. Музыка не должна была вовсе слѣдовать за словомъ или за движеніемъ, но слово, дѣйствіе и звукъ, сплетаясь въ тѣсномъ сочетаніи, образовывали единую сплошную ткань произведенія: Предварительное Дѣйство—Скрябинъ высказывалъ это не разъ—не должно быть музыкой + поэзія + танецъ, но оно является именно созданіемъ единаго искусства, въ которомъ лишь анализъ вскрываетъ элементы пластическіе, поэтическіе, музыкальные... Если бы мы располагали сейчасъ всѣми этими элементами и на ряду съ текстомъ владѣли рукописью музыки къ Предварительному Дѣйству, то послѣднее все же не существовало бы, какъ цѣлое.

Однако, мы знаемъ, что Скрябинъ работалъ сначала надъ словомъ и только, закончивъ эту работу, хотѣлъ перейти къ музыкѣ, чтобы затѣмъ установить всѣ подробности исполненія самаго акта но мнѣ кажется, что этотъ видимый, описанный мною здѣсь путь былъ лишь кажущійся и что въ дѣйствительности Скрябинъ, напротивъ, шелъ отъ цѣлаго къ частному, отъ Предварительнаго Дѣйства, узрѣннаго имъ, какъ цѣльный синтетическій актъ, къ его музыкальнымъ и поэтическимъ элементамъ.

Б. Шлецеръ.

Записи А. Н. Скрябина.

I.

[Отдѣльный листокъ, писанный лѣтъ 16-ти. Лежалъ въ „бабушкиномъ" Евангеліи

Богъ въ общемъ значеніи этого слова есть причина совокупности явленій.

Іисусъ Христосъ говоритъ о Богѣ въ частномъ значеніи этого слова, о Богѣ, какъ о причинѣ необъяснимой, породившей ученіе о нравственности. Т. к. понятіе о нравственности *одно*, то онъ и говоритъ о единомъ истинномъ и вѣчномъ Богѣ, который въ немъ пребываетъ (какъ представленіе) и въ которомъ онъ пребываетъ (жизнь, поступки).

Вѣрить въ Бога значитъ вѣрить въ истинность ученія о нравственности и слѣдовать ему.

Молитва есть порывъ къ Богу.

Религіозное чувство есть сознаніе въ себѣ Божества.

Вотъ сущность ученія Іисуса Христа: Будь нравственнымъ, честнымъ, добрымъ, люби ближняго твоего, какъ самого себя. Матѳ. 5, 44

Онъ первый сказалъ эти полныя вѣчнаго и святого значенья слова. Онъ первый открылъ глаза человѣчеству на добро и правду, первый подарилъ ему истинное счастье, а потому не въ правѣ ли онъ былъ сказать: я семь свѣтъ и истина и жизнь!

А какъ мы, обязанные Ему всѣмъ нашимъ счастьемъ, должны къ нему относиться. Не должны ли мы съ радостью поднять знамя Христа и съ гордостью сказать: мы христіане.

Будемъ же носить въ себѣ этотъ святой образъ страдальца Христа и будемъ пребывать въ немъ, въ его ученіи, въ его и нашемъ единомъ истинномъ и вѣчномъ Богѣ.

II.

[Время Первой симфоніи, т.-е. около 1900 г. Отдѣльные мѣтки.]

Чтобы стать оптимистомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, нужно испытать отчаяніе и побѣдить его.

Не по своему желанью пришелъ я въ этотъ міръ.

Ну, такъ что-же?

Въ нѣжной юности, полный обмана надеждъ и желаній, любовался его лучезарной прелестью и отъ небесъ ждалъ откровенья; но откровенья не было.

Ну, такъ что-же?

Искалъ вѣчной истины и у людей, но увы! они знаютъ ее меньше меня.

Ну, такъ что-же?

Искалъ вѣчной красоты и не нашелъ ея. Чувства увядали какъ цвѣты, едва распустившись. Лучезарный день смѣняла холодная дождливая ночь.

Искалъ утѣшенья въ новой веснѣ, въ новыхъ цвѣтахъ, но не нашелъ; то были лишь старанья что-то замѣнить, вернуть утраченное, вспомнить пережитое. Въ жизни каждаго человѣка весна бываетъ лишь разъ. А какъ люди спѣшатъ отдѣлаться отъ этого чарующаго обмана, отъ этихъ дивныхъ грезъ! Наконецъ искалъ утѣшенья въ воспоминаніяхъ, но и къ нимъ привыкъ, т.-е. утратилъ ихъ.

Ну что-же?

Кто-бъ ни былъ ты, который нагрумился надо мной, который вверглулъ меня въ темницу, восхитилъ, чтобы разочаровать, далъ, чтобы взять, обласкалъ, чтобы замучить—я прощаю тебя и не ропщу на тебя. Я все таки живъ, все таки люблю жизнь, люблю людей, люблю еще больше, люблю за то, что и они черезъ тебя страдаютъ (поплатились).

Я иду возвѣстить имъ мою побѣду надъ тобой и надъ собой, иду сказать, чтобы они на тебя не надѣялись и ничего не ожидали отъ жизни кромѣ того, что *сами могутъ себѣ создать*. Благодарю тебя за всѣ ужасы твоихъ испытаній, ты далъ мнѣ познать мою безконечную силу, мое безграничное могущество, мою непобѣдимость, ты подарилъ мнѣ *торжество*.

Иду сказать имъ, что они сильны и могучи, что горевать не о чемъ, что утраты нѣтъ! Чтобы они не боялись отчаянія, которое одно можетъ породить настоящее торжество. Силенъ и могучъ тотъ, кто испыталъ отчаяніе и побѣдилъ его.

III.

[Хоръ изъ Первой симфоніи, изд. Бѣляева, Лейпцигъ 1900 г.]

О, дивный образъ Божества,
Гармоніи чистое искусство!
Тебѣ приносимъ дружно мы
Хвалу восторженнаго чувства.

Ты жизни свѣтлая мечта,
Ты праздникъ, ты отдохновенье,
Какъ даръ приносишь людямъ ты
Свои волшебныя видѣнья.

Въ тотъ мрачный и холодный часъ,
Когда душа полна смятенья,
Въ тебѣ находитъ человѣкъ
Живую радость утѣшенья.

Ты силы, павшія въ борьбѣ,
Чудесно къ жизни призываешь,
Въ умѣ усталомъ и больномъ
Ты мыслей новыхъ строй рождаешь.

Ты чувствъ безбрежный океанъ
Рождаешь въ сердцѣ восхищенномъ,
И лучшихъ пѣсней пѣснь поетъ
Твой жрецъ, тобою вдохновленный.

Царитъ всевластно на землѣ
Твой духъ свободный и могучій,
Тобой поднятый человѣкъ
Свершаетъ славно подвигъ лучшій.

Придите всѣ народы міра,
Искусству славу воспоемъ!

Слава искусству,
Во вѣки слава!

IV.

[Либретто для оперы; писано послѣ Первой симфоніи, но до 1903 г. Въ зеленой записной книжечкѣ.]

Зажглись волшебные огни
Въ саду прекрасномъ какъ мечтанье
И слышно пира ликованье
Въ его мерцающей дали.

Тамъ дивно все. Цвѣтовъ богатыхъ
Тамъ ослѣпительный пріютъ,
Тамъ хоры дружные пернатыхъ
Хвалу Создателю поютъ.

Зефиръ дыханіемъ ласкаетъ
Листву стыдящихся мимозъ,
А запахъ нѣжно-страстныхъ розъ
Къ любовной нѣгѣ призываетъ.

Въ струѣ прохладной и живой
Роскошно бьющаго фонтана
Купаетъ лучи блестящій свой
Съ небесъ смотрящая Діана.

Тамъ звука нѣжная волна
Съ волной ласкающаго свѣта
Играетъ, прелести полна,
Волшебной прелести привѣта.

Но всѣ богатства тѣ лишь фонъ,
Рисунка дивнаго достойный.
Царицы юной образъ стройный
Вѣнчалъ собою этотъ сонъ.

Она всѣхъ смертныхъ упованье,
Она всѣхъ подданныхъ кумиръ;
То въ честь ея предъ разставаньемъ
Отецъ дастъ веселый пиръ.

Гостей блестящая толпа
Ее ревниво окружаетъ

И похвалы ей расточаетъ,
Но къ нимъ царица холодна.

Рѣчей ихъ льстивыхъ ядъ опасный
Головки умной не кружитъ.
Она съ улыбкою безстрастной
Ихъ принимаетъ... и царитъ.

Одинъ изъ гостей (поэтъ)

Предъ тобою меркнутъ всѣ Свѣтила міроздавья.
На твоемъ челѣ печать небесной красоты,
И чарамъ пагубнымъ подвластны всѣ созданья.
Всѣмъ на землѣ, Богиня, овладѣла ты!
Лечу на крыльяхъ вдохновенья
Я въ міръ фантазіи живой
Искать волшебныхъ цѣпочекъ,
Чтобъ славить дивный образъ твой.

Другой гость

Умъ твой сверкающій
Все озаряетъ
Свѣтомъ своимъ,
Всѣхъ ослѣпляющій
Все покоряетъ
Словомъ однимъ.

Третій гость

Пѣсни упоительной
Звуки насъ ласкаютъ,
Граціи плѣнительной
Силы побѣждаютъ,
Каждое движеніе
Радость намъ даритъ,
Дивное твореніе
Огненнаго генія
Надо всѣмъ царитъ!

Ей чужды шумъ и блескъ пировъ,
На нихъ томится и скучаетъ;
Изъ ненавистнѣйшихъ оковъ
Къ свободѣ духъ ея взываетъ.
Воспаленный умъ ея
Исполненъ жажды познаванья
И въ лихорадочномъ исканьи
Проходитъ жизнь у нея.
И потому гостей любезныхъ
Безсодержательная рѣчь
Лишь рядъ попытокъ безполезныхъ
Царицу юную увлечь.
„Не тотъ мечтой ея [1] владѣетъ,
Кто передъ ней [2] благоговѣетъ
И рѣчи льстивыя ведетъ,
Но тотъ кто самъ ее [3] возметъ,
Кто поразитъ воображенье
Волшебной прелестью творенья;
Кто очаруетъ умъ пытливый,
Кто жажду знанья утолитъ,
Чей духъ превыше всѣхъ паритъ —
Носитель генія счастливый!"
И вотъ мечтамъ ея въ отвѣтъ
Какъ будто силою чудесной
Былъ посланъ юный неизвѣстный
Философъ — музыкантъ [4] — поэтъ.
Къ нему душой она стремится,
Имъ сердце гордое полно,
И хочетъ вольно насладиться
Любовью вольною оно.
Артиста дивныя созданья
Она случайно обрѣла,
Прочла, и всѣ свои мечтанья
Ему тотчасъ-же отдала.

1 [Сверху написано: *моей*].
2 [Сверху надп.: *предо мной*].
3 [Сверху надп.: *меня*].
4 [Сверху надп.: *онъ-же и*].

Съ тѣхъ поръ желанія иного
Для сердца любящаго нѣтъ,
Какъ тайно друга дорогого
Увидѣть. Въ немъ и жизнь, и свѣтъ.
Полетъ побѣдный мысли смѣлой
Впервые сталъ извѣстенъ ей.
Гнетъ давній формы устарѣлой
Ей сбросить хочется скорѣй.
Онъ рѣчью мудрою, простою
Ее наукѣ покорилъ.
Онъ любоваться научилъ
Величьемъ, блескомъ, красотою
Въ пространствѣ тонущихъ свѣтилъ,
Мечтой свободной, окрыленной
Витать въ эпохѣ отдаленной,
Пространство [1] мыслью обнимать,
Все видѣть, знать и понимать.
Она ученію его
Съ очарованіемъ внимала,
И съ благодарностью лобзала
Царица Бога своего.
И вотъ теперь среди гостей
Она бесѣдой ихъ томится
И въ танцѣ сладостномъ забыться
Напрасно хочетъ.

Пѣснь танца

Танецъ прелестный,
Дай мнѣ забвенья,
Силой чудесной
Вырви мученья.
Жизнь — страданье,
Жизнь — сомнѣнье,
Ты-же мечтанье,
Ты — наслажденье.

[1] [Сверху надп.: *И вѣчность.*]

Танецъ волшебный,
Дай утѣшенья,
Силой цѣлебной
Вырви сомнѣнья.

Грустно ей.
Знать, что за стѣною сада
У моря на скалѣ сидитъ
Ея кумиръ, ея отрада!
И можетъ быть о ней груститъ...
И вотъ украдкою она
Гостей веселыхъ покидаетъ
И тайно, радости [1] полна,
Изъ сада къ морю убѣгаетъ.
Увидѣвъ дѣву, восхищенный
Поэтъ на встрѣчу къ ней спѣшитъ
И пѣсни только сочиненной
Слова ей страстно говоритъ.
На праздникъ любви онъ ее призываетъ.
Богиня, приди, здѣсь тебя ожидаютъ
Всѣ радости жизни земной:
Дыханіе страстное ночи пѣнительной,
Шопотъ таинственный теплой волны,
Прелесть волшебная ласки томительной,
Жгучей любви безпокойные сны.
Тебѣ раскрываю объятія страстныя,
Шествуй ко мнѣ, о Богиня мечты!
Тебя утомлю поцѣлуями властными,
Сладость блаженства извѣдаешь ты!

*

Мнѣ жаль тебя, земли дитя несчастное.
Вся жизнь твоя страданіе ужасное.

Какъ жалко все твое существованіе,
Въ лѣсу глухомъ безцѣльное скитаніе,
Безъ вѣры въ идеалъ, мечты, очарованія!
Какъ можно такъ жить?

[1] [Сверху надп.: *трепета*].

Ты на землѣ какъ будто гость случайный,
Все для тебя кругомъ покрыто тайной.
Какъ цѣль неясна!
Какъ мысли несмѣлы!
Какъ блѣдны цвѣты наслажденій минутныхъ,
Отравленныхъ мыслью о жизни ничтожной
И міра загробнаго образахъ смутныхъ,
Пугающихъ смертныхъ всегда и вездѣ.
Гдѣ доблесть? гдѣ сила мужей закаленныхъ,
Идущихъ побѣдно впередъ?!
Кто знамя ихъ держитъ, кто ихъ, окрыленныхъ,
Къ побѣдному бою зоветъ [1] ?!!
Когда же ты, царь, хоть немного познаешь
Могущество воли своей?!
Когда же ты, рабъ, наконецъ, пожелаешь
Избѣгнуть позорныхъ цѣпей?!
Никто въ этомъ царствѣ тоски и страданья
Не знаетъ, какъ жизнь полна;
Что рай не одно лишь пустое мечтанье,
Что стоитъ имѣть лишь сильнѣе желанье —
Тотчасъ набѣжитъ его счастья волна.

Религій ласковый обманъ
Меня уже не усыпляетъ
И разумъ мой не затемняетъ
Ихъ нѣжно-блещущій туманъ.
Разсудокъ мой, всегда свободный,
Мнѣ утверждаетъ: ты одинъ;
Ты рабъ случайности холодной,
Ты всей вселенной властелинъ.
Зачѣмъ вручаешь ты Богамъ
Свою судьбу, о жалкій смертный?
Ты можешь и ты долженъ самъ

[1] (Сверху надп. ведетъ).

Побѣды славную печать
Носить на ликѣ лучезарномъ.

*

Совершилось: я иду

*

Когда бъ одну крупицу моего блаженства
Я могъ бы міру подарить

*

Я апофеозъ мірозданья
Я цѣлей цѣль, конецъ концовъ.

*

Я дерзновенной мысли силой
Давно ужъ міромъ овладѣлъ

*

Хотѣлъ бы я въ сердцахъ народовъ
Мою любовь запечатлѣть

*

Возьмите все, не требую признанья

*

Когда звѣзда моя пожаромъ разгорится
И землю свѣтъ волшебный обоймет,
Тогда въ сердцахъ людей огонь мой отразится
И міръ свое призваніе поймет.
Я *силой чаръ гармоніи небесной*
Навѣю на людей ласкающіе сны,
А *силою любви* безмѣрной и чудесной
Я сдѣлаю ихъ жизнь подобіемъ весны.
Дарую имъ покой давно желанный
Я силой мудрости своей.
Народы, радуйтесь, отъ вѣка жданный
Конецъ насталъ страданій [1] и скорбей.

*

[1] [Было: *печалей*].

Я призываю васъ на праздникъ свѣтлый
Любви, труда и красоты

*

Не жизнь суровую аскета
Пришелъ я міру возвѣстить

*

Когда бъ я могъ однимъ лучомъ
Того ласкающаго свѣта,
Который въ душѣ моей живетъ,
Жизнь скорбную людей безъ счастья, безъ просвѣта
На мигъ лишь озарить

*

Я испыталъ любви мятежной
Всесозидающій [1] обманъ,
Извѣдалъ чувство дружбы нѣжной
И увлеченія туманъ

*

Съ высоты вершины снѣжной
Я спокойный, безмятежный
Бури жизни наблюдалъ [ждалъ].
(Тамъ мятежные народы
Войны межъ собой ведутъ)
На поверхности безбрежной
Здѣсь и тамъ за дымкой нѣжной
Маяковъ огонь мерцалъ.

*

Тебѣ всѣ помыслы и чувства,
Всѣ заповѣдныя движенія мечты

*

О, поживи лишь мной, и ты познаешь жизнь,
Какъ можетъ быть прекрасно на душѣ.

*

[1] (Было: *Всеразрушающій*).

Любимый и прекрасный міръ!
Я отдаюсь тебѣ съ блаженствомъ.
Во всей душевной наготѣ
Упейся мной

*

Владѣетъ міромъ тотъ, кто силой обаянья
Къ себѣ народы привлечетъ,
Чьи мечтанья

Ты плѣнительно придешь,
Какъ образъ истины прекрасной,
Какъ прелесть ласки

Потокъ сверкающій чудесъ,
На землю хлынувшій съ небесъ

Я къ вамъ пр[ишелъ] и [?]
Намѣренъ рѣчь свою держать.
Для стада стадные законы
Должны Вы мудро [1] создавать

И не срывать [2] цвѣтовъ роскошныхъ
Любви, таланта и труда

Что въ этой скромной оболочкѣ
Угасла искра божества

Нѣтъ того духовнаго, которое бы не имѣло выраженія въ матерьяльномъ, и нѣтъ того матерьяльнаго, которое не порождало бы мысль.

Все измѣняется, все совершенствуется. Я весь желанье, *весь порывъ* [3], но для меня желанье не (томительно)—оно моя стихія—мое счастье, оно живетъ во мнѣ вмѣстѣ съ полной увѣренностью въ успѣхѣ.

Ты стремленье къ совершенству,
Ты мечта [4], ты свѣтъ и радость,

[1] [Было: *разумно*].
[2] [Было: *губить*].
[3] [Сверху написано: *весь вѣра*]
[4] [Сверху написано: *успѣхъ*, а подъ строкой—*порывъ*].

Но позналъ лишь тотъ блаженство,
Кто труда извѣдалъ сладость.
Кто въ плѣнительномъ исканьи
Жизнь пріятно проводилъ,
Кто въ могущественномъ знаньи
Утѣшенье находилъ

Любовью полною любилъ

Впередъ стремительно и вѣчно.

Я такъ счастливъ, что если бы я могъ одну крупицу моего счастья сообщить цѣлому міру, то жизнь показалась бы людямъ прекрасной.

V.

[Въ синей тетради, карандашомъ. Писано лѣтомъ 1904 г. въ Швейцаріи, частью въ Belotte близъ Женевы, на открытомъ воздухѣ въ кафэ. А. Н. жилъ тогда въ Vevey и часто ходилъ въ Belotte въ гости къ знакомому лодочнику. Въ этой же тетради первые наброски *текста* „Поэмы экстаза", частью еще въ прозѣ]. [1]

(Псих. Вундта) (стр. 21).

1) Внутренній или психологическій опытъ не составляетъ особой области опыта рядомъ съ другими: это вообще непосредственный опытъ.

2) Этотъ непосредственный опытъ представляетъ не покоящее содержаніе, но *связь процессовъ*. Онъ состоитъ не изъ объектовъ, но изъ процессовъ.

3) Всякій такой процессъ имѣетъ, съ одной стороны, *объективное содержаніе*, съ другой — представляетъ субъективное событіе.

Вотъ точка отправленія современной психологіи. Эти три положенія принимаются какъ аксіома, и на нихъ строится все зданіе психологіи.

Намъ же онѣ сами по себѣ *не очевидны*. Всякій опытъ предполагаетъ *содержаніе*, которое намъ *дается*, и наше *воспріятіе* этого содержанія. Въ психологическомъ опытѣ намъ даны **процессы,** намъ [даны?] *объекты*, и мы ихъ **воспринимаемъ,** какъ субъективныя событія. Но какимъ образомъ намъ эти процессы даны? Какимъ обра-

[1] [Немногія слова, въ подлинникѣ сокращенныя, какъ „внутр." вмѣсто „внутренній", „сост." вм. „составляетъ", здѣсь, какъ и въ остальныхъ записяхъ, печатаются полностью].

зомъ отъ *субъективныхъ* событій, которыя мы только и можемъ утверждать, мы заключаемъ къ этимъ процессамъ внѣ насъ? Гдѣ основаніе къ такому заключенію, гдѣ мостъ?

Мнѣ кажется очевиднымъ *тожество* объекта и субъекта въ психологическомъ *опытѣ*. При такомъ взглядѣ опытъ перестаетъ быть *опытомъ* [1]. Если мы *все* можемъ утверждать только какъ субъективное событіе, то оно можетъ быть *только* результатомъ нашей дѣятельности. Нашей единой и потому свободной и абсолютной дѣятельности.

Итакъ, міръ есть результатъ моей дѣятельности, моего творчества, *моего хотѣнія* (свободнаго).

Почему же этотъ созданный мною міръ не таковъ, какимъ бы мнѣ хотѣлось его имѣть? Почему я, какъ индивидуумъ, нахожусь въ такомъ непріятномъ для меня положеніи? Почему я недоволенъ и страдаю, почему я такъ мучительно желаю выйти изъ этого положенія и очутиться въ какомъ-то иномъ? И почему въ то же время я такъ люблю жизнь и такъ привязанъ къ ней, что одна мысль о смерти приводитъ меня въ ужасъ? Эти положенія кажутся сначала явнымъ противорѣчіемъ сдѣланному мной раньше выводу.

Для того, чтобы объяснить, что такого противорѣчія нѣтъ, я буду прибѣгать послѣдовательно къ нѣсколькимъ пріемамъ. Во первыхъ я представлю себѣ, что все то, что заставляетъ меня страдать, устранено. Міръ таковъ, какимъ я его желаю видѣть, я самъ, какъ индивидуумъ, нахожусь въ самомъ выгодномъ положеніи. Мнѣ *не остается ничего* желать. И въ этомъ положеніи я буду находиться *вѣчно*. Можно-ли себѣ представить что-нибудь ужаснѣе этого ощущенія въ довольствѣ? И неужели самое ужасное изъ страданій, неужели всѣ пытки инквизиціи не лучше, не менѣе мучительны, чѣмъ это вѣчное ощущеніе довольства? Конечно да. Я сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь задумался въ выборѣ, кромѣ утомленныхъ и самыхъ слабыхъ, для которыхъ жизнь не имѣетъ почти никакой цѣнности. Итакъ невыгодность (кажущаяся) моего положенія въ свѣтѣ, нисколько не противорѣчитъ тому, что я самъ авторъ его, потому что, даже если я его считаю закомъ, то изъ двухъ (золъ) я выбралъ лучшее. Далѣе. Если міръ есть моя единая и абсолютная свободная дѣятельность, то что-же есть истина, которой я въ себѣ не ощущаю и изъ за ко-

[1] и дѣлается творчествомъ.

торой я столько страдалъ и которую такъ долго искалъ и хотѣлъ? Вся исторія человѣчества есть ея исканіе. Если я ее въ себѣ не ощущаю и если, съ другой стороны, я могу утверждать только то, что я самъ создаю, *то ее нѣтъ!* Нѣтъ истины! Той, для которой жило столько геніевъ, изъ за которой столько крови пролито, столько жизней загублено? Что же такое вся наша жизнь? Она только то, что я переживаю, только то, чего я желаю и добиваюсь, она игра, моя свободная игра. Она для меня абсолютная цѣнность. Однако, почему я не чувствую этой свободы? Почему, если міръ есть игра моего творческаго воображенія, я не могу мѣнять по произволу обстановки, въ которой нахожусь, отчего я испытываю принудительность времени и пространства? На этотъ вопросъ и массу подобныхъ можно отвѣтить только изучивъ природу свободнаго творчества. Если міръ мое творчество, то вопросъ о *познаніи* міра сводится къ вопросу о познаніи природы свободнаго творчества. Какъ я создаю, — или прежде, — что значитъ, что я создаю? Въ чемъ состоитъ процессъ моего творчества?

Въ данную минуту я сижу за столомъ и пишу. Я думаю о природѣ свободнаго творчества. Время отъ времени я прекращаю эту работу и смотрю на озеро, которое прекрасно; я любуюсь цвѣтомъ воды, игрой тоновъ. Я гляжу на проходящихъ людей, на однихъ почему-то болѣе внимательно, чѣмъ на другихъ. Потомъ снова возвращаюсь къ писанію и мыслямъ о свободномъ творчествѣ. Я хочу пить и спрашиваю себѣ лимонадъ. Я смотрю на часы и замѣчаю, что приближается время завтрака, о чемъ мнѣ также напоминаетъ чувство голода. Я скоро долженъ идти домой изъ Belotte, гдѣ нахожусь. Все это я сознаю, все *различаю*. Но въ каждый данный моментъ я сознаю что нибудь одно. Когда я думаю о природѣ свободнаго творчества, я перестаю любоваться прелестью озера, и наоборотъ; когда я гляжу на проходящихъ людей, я отвлекаюсь отъ работы, когда я совершенно углубленъ въ нее, то совсѣмъ не замѣчаю присутствующихъ. Иногда мнѣ кажется, что я сознаю нѣсколько вещей сразу. Такъ, въ настоящее время я часто поднимаю глаза къ озеру, и хотя и не такъ внимательно, но смотрю на него и въ то же время думаю и пишу. Но работа отъ такого раздвоенія вниманія страдаетъ. Вотъ я совершенно углубился въ мысли о творчествѣ и, ничѣмъ не отвлекаясь, провелъ такъ нѣкоторое время; это меня утомило и вызвало болѣзненное ощущеніе. Мнѣ хочется перемѣнить обстановку..

Походить, покататься на лодкѣ. Мнѣ хочется перестать думать о творчествѣ. Но мнѣ трудно это сдѣлать, не смотря на утомленіе. Что-то думаетъ помимо моей воли. Я стараюсь пересилить себя и перестаю работать. Я ухожу. Я такъ усталъ, что мысли мои путаются, буквы прыгаютъ, я *различаю* предметы *неясно*. Когда я отдохну, я снова вернусь къ работѣ и сдѣлаю выводы изъ наблюденія надъ собой.

Прежде всего во всей массѣ пережитыхъ мною ощущеній и мыслей, я замѣчаю нѣчто общее, что ихъ связываетъ, а именно то, что все это *я* переживаю. Все это *я* сознаю. Во 2-хъ для того, чтобы сознавать все это, я *дѣйствую*, я напрягаюсь, я дѣлаю усиліе, я расходую большее или меньшее количество *вниманія*. Въ 3-хъ. Если бы я пересталъ *сознавать* все это, т.-е. если бы моя дѣятельность прекратилась, то съ ея прекращеніемъ исчезло бы для меня *все*. Итакъ выходитъ, что какъ будто я *авторъ* всего переживаемаго, я творецъ міра. Почему же тогда мнѣ *кажется*, что все это я лишь, воспринимая, отражаю, что все это существуетъ помимо меня и дѣятельности моего сознанія. Откуда это ощущеніе *не-я*, которое такъ упорно живетъ во мнѣ? Я такъ привыкъ думать, что я *изучаю* міръ, созданный *прежде меня* внѣшній міръ. Что значитъ эта путаница? Для того чтобы отвѣтить на эти вопросы, нужно глубже заглянуть въ *испытываемое мною* чувство *не-я*. Путаница произошла оттого, что я не сознавалъ, что я создалъ также и это чувство *не-я*. Оно есть такая же моя дѣятельность, какъ и тотъ міръ, который я считаю внѣшнимъ. Итакъ все есть моя дѣятельность, *различеніе*. Въ ряду созданныхъ мною представленій (чувствъ и мыслей) есть и чувство (представленіе) *не-я*. Это то чувство, которымъ я отношу часть (то, что называю представленіями) къ назв. мною „внѣшнему міру". Чувствомъ (представленіемъ) не-я я создаю пространство. Тутъ можетъ возникнуть вопросъ, какое пространство? Въ какомъ видѣ, въ какой моментъ и какими предметами наполненное? Однимъ словомъ, можетъ быть задань нелѣпый вопросъ, какъ начинается пространство. Нужно понять, что создать пространство значитъ создать каждый его моментъ со всѣмъ его прошлымъ и будущимъ [1]. Пространство и время есть процессъ, по которому для каждаго предмета (представленія) въ каждый дан-

[1] Также создать пространство значитъ создать одинъ его моментъ, пережить *одно чувство*.

ный моментъ я создаю его прошлое и будущее на *ряду* съ другими представленіями, и въ которомъ, въ свою очередь, каждое данное представленіе есть часть безграничнаго цѣлаго, существующая только относительно этого (цѣлаго). Пространство и время не создаются черезъ сложеніе промежутковъ времени и предметовъ. Создать пространство значило бы создать всю исторію и все будущее вселенной. Еще. Создать пространство и время значитъ создать одно представленіе, по которому вывести всю исторію и все будущее вселенной. Тѣмъ, что я говорю, что пространство и время формы моего творчества, мною созданныя, я не говорю, что было время, въ которое этихъ формъ не существовало. Нельзя считать, что было время, когда времени не было, и наступилъ моментъ, въ который я его создалъ. Я создаю пространство и время *тѣмъ*, что я *различаю*. При этомъ нельзя спросить, съ чего я *началъ* различать. Ибо что нибудь существуетъ въ процессѣ различенія только *относительно другого*. Значитъ создавая какое нибудь представленіе, какое нибудь *я*, я одновременно создаю *не-я*, его ограничивающее, и всю исторію его. Я создаю время *различеніемъ* ощущеній и пространство различеніемъ въ себѣ субъекта и объекта. Временемъ я создаю то, что мы называли до сихъ поръ внутреннимъ опытомъ, а пространствомъ— внѣшній опытъ. Я уничтожаю пространство и время, когда перестаю *различать*. Выраженія *создаю и уничтожаю* не означаютъ созданія и уничтоженія времени и пространства во времени-же и пространствѣ. Они лишь намекаютъ на тотъ процессъ творчества, который не можетъ быть до конца выраженъ понятіями, которыя сами только его продуктъ. Творчество не можетъ быть объяснено ничѣмъ. Оно есть высшее представленіе (понятіе), ибо оно производитъ всѣ понятія. Я говорю, что творчество есть различеніе; создать что нибудь значитъ ограничить одно другимъ. Но этимъ я не объясняю творчество. Различеніе есть тоже извѣстное представленіе *пространственное и временное*. Различеніе не объясняетъ пространства и времени, потому что оно не существуетъ *раньше* пространства и времени. Вообще нужно понять, что объяснить творчество словами до конца нельзя.

Все есть мое творчество. Но и само оно существуетъ только въ своихъ твореніяхъ, оно совершенно *тождественно съ ними*. Я ничто. Я только то, что я создаю. Все, что существуетъ, существуетъ только въ моемъ сознаніи. Все есть моя дѣятельность, которая въ свою очередь есть только то, что она производитъ. Потому нельзя сказать

что міръ *существуетъ*. Вообще понятія существованіе, сущность, совершенно не выражаютъ того, что представляетъ изъ себя міръ. Міръ (время и пространство) есть процессъ моего творчества, причемъ слово процессъ (какъ понятіе временное) тоже не выражаетъ того что нужно. Міръ — мое творчество, которое есть только міръ. Одно—относительно другого и больше ничего. Ничто не существуетъ, ничто не создается, ничто не осуществляется: все игра. И эта игра—высшая реальнѣйшая реальность. Все есть, какъ моя свободная и единая дѣятельность, и ничего внѣ ея. И сама она игра.—

[Здѣсь пропускъ въ тетради: нѣсколько бѣлыхъ страницъ].

Итакъ приступимъ къ изученію природы свободнаго творчества, т. е. другими словами къ изученію самого себя, къ самонаблюденію, къ изслѣдованію матерьяла нами производимаго. Въ потокѣ моего сознанія я различаю [1] (различныя) его состоянія. Притомъ я различаю *одно рядомъ съ другимъ*, одно относительно другого сознанія, которое въ свою очередь относительно предъидущаго и т. п. [2]. Цѣпь состояній сознанія *непрерывна*. Дальше я замѣчаю, что одно и тоже состояніе сознанія не можетъ продолжаться долѣе извѣстнаго количества времени; ощущеніе тускнѣетъ, а потомъ и вовсе исчезаетъ. Я впадаю въ состояніе безразличія, безсознательное состояніе сна, обморока. Иногда потеря сознанія отъ утомленія однимъ ощущеніемъ сопровождается страданіями, иногда, если это было пріятное ощущеніе, блаженствомъ, экстазомъ, граничащимъ съ этимъ безсознательнымъ состояніемъ. Изъ этого я дѣлаю выводъ, что ни одно изъ состояній сознанія не существуетъ въ немъ абсолютно, а всѣ они существуютъ одно рядомъ съ другимъ, одно относительно другого; самое различеніе извѣстныхъ состояній сознанія есть *наша дѣятельность*. Далѣе. Въ состояніи сознанія вообще, цѣпь

VI.

[Писано въ 1904—1905 г. Записная тетрадь въ листъ, въ переплетѣ].

Я начинаю свою повѣсть, повѣсть міра, повѣсть вселенной. Я есмь, и ничего внѣ меня. Я ничто, я все, я единое и въ немъ едино-

[1] Я произвожу его состоянія.

[2] Каждое изъ состояній моего сознанія есть его отношеніе ко всѣмъ другимъ состояніямъ, есть его игра.

образное множество. Я жить хочу. Я трепетъ жизни, я желанье, я мечта. О мой міръ, излученный, мое пробужденіе, моя игра, мой разцвѣтъ (мое исчезновеніе), чувствъ неизвѣданныхъ играющій потокъ. Еще, всегда еще, другого, новаго, болѣе сильнаго, болѣе нѣжнаго, новой нѣги, новыхъ терзаній, новой игры. Пока не изчезну, пока не сгорю. Я пожаръ. Я хаосъ.

Я пришелъ повѣдать Вамъ
Тайну жизни,
Тайну смерти,
Тайну неба и земли.

Неясны желанья во мнѣ и смутны мечты. Я не знаю еще, что создать [1], но тѣмъ, что я желаю создать, я уже создаю. Желаніе создать есть созданіе.

Призраки страшные
Истины каменной,
Васъ побѣдить
Жаждетъ мой духъ

Все, что способствуетъ жизни—удовольствіе, и что мѣшаетъ ей—страданіе.

Жизнь—дѣятельность, стремленье, борьба.

Какова бы дѣятельность моя ни была въ данный моментъ (сочиняю-ли я, люблю-ли я, и т. д.), если препятствія, встрѣчаемыя мной на пути достиженія поставленной мной цѣли, не болѣе того, что я способенъ побѣждать, я испытываю удовольствіе, и наоборотъ, если обстоятельства давятъ и парализуютъ мою энергію, я страдаю. Съ этой точки зрѣнія удовольствіе и страданіе сопровождаютъ каждый моментъ нашей жизни, если мы и не даемъ себѣ въ томъ отчета.

Вы, скалы моего гнѣва, вы, нѣжныя линіи моихъ ласкъ, вы, мягкіе полуцвѣта моихъ грезъ, вы, звѣзды, молніи моего взора, ты,

[1] [Было: *какъ создать тебя*].

солнце моего блаженства,—вы пространственные выразители моихъ временныхъ ощущеній.

Такъ говорю я, погруженный во время, отрѣшившійся отъ пространства.

О жизнь, о творческій порывъ,
Всесоздающее хотѣнье:

Ты все. Ты блаженство скорби (страданья), какъ и блаженство радости, и я одинаково люблю васъ. Ты океанъ страстей, то бушующій, то спокойный. Я люблю твои стоны, люблю твою радость (не люблю только отчаянія).

Я свободенъ. Я *ничто*. Я жить хочу!

Я хочу новаго, неизвѣданнаго. Я хочу творить. Я хочу свободно творить. Хочу сознательно творить. Я хочу быть на вершинѣ. Я хочу плѣнять своимъ творчествомъ, своей дивной красотой. Я хочу быть самымъ яркимъ свѣтомъ, самымъ большимъ (однимъ) солнцемъ, я хочу озарять (вселенную) своимъ свѣтомъ, я хочу поглотить все, включить (все) въ свою индивидуальность. Я хочу подарить (міру) наслажденье, я хочу взять (міръ, какъ женщину.) *Мнѣ нуженъ міръ.* Я весь—переживаемыя мною чувства, и этими чувствами я создаю міръ. Я создаю тебя, безконечное прошлое, ростъ моего сознанія, исканіе меня, и безконечное будущее, успокоеніе во мнѣ, печаль и радость обо мнѣ. И какъ играетъ мое чувство, измѣнчивое какъ мечта, какъ капризъ, такъ играетъ все прошлое и будущее—Васъ нѣтъ, есть только игра моей фантазіи свободной и единой, которая Васъ создаетъ и наблюдаетъ. Для каждаго изгиба моей фантазіи нужно иное прошлое, какъ иное будущее. Вы играете и мѣняетесь, какъ играетъ и мѣняется мое желанье, моя мечта свободная и единая. Я ничто, я только то, что я хочу, я Богъ. Вселенная, моя игра, игра лучей моей мечты.

Вотъ лицо мое озарила улыбка и волны нѣжныя затопили міръ своею лаской. Разсѣялись туманы на поверхностяхъ планетъ, и солнца радостно играютъ своими лучами (озаряютъ ихъ).

Я создаю міръ игрою моего настроенія, своей улыбкой, своимъ вздохомъ, лаской, гнѣвомъ, надеждой, сомнѣньемъ.

То чего я желаю, я желаю *здѣсь и теперь*, а для этого момента нужна вся исторія вселенной, человѣчества. И этимъ моимъ капризомъ, мимолетнымъ желаніемъ я создаю эту исторію, какъ создаю все будущее. Все—мое желаніе, моя мечта, и все это я сознаю.

И лишь мой отблескъ въ видѣ солнца сіяетъ.

Все внѣ меня, я утратилъ свободу, утратилъ сознаніе и только *искра* его въ видѣ слѣпого стремленія отъ притягивающаго меня центра въ видѣ центробѣжной (силы) живетъ во мнѣ. Я единообразное множество, притягиваемое центромъ, отблескомъ моей бывшей Божественности, и стремящееся къ свободѣ отъ центра.

И это вѣчное стремленіе къ свободѣ создаетъ (-ло) міры.

Отъ центра, вѣчно отъ центра, (?) стремительно. И вотъ сопротивленіе преодолено—масса частицъ отрывается вмѣстѣ съ *одной* главной. Новый центръ, окруженный массой единообразныхъ стремящихся отъ центра частицъ.

И то же стремленіе, что создало міры, положило начало органической жизни на землѣ.

И тѣ, что стремительнѣе, что жизненнѣе, самостоятельнѣе, тѣ снова отдѣлятся.

Каждый центръ—бывшій порывъ. Онъ заключаетъ ритмическую фигуру.

Новый порывъ—новый центръ, и отъ него порывъ.

Вы нужны мнѣ, темныя глубины прошлаго! Для безконечной моей высоты мнѣ нужно безконечное развитіе, безконечный ростъ прошлаго. Для моего блаженства нужно, чтобы міръ изнемогъ отъ страданья. Безконечность вѣковъ мнѣ нужно было пробуждаться, чтобы такъ пробудиться. Мнѣ въ прошломъ нужно было извѣдать дикость и грубость, чтобы переживать теперь такое утонченіе. Мнѣ нужна въ прошломъ рознь.

Я мигъ, излучающій вѣчность.
Я играющая свобода.
Я играющая жизнь.
Я чувствъ неизвѣданныхъ играющій потокъ.

Я свобода
Я жизнь
Я мечта
Я томленье
Я безконечное жгучее желанье
Я блаженство
Я безумная страсть
Я ничто, я трепетъ
Я игра, я свобода, я жизнь, я мечта
Я томленье, я чувство
Я міръ
Я безумная страсть
Я безумный полетъ
Я желанье
Я свѣтъ
Я творческій порывъ,
То нѣжно ласкающій,
То ослѣпляющій,
То сжигающій,
Убивающій,
Оживляющій
Я чувствъ неизвѣданныхъ бушующій потокъ
Я предѣлъ. Я вершина
Я ничто
Я чувство
Я міръ, я блаженство
Я жажда блаженства
Сознаніе гордое
Силы божественной.
Этимъ сознаніемъ
Я пораждаю
Ростъ его въ прошломъ

Я ничто, я игра, я свобода, я жизнь
Я томленье, Я чувство
Я міръ
Воспоминанье и мечта

Вы, глубины прошлаго, раждающіяся въ лучахъ моего воспоминанья, и вы, высоты будущаго, созданія моей мечты! Васъ нѣтъ, вы

Я Богъ!
Я ничто, я игра, я свобода, я жизнь
Я предѣлъ, я вершина
Я Богъ
Я разцвѣтъ, я блаженство
Я страсть всесжигающая,
все поглощающая
Я пожаръ, охватившій вселенную
и ввергшій ее въ бездны хаоса
(Я покой) я хаосъ
Я слѣпая игра разошедшихся силъ
Я сознанье уснувшее, Разумъ угасшій

Все внѣ меня
Я единообразное множество
Я утратилъ свободу
Утратилъ сознанье
И только отблескъ его
Живетъ во мнѣ
Слѣпымъ стремленіемъ
Отъ центра
Отъ Солнца
Отъ отблеска
Моей бывшей Божественности,
Что давитъ меня теперь,
Къ свободѣ
Къ единству
Къ сознанью
Къ истинѣ
Къ Богу
Къ себѣ
Къ жизни
О жизнь, о творческій порывъ (хотѣнье)
Всесоздающее стремленье
Отъ центра, вѣчно отъ центра

Къ свободѣ
Къ сознанью

Міръ — множество моихъ взлетовъ, моихъ ласкъ. Вы, чувства терзанья, сомнѣнія, религія, искусство, наука, вся исторія вселенной, вы — крылья, на которыхъ я взлетѣлъ на эту высоту. Но вы не болѣе, какъ крылья, вы мое возбужденіе, моя ласка, игра моего каприза. Вашъ девизъ: Вѣчно новаго, иного.

Вы, утопающіе во тьмѣ моего угасшаго сознанія, въ глубинѣ вѣковъ, мои первые порывы.

Отъ центра къ центру. Центробѣжныя и центростремительныя силы, желаніе дѣятельности и желаніе покоя, оригинальность и рутина, геній и толпа! Геній - вѣчное отрицаніе (Бога) себя въ прошломъ. Геній - - жажда новаго. Исторія человѣчества (вселенной) есть исторія геніевъ. Со временемъ все болѣе развивается индивидуальность и ритмическая фигура заканчивается всеобъемлющей индивидуальностью, — Богомъ. Толпа — разбрызги сознанія геніевъ, ихъ отраженіе. Жизнь — актъ любви.

Чувствомъ, которое я испытываю каждую минуту, я управляю вселенной.

Все произведеніе должно заключаться въ *каждомъ понятіи*, въ немъ у

Порывъ нарушаетъ божественную гармонію и этимъ создаетъ матеріалъ, на которомъ будетъ потомъ запечатлена божественная мысль. Будетъ *на мгновеніе* возстановлено равновѣсіе *ступенью ниже* и потомъ новымъ порывомъ снова нарушено, и т. д., пока весь накопленный запасъ силъ не найдетъ себѣ исхода въ дѣятельности *всей манвантары*. Но относительно къ слѣдующей эта манвантара можетъ быть разсматриваема также какъ порывъ, нарушившій божественное равновѣсіе и т. д.

Актъ дифференціаціи есть актъ самоозаренія.

Все — есть единая дѣятельность духа, проявляющаяся въ ритмѣ.

Какъ прекрасны въ своей жизненности Ваши стремленія, и какъ Вы неправы, (что) когда хотите уничтожить то противоположное, что рождаетъ ихъ. Любите Вашихъ враговъ, создавшихъ Ваши чувства. Возставайте на нихъ и боритесь, любя и закаляя другъ друга своимъ сопротивленьемъ. Летите свободно на крыльяхъ могучихъ вашихъ исканій, и тамъ на вершинѣ подъема вашихъ чувствъ вы познаете себя единствомъ, познаете блаженство и изчезните во мнѣ.

Ваши лучшіе друзья — ваши враги, пораждающіе въ Васъ любимыя стремленья.

О Вы, народники, и вы, аристократы! Какъ возвышены и благородны Ваши стремленія, поскольку они чисты, и какъ Вы неправы, когда хотите уничтожить тѣхъ, которые пораждаютъ ихъ. Любите Вашихъ враговъ, которые создали Ваши прекрасныя чувства. Возставайте на нихъ и боритесь, любя и закаляя другъ друга своимъ сопротивленіемъ, летите свободно на крыльяхъ вашихъ исканій и тамъ, на вершинѣ подъема Вашихъ чувствъ, Вы познаете себя единымъ съ Вашими врагами и познаете себя ничемъ (изчезнете во мнѣ). Если бы Вы знали, какъ велико будетъ Ваше блаженство и какъ Божественно Ваше успокоеніе.

Итакъ всѣ вы, носители всякихъ чувствъ, должны любить, закалять въ борьбѣ вашихъ враговъ и сами закаляться. Если бы человѣкъ зналъ, какъ прекрасна смерть.

Придите ко мнѣ, всѣ жаждущіе.

Я буду бороться со всѣми и противъ всѣхъ.

Зачѣмъ цвѣты увядаютъ, едва распустившись?
Зачѣмъ вездѣ предѣлъ, зачѣмъ всегда и всему бываетъ конецъ?
Зачѣмъ такъ быстро пустѣетъ чаша любви и наслажденія?
А смерть.

Въ прошломъ все — исканіе меня (тоска обо мнѣ) и *я самъ* въ юности — исканіе того, чѣмъ я потомъ самъ сталъ (что потомъ *я самъ создалъ*).

Моя юность — это высшая точка напряженія томленія міровой

скорби (міра). Мое настоящее — это высшая точка блаженства и свободы, побѣда надъ скорбью.

Будущее — успокоеніе въ дѣятельности. Прошлое, кромѣ того,— предчувствіе меня.

Свершилось! То, чего міръ вѣка такъ томительно желалъ, я нашелъ и нашелъ въ себѣ. Какое блаженство наполняетъ меня. Вы, жалкіе и смѣшные призраки моихъ страданій. Вы, такъ унизительно согнувшіеся, страшные, гнетущіе образы моей юности. Ты, побѣжденная скорьбь. Кто можетъ убить во мнѣ эту безконечную радость! Не ты ли, разгнѣванный и молніи метающій пророкъ? Не Вы ли, стихіи — не ты ли, обрушившаяся на меня скала? Не вы ли, плоды нѣжной любви и справедливости, обѣщанія вѣчныхъ мученій?

Возстаньте на меня, Богъ, пророки и стихіи. Какъ ты создалъ меня силою своего слова, Саваоѳъ, если ты не лжешь, такъ я уничтожаю тебя несокрушимою силою моего желанія и моей мысли Тебя нѣтъ, и я свободенъ.

Улыбка моей блаженной радости, безмѣрной и свободной, своимъ сіяніемъ затмила боязливый и осторожный блескъ твоихъ солнцъ.

Ты страхъ хотѣлъ породить во мнѣ, обрѣзать крылья ты мнѣ хотѣлъ. Ты любовь убить хотѣлъ во мнѣ — къ жизни, т. е. и къ людямъ. Но я не дамъ тебѣ сдѣлать это ни въ себѣ, ни въ другихъ. Если я одну крупицу моего блаженства сообщу міру, то онъ возликуетъ на вѣки.

Богъ, которому нужно поклоненіе, — не Богъ.

Внимай!

Моя радость такъ велика, что міріады вселенныхъ погрузились бы въ нее, не поколебавъ даже ее поверхности.

Міръ мой, упейся моей свободой и моимъ блаженствомъ.

Возьми и не бойся меня. Я не грозное Божество, а только любящее. Не поклоняйся мнѣ, а только возьми. Я вырываю изъ твоего наболѣвшаго сердца страхъ вѣчныхъ мученій. Я снимаю съ тебя гнетъ сомнѣнія и обязательства и приношу тебѣ полный разцвѣтъ. Ты свободенъ, и если можешь, то свободенъ какъ я. Если дерзаешь, будь мнѣ равнымъ. Ты возможность всего, что Ты хочешь, а твоя дѣятельность — осуществленіе. Въ твоемъ сердцѣ не будетъ болѣе

ни зла, ни зависти. Взамѣнъ минутной сладости грѣха и ужаса вѣчнаго мученья я дарю тебѣ вѣчную сладость дѣятельности, неисякаемый источникъ радости, жизни.

Въ полетъ Божественный, безцѣльный,
Въ мою свободную игру,
Тебя вовлечь, прекрасный міръ.

Страданіе есть (неудовлетворенность желанья или) препятствіе *разцвѣту* индивидуальности.

Жизнь индивидуума вообще есть страданіе, отъ котораго сильный освобождается въ дѣятельности, въ борьбѣ съ этимъ препятствіемъ, а слабый погибаетъ.

Жизнь вообще есть освобожденіе въ борьбѣ, въ дѣятельности. Мы хотимъ страданья. Мы хотимъ власти. Самая большая власть—власть обаянія, власть безъ насилія. Потому уничтоженіе нашего врага не можетъ намъ дать удовлетворенія. Овладѣть, значитъ включить въ свою индивидуальность.

Для того, чтобы владѣть, я долженъ быть признанъ, *понятъ*. Если моя индивидуальность никому не понятна, то съ извѣстной точки зрѣнія я достигъ наибольшаго ея разцвѣта. Для полнаго разцвѣта я долженъ искать быть *наименѣе понятнымъ* въ то же время *искать быть понятнымъ*. Я создаю *не-я* черное и *я* бѣлое и хочу *не-я сдѣлать бѣлымъ*. Въ этомъ *моя свободная игра*.

Желаніе есть страданіе.

Я только настолько могу мѣшать (противиться) разцвѣту другой индивидуальности, насколько она грозитъ моему совершенному уничтоженію. Я истреблю змѣй, которыхъ укусъ для меня смертеленъ, или я постараюсь ихъ обезвредить. Но еще выше выработать способность сопротивляться этому укусу, и тогда желать его.

Нужна индивидуальность и нуженъ полный ея разцвѣтъ.

Мы можемъ утверждать только наши ощущенія (состоянія сознанія), которыя суть дѣятельность нашего сознанія, его творчество;

само же сознаніе въ каждый данный моментъ есть только переживаемое имъ ощущеніе. Сознаніе безъ создаваемаго имъ ощущенія пусто. Сознаніе того, что оно безъ ощущенія пусто, есть тоже явленіе, какъ и всякое состояніе сознанія, сознаніе прерывается сознаваемымъ. Итакъ, *все*, весь чувственный міръ есть творческій актъ. Онъ есть мой творческій актъ, *единый*, *свободный*, мое хотѣніе.

Теперь съ точки зрѣнія свободнаго творчества нужно объяснить міръ, какъ онъ есть, объяснить его, какъ мое хотѣніе.

Изслѣдуемъ природу творчества. Міръ множественъ. Почему? Вотъ отвѣтъ: (Если-бы что нибудь было только одно, то оно было бы ничемъ). Творчество есть различеніе. Создавать что нибудь значитъ *ограничить* одно другимъ. Создавать можно только *множество*. Пространство и время суть формы творчества, ощущенія—его содержаніе.

Мы можемъ утверждать только дѣятельность (нашего сознанія), которая производитъ (творитъ) міръ.

Мы можемъ утверждать только творчество *единое*, *абсолютное и потому свободное*.

Состоянія сознанія **сосуществуютъ**. Переживать состояніе сознанія, значитъ отличать его отъ другого состоянія сознанія, по отношенію къ которому оно только и существуетъ.

Создавать значитъ различать: всѣ состоянія сознанія связаны этимъ единымъ актомъ *различенія*, этимъ объясняется ихъ послѣдовательность во времени и ихъ сосуществованіе въ пространствѣ.

Познать міръ значитъ познать природу свободнаго творчества.

1) Пространство и время не отдѣлимо отъ ощущеній. Оно вмѣстѣ съ ощущеніями есть тотъ же единый творческій актъ. Пространства и времени нѣтъ внѣ ощущенія. Нѣтъ пространства и времени готовыхъ, предшествующихъ ощущеніямъ, которыя въ нихъ размѣщаются. Пространство и время создаются вмѣстѣ съ ощущеніями, это все тотъ же единый творческій актъ, то же различеніе.—Для того, чтобы различать что нибудь, нужно быть *внѣ* этого. Съ точки зрѣнія формъ пространства и времени, быть внѣ его значитъ находиться въ центрѣ.

Безсмысленно [1]) спрашивать, *какъ начался міръ*. Формы времени таковы, что я для каждаго *даннаго* момента выведу (создаю) без-

[1] [Этотъ и слѣдующій за нимъ абзацы находятся на сосѣдней страницѣ, но по смыслу очевидно относятся сюда].

конечное прошлое и безконечное будущее. Міръ, который въ пространствѣ и времени, *никогда не начинался* и никогда *не пройдетъ*. Въ пространствѣ и времени *нельзя дойти до причины всѣхъ причинъ*. Безконечность и вѣчность содержатъ въ себѣ *все* возможное въ формахъ пространства и времени.

Идеальность времени и пространства можно еще объяснить слѣдующимъ образомъ. Настоящій моментъ вообще не существуетъ — онъ есть лишь граница прошлаго, которое *уже* не существуетъ, и будущаго, которое *еще* не существуетъ. Можетъ ли существовать граница двухъ несуществующихъ міровъ?

2) Въ пространствѣ и времени все конечно, ибо все ограничено.

3) Конецъ одного есть начало другого. Рядъ состояній сознанія непрерывный. Среди множества состояній (ощущеній) есть комплексъ явленій, который я называю собой (я), все другое—не я. Это тоже можно вывести изъ природы свободнаго творчества. Создать что нибудь значитъ ограничить одно другимъ. Творить, значитъ отдѣляться, значитъ желать новаго, другого. Для этого необходимо то, отъ чего можно произойти (отдѣлиться),—множество, не-я,—и то, что отдѣляется,—индивидуальность, я. Это единственное условіе возможности дѣятельности, переживанія ощущеній, это свободная игра.

Я страдаю, я блаженствую, я бѣгу, я хочу чего бы то ни было, все это—индивидуально, все это возможно только при условіи *я* и *не-я*, ибо для того, чтобы пережить что нибудь, т.-е. *отдѣлиться*, нужно сознавать *не-я* и *я* и отношеніе *я* къ *не-я*.

Что такое моя индивидуальность? Это мое свойство поступить при извѣстныхъ обстоятельствахъ такъ, а не иначе, моя склонность къ тому-то, однимъ словомъ, это весь комплексъ явленій, который я называю *я* и который возможенъ только черезъ не-я, какъ и *не-я* возможно только черезъ *я*. Моя индивидуальность складывается изъ *сходства* и *различія* съ другими индивидуальностями. При этомъ чѣмъ менѣе сходства, тѣмъ она ярче. Но все-таки она есть извѣстное *отношеніе* къ другимъ индивидуальностямъ, она все-таки есть только *отступленіе*, въ крайнемъ случаѣ *противоположеніе*, и возможна только черезъ не-я.

Итакъ, я хочу творить и этимъ хотѣніемъ создать множество, множество во множествѣ и единое во множествѣ (не-я и я).

Итакъ, необходимо не-я, чтобы *Я* въ *я* могло творить. *Я* и *не-я*—форма дѣятельности. Но это не значитъ, что эта форма пред-

шествуетъ самой дѣятельности; она, какъ и все, есть единое свободное творчество.

Для того, чтобы пространство и время были для меня *возможны, я долженъ включить* себя въ *настоящій моментъ* и *центръ вселенной. Я* долженъ существовать въ настоящій моментъ, чтобы строить прошлое и будущее. Другими словами, для меня прошлое и будущее возможны только *отъ настоящаго момента моего существованія*. Равно какъ *здѣсь и не-здѣсь*, т. е. пространство, возможны только при условіи *моего* нахожденія гдѣ-нибудь въ пространствѣ. Мнѣ нужно включить себя въ единое изъ множества, чтобы пространство и время были для меня возможны. Мнѣ нужна индивидуальность.

Другая редакція.

Для того, чтобы различать, я долженъ находиться въ данномъ мѣстѣ и въ данное время. Мое прошлое и будущее должны быть для меня *другими*, чѣмъ настоящій моментъ. Также мое *не-я* должно быть другимъ, нежели *я*; я ограничиваю *Я* черезъ *я* и создаю *не-я*.

Не-я—не я въ такой же степени (или нѣсколько большей), какъ *не-я*—каждое чувство, которое я въ настоящую минуту не испытываю.

Я ничто.

Я только то, что я создаю (творю).

Я хочу создавать.

Создать, значитъ *ограничить* одно другимъ.

Творчество—различеніе.

Создать можно только множество.

Если бы что нибудь было только одно, оно было бы *ничѣмъ*.

Познать можно только ощущеніе, познать значитъ пережить, значитъ отождествиться съ познаваемымъ.

Народы искали освобожденія въ любви, искусствѣ, религіи и философіи; на тѣхъ высотахъ подъема, которыя именуются экстазомъ, въ блаженствѣ, уничтожающемъ пространство и время, соприкасались они со мной. Но они не могли

Покой рождаетъ хотѣніе дѣятельности, дѣятельность рождаетъ желаніе покоя.

Я испытываетъ страданіе, чувствуя принужденіе, ограниченіе, и хочетъ свободы (въ концѣ концовъ).

Прежде самосохраненіе черезъ размноженіе и самоувеличеніе.

(*Я* ничего не *знаетъ*, ни себя, ни другого).

Я знаетъ только страданіе и хочетъ освобожденія.

Понятіе единства и множества существуютъ только рядомъ и единое понимается только какъ *отличіе* отъ множества. Но и единое безъ множества есть понятіе безразличія—*ничто*.

Каждое явленіе есть ограниченіе его другимъ и существуетъ только какъ ограниченіе.

Каждое ощущеніе отдѣльно есть *ограниченіе*.

Отъ *ничто* нельзя переходить къ *одному*, а по крайней мѣрѣ къ двойственности.

Стремленіе и противостремленіе.

Ты существуешь *только* потому, что я существую; я тебя создаю.

Есть только то, что я хочу. Я могу ограничивать себя и *переживать* отдѣльныя ощущенія, и могу стремиться къ единству, т.-е. безразличію, желая пережить все сразу. Я познаю тебя единымъ со мной, когда я перестану дѣйствовать. Если я перестану быть, я уничтожу себя и тебя.

Дѣятельность есть различеніе. Дѣйствовать значитъ различать.

Я дѣйствую—я въ пространствѣ и времени.

Если бы что нибудь (простое или сложное) было только одно или было всегда одно и то же, то оно было бы ничемъ, такъ же, какъ извѣстный *комплексъ явленій* въ извѣстномъ отношеніи существуетъ только потому, что существуетъ другой комплексъ явленій въ другомъ отношеніи.

Я хочу дѣятельности, я хочу насытиться этой дѣятельностью. Дѣятельность—творчество—созданіе новаго—различеніе—индивидуализація. Я отдѣляюсь отъ чего нибудь, какъ ему противустремленіе — какъ различеніе, какъ новая индивидуальность, — насыщаюсь этой дѣятельностью, испытываю блаженство и снова впадаю въ безразличіе.

Не-я—представляетъ въ данный моментъ изъ себя *а*. Если бы *я* остановился на этомъ, то *а* сдѣлалось бы для меня *безразличіемъ*.

Я хочу дѣйствовать. *Я различаю* въ *а* х и у и для меня теперь *а* = у+х. Причемъ у и х существуютъ такъ же, какъ и я. Или—я отрицаю *а* и создаю *в*, какъ противостремленіе *а*.

Я жить хочу. Я хочу творить. Я дѣйствовать хочу и побѣждать

Я познать хочу сопротивленіе. Я хочу создать сопротивленіе. Я—сопротивленіе (страданіе). Я ничто. Я только то, что я создаю. Сопротивленіе стало множествомъ. Множество было сопротивленіемъ. Я—множество.

Я—я и не я.

Я единое изъ множества, и множество безъ единаго внѣ меня.

Единое орудіе дѣятельности—орудіе побѣды надъ множествомъ.

Я изчезъ во множествѣ. Я уничтожилъ себя въ немъ. Я позналъ множество. Я отождествился съ нимъ. Я ничто. Я только то, что я познаю.

Множество было однообразнымъ. Единое наполняло своимъ сознаніемъ множество и множество было въ сознаніи единаго (единое излучало множественное). Единое и множество были сопротивленіемъ, были дѣятельностью. Единое, давъ толчекъ, сообщило множеству движенье и само стало центромъ.

Единое можетъ воздѣйствовать только на множество.

Я центръ вселенной и вселенная около центра.

Единое—центръ вселенной и множество—вселенная.

Открылись бездны времени. Разсыпались звѣзды въ безконечномъ пространствѣ. Разлился огонь моихъ стремленій.

Не учить я пришелъ, а ласкать (а терзать).

Не истину я приношу, а свободу.

Вы услышали мой таинственный призывъ, скрытыя силы жизни, и зашевелились; міръ охватила легкая какъ призракъ мечты волна моего существованія. Къ жизни, къ разцвѣту!

Я возбуждаю васъ къ жизни своею лаской, таинственной прелестью моихъ обѣщаній.

Я къ жизни призываю васъ, скрытыя стремленія, изчезающія въ хаосѣ ощущеній. Поднимайтесь изъ таинственныхъ глубинъ творческаго луча.

Какъ я желаю всему и всѣмъ около меня полнаго разцвѣта, такъ и вы желайте. Ибо все есть Ваше творчество, ибо все есть мое творчество, и вы—я—Вы Боги. Будутъ побѣждены ненависть и смерть и будетъ общая радость безмѣрная. Сверкающій потокъ жизни.

О міръ, моя жизнь, лучи моей мечты!

Мой міръ, моя жизнь, моя мечта, мой разцвѣтъ! Я создаю каждое твое мгновенье, чтобы отрицать его въ слѣдующее. Я создаю тебя, все отрицая и тѣмъ все утверждая, и существуешь ты только въ моемъ созиданіи, въ моей мечтѣ. Я создаю тебя, (мое) прошлое, чтобы отрицать въ настоящемъ и жить будущимъ. О, воспоминаніе, тѣни умершихъ грезъ, но всегда могущихъ быть воскрешенными въ воображеніи! Все—воспоминаніе или мечта. Прошлое—ты лишь воспоминаніе и только въ воспоминаніи. Міръ, жившій въ представленіи моихъ предковъ, я тебя отрицаю. Я отрицаю тебя, все прошлое вселенной, науку, религію и искусство, и тѣмъ даю вамъ жить. Я хочу научить тебя отрицать меня въ будущемъ, я самъ отрицаю себя въ будущемъ, самъ возстаю на себя! Я являюсь для Васъ всеразрушающимъ ужасомъ, стихійнымъ зломъ, и Вы не угадаете моей любви въ моемъ отрицаніи, всесозидающемъ, всеоживляющемъ.

Народы, разцвѣтайте, творите, отрицайте меня и возставайте на меня. Возстаньте на меня, стихіи! Воскрешаю васъ, ужасы прошлаго, всѣ чудовища и всѣ страшные, отвратительные образы, и дарю Вамъ полный разцвѣтъ. Старайтесь поглотить меня, разверстые пасти драконовъ, змѣи, обвейте, душите и жальте! Все и всѣ ищите уничтожить меня, и когда все подымется на меня, тогда я начну свою игру. Я любя буду побѣждать васъ. Я буду отдаваться и брать. Но никогда не буду побѣжденъ, какъ никогда самъ не побѣжду. Я всѣхъ и все укрѣпляю въ борьбѣ, всѣмъ и всему подарю полный разцвѣтъ. Тогда я познаю Васъ, познаю себя, тогда я буду создавать васъ, создавать себя, ибо я ничто, я только то, что я создаю. И будетъ наша игра радостной, свободной, Божественной игрой. Вы будете во мнѣ свободны и божественны, я буду Вашимъ Богомъ. Вы будете мной, ибо я Васъ создалъ, а я—вы, ибо я только то, что я создалъ. Вы будете Боги, ибо я богъ, я васъ создалъ; я ничто и я—то, что я создалъ.

Всякому чувству, всякому исканію, всякой жаждѣ я дарю разцвѣтъ.

Поднявъ васъ, легіоны чувствъ, чистыя дѣятельности, мои дѣти, я поднимаю тебя, мое сложное единое чувство, всѣхъ Васъ охватывающее, моя единая дѣятельность, мой единый экстазъ, блаженство, мой послѣдній моментъ.

Я Богъ.

Поднявъ Васъ, я возстану на Васъ и потомъ

Я изласкаю, я истерзаю Тебя, истомившійся міръ, и потомъ возьму Тебя. И въ этомъ Божественномъ актѣ я познаю Тебя единымъ со мною. Я дамъ Тебѣ познать блаженство.

Вы будете возставать [на] меня тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я буду Вамъ непонятенъ. Время наибольшаго разцвѣта есть время наибольшаго гоненія.

Я воспалю твое воображенье таинственной прелестью моихъ обѣщаній. Я наряжу тебя въ великолѣпіе моихъ сновъ, покрою небо твоихъ желаній сверкающими звѣздами моихъ твореній.

Раздѣляйтесь, разцвѣтайте, возстанайте другъ на друга, возноситесь на высоты, чтобы въ сладостномъ блаженствѣ вамъ понять себя единствомъ, *уничтожиться* во мнѣ.

Я весь мечта о тебѣ, весь желаніе, безконечное, жгучее.

—

Міръ порожденъ сопротивленіемъ, котораго *я захотѣлъ*. Жизнь есть преодолѣніе сопротивленія.

Первое усиліе, первый порывъ къ освобожденію есть первая ритмическая фигура времени, первая жизнь, первое сознаніе, пронизавшее хаосъ и создавшее 2-ю степень (стадію), первую грань.

Судьба вселенной рѣшена! Я жить хочу! Я люблю жизнь! Я весь свобода и любовь къ жизни. Настала (наступила) возможность всего (наступилъ первый моментъ), и съ нимъ наступила вѣчность и безконечность—безконечное прошлое, за нимъ слѣдующее, и безконечное будущее, ему предшествующее. Единственное данное есть настоящій моментъ, котораго нѣтъ. Отдаленнѣйшее прошлое, ты существуешь только въ будущемъ. Меня (сознанія, человѣка) еще нѣтъ. Я весь изчезъ въ этомъ хаосѣ, и хаосъ этотъ пронизывало мое

единое, изчезнувшее въ немъ, ставшее множественнымъ сознаніе. Я уничтожилъ себя въ немъ или отождествился съ нимъ. Я—ничто, я только то, что я создаю. Я Богъ. Я ничто—я хочу быть всѣмъ. Я породилъ противоположное мнѣ—ритмъ времени и множественность (принужденіе, сопротивленіе). Это противоположное мнѣ я самъ, ибо я только то, что я порождаю. Я хочу быть Богомъ. Я хочу побѣдить себя. Я хочу вернуться къ себѣ. Творить землю и планетныя системы звѣздъ (космосъ). Первое познаніе—первый шагъ на пути моего возвращенія. (Я впервые позналъ—создалъ—разрушилъ). Оно породило во мнѣ ужасающій мракъ, обазы страшные чудовищъ могучихъ. Міръ ищетъ Бога—я ищу себя, міръ—порывъ къ Богу, я порывъ къ себѣ. Я—міръ—я исканіе Бога, ибо я только то, что я ищу. Начинается мое исканіе, мое возвращеніе, начинается исторія человѣческаго сознанія или познанія или творчества его и моего. Наступилъ моментъ, а съ нимъ и

Вы, теряющіяся въ мракѣ вѣковъ, ищущія меня сознанія! Я найду Васъ, я нашелъ васъ, я создамъ васъ, я создалъ васъ, я объяснилъ васъ. Я объясню сознанія, бывшія до васъ. Своимъ творящимъ взоромъ я проникъ вѣчность и безконечность. Я вѣчно буду создавать васъ, какъ вѣчно васъ создавалъ.

Я пришелъ спасти міръ отъ тирановъ-царей, какъ и отъ тирана-народа. Я принесъ безграничную свободу и справедливость, принесъ полный разцвѣтъ, божественную радость творчества. Міръ всегда жаждалъ свободы, но всегда боялся ее, ибо онъ въ то-же время жаждалъ истины, какъ опоры. Наивный! Вѣдь истина исключаетъ свободу, а свобода истину. Не пугайся этой бездонной пустоты! Ты скажешь: Если нѣтъ истины, то зачѣмъ жить, куда идти, какъ жить? Какъ, неужели вся скорбь, всѣ радости, все великое и возвышенное, неужели это все только обманъ, только фантазія? Не бойся, я утѣшу тебя. Все это существуетъ, все есть, что ты хочешь, и только потому, что ты хочешь, потому что ты создалъ все это силою твоего желанья. Развѣ все это изчезнетъ, если ты сознаешь свою силу и свою свободу? Ты хочешь летать,—лети, какъ хочешь и куда хочешь, вокругъ Тебя пустота!

Какъ человѣкъ, я умру, но то, что не подлежитъ во мнѣ смерти, то, что создаетъ время и пространство и все, что въ нихъ

Ростъ человѣческаго сознанія есть ростъ сознанія геніевъ; сознаніе же остальныхъ людей есть разбрызги, искры того же сознанія. Есть только одно сознаніе — есть мое сознаніе. Геній вполнѣ вмѣщаетъ всѣ переливы чувствъ отдѣльныхъ людей и потому онъ какъ бы вмѣщаетъ сознанія всѣхъ современныхъ ему людей.

Человѣческая жизнь есть одна ритмическая фигура времени, одинъ толчекъ сознанія.

Природа — разбрызги того же сознанія, тотъ же творческій матеріалъ.

Ты бъ удивился, когда бы сказалъ я тебѣ,
Что тебя еще нѣтъ,
Равно какъ и то, что тебя ужъ нѣтъ.
Ты обнялъ все собой —
Понятія, Пространство, Время.

Единымъ взглядомъ, единой мыслью, я обнимаю тебя, мой міръ.

Какъ проповѣдь Христа,
Какъ подвигъ Прометея.

Что-то начало мерцать и биться, и это *что-то одно*. Оно дрожитъ и мерцаетъ, но оно одно. Я не различаю множества. Это *одно* только противоположно ничего, оно — все. Я все. Оно возможность всего, оно еще не хаосъ. (Подъ порогомъ сознанія). Вся исторія и все будущее вселенной въ немъ. Всѣ элементы смѣшаны, но все, что можетъ быть, — тамъ. Вспыхиваютъ краски, возникаютъ чувства и смутныя мечты. Я хочу. Я создаю. (Я начинаю различать). Я различаю. Слово *начинаю не означаетъ какого нибудь момента* времени, ибо времени еще нѣтъ. Я различаю смутно. Все неопредѣленно. Я ничего еще не знаю, но все предчувствую и вспоминаю. Мгновенья прошлаго и будущаго рядомъ. Смѣшаны предчувствія и воспоминанія, ужасы и радости.

Это одно сложное — *чувство — ощущеніе — воля*.

Я хочу. Хочу неопредѣленно и не различаю ничего кромѣ этого желанія. И только потому его различаю, что раньше я не желалъ.

Раньше! Но различалъ-ли я время, когда я не хотѣлъ? И вѣдь когда я началъ желать, то мнѣ стало казаться, что я вѣчно желалъ, и что желанію моему въ прошломъ конца нѣтъ.

Я жить хочу. Въ этомъ желаніи все. Прошедшее и будущее. Этими словами, этимъ хотѣніемъ рѣшена судьба вселенной.

Вы видите передъ собой *человѣка* и можете не увѣровать въ меня, сказавъ, что и вы можете въ вашемъ сознаніи пережить что я говорю, но вы переживете то, что *я говорю*, какъ *готовую формулу*, а *дѣятельности* моей, той, которая собственно породила *то, что я говорю*, вы пережить *не* можете, а потому

Ты скажешь мнѣ: и я Богъ, потому что и я переживу то же; нѣтъ, потому что *это твое сознанье я создалъ* силой своего свободнаго творчества (то, что въ твоемъ сознаніи, не въ себѣ ты почерпнулъ его). Тѣмъ, что ты скажешь, что ты Богъ, *ты меня исповѣдуешь*. Но ты не будешь Богъ, ты будешь только *какъ Богъ*, будешь моимъ отраженьемъ. *Я породилъ тебя.*

Я могу утверждать:

1) міръ, какъ мое сознаніе, какъ мой творческій актъ.

2) мое хотѣніе жить.

3) мое хотѣніе полнаго разцвѣта индивидуальнаго.

Поставить вопросы:

1) какова природа (моего) *творчества* (свободнаго).

2) какъ возможна жизнь.

3) какъ возможенъ полный индивидуальный разцвѣтъ и возможенъ ли онъ вообще.

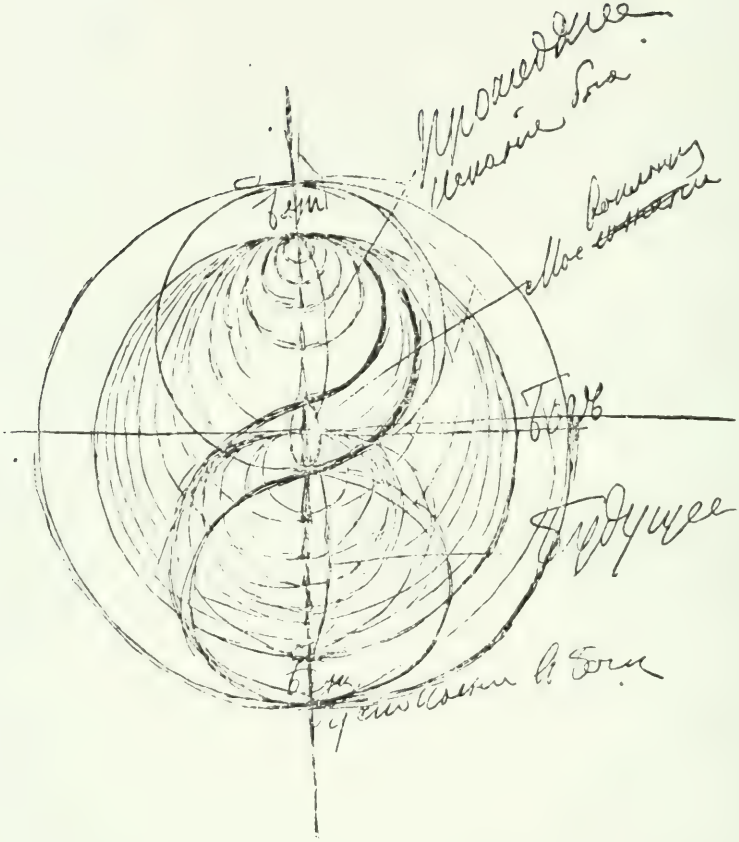
Во мнѣ человѣческая природа все *побѣдила* и обрѣла полную, Божественную Свободу. И вамъ остается только беречь ее.

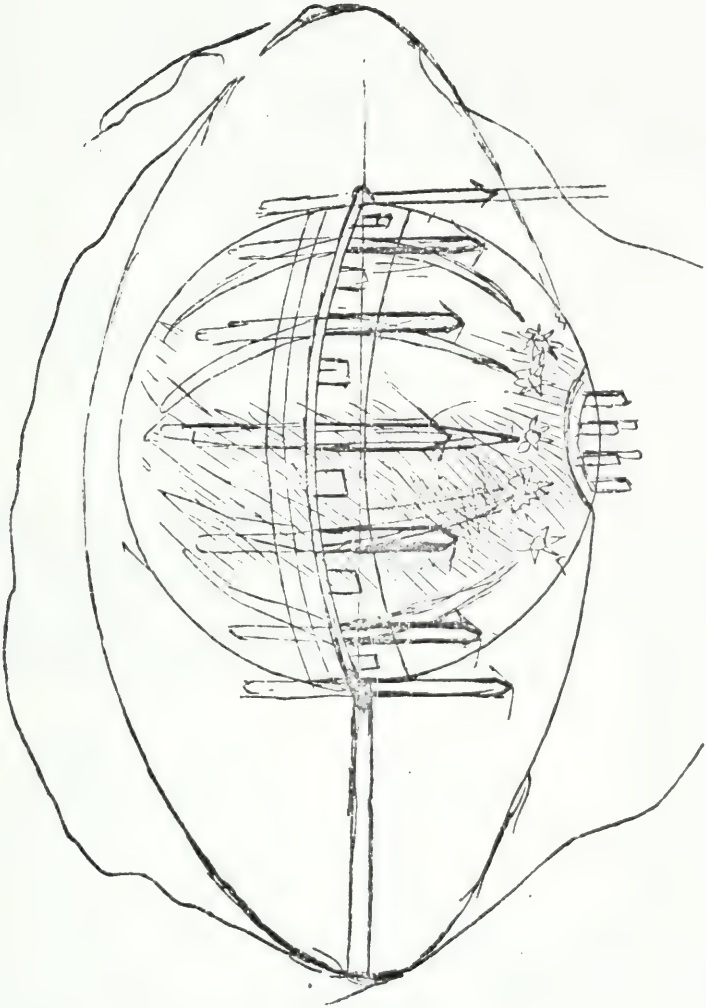
Міръ тѣсенъ для меня, краски тусклы. Какіе ароматы.

Условія возможности переживанія чего бы то ни было:

1) *Обособленность* ото всего другого,

2) *Связь* со всѣмъ другимъ.





т.-е.

1) индивидуальное (множество)

2) божественное (единство).

Состоянія сознанія *сосуществуютъ*. Имѣть одно я могу только рядомъ съ другимъ, и не только рядомъ съ окружающими его, но со *всѣми* возможными, которыя заключены въ каждой психикѣ, какъ возможность, какъ безсознательный процессъ, свершающійся *внѣ горизонта сознанія*. Въ этомъ смыслѣ въ каждомъ человѣкѣ заключена вселенная, какъ процессъ внѣ горизонта сознанія. Прошлое всегда есть то, изъ чего логически выводится настоящее.

Если бы я могъ сознавать все, то этимъ самымъ нарушилъ бы свою индивидуальность, которая и существуетъ только какъ обособленіе, какъ отношеніе ко всему остальному.

Люби и борись.

Люби жизнь всѣмъ своимъ существомъ, и ты всегда будешь счастливъ. Не бойся быть тѣмъ, чѣмъ ты хочешь быть, не бойся своихъ желаній. Не бойся жизни, не бойся страданій, ибо нѣтъ выше побѣды надъ отчаяніемъ. Ты долженъ быть всегда лучезаренъ.

Если ты некрасивъ, и тебя гнететъ это,—борись, и ты побѣдишь эту *болѣзнь*.

Если ты старъ, и тебя твоя старость *гнетаетъ*—она преждевременна, она таже болѣзнь, которую ты силою желанья и борьбы можешь побѣдить. Старость во-время — только пріятный отдыхъ.

Разцвѣтай пышно. Развивай всѣ свои таланты. Изучи мои законы времени и пространства и твоей [?], и точно слѣдуй имъ.

Смотри на всякій гнетъ только какъ на препятствіе, какъ на *признакъ* того, что ты еще *въ силахъ побѣдить* то, что тебя *гнетаетъ*. Люби людей, *какъ жизнь, какъ твою жизнь*, какъ твое созданье,—люби ихъ свободно. *Они черезъ меня твое творчество*. Будь божественно гордъ, а потому никогда *не завидуй*, такъ какъ зависть есть признаніе себя побѣжденнымъ. Старайся превзойти всѣхъ, и смотри на

Если тебя мучитъ и угнетаетъ отсутствіе *таланта*, это признакъ зерна *таланта;* расти его и не отчаивайся.

Зависть и отчаяніе — *смерть*. Старайся быть подобнымъ мнѣ и смотри на жизнь вообще (на всѣ ея явленія) какъ на твою личную жизнь. Радуйся творчеству другихъ людей, такъ какъ это (черезъ меня) твое-же творчество. *Воспринять значитъ создать*. Старайся быть всегда простымъ и искреннимъ, т. е. не бойся желать и дѣлать *всегда, что хочешь*. Иначе не *бойся свободы. Подчиняйся законамъ* времени и пространства, ибо это *твои же законы*, если только ты пережилъ меня.

О вы, мои слѣпыя порывы и исканья сильныя и нѣжныя, и ихъ страшная борьба.

Нѣжные, исполненные страха и дерзновенья, полные неумолимой злобы и жестокости, нѣжные прародители будущей силы—ума и хитрости. Всѣ вы преисполнены жажды разцвѣта и самосохраненія. Но вы были слѣпы и не знали, что борьба, а не уничтоженіе — вашъ разцвѣтъ.

И тѣ, что были сильны и легко побѣждали, слабѣли, а слабые, закаляясь въ вѣчной борьбѣ, становились сильными. И была ихъ сила хитростью.

Вы не поняли, что вы другъ друга создаете и только вмѣстѣ существуете.

Чудовище, поглотившее все—произнесло свой смертный приговоръ. Оно уничтожило себя, уничтоживъ все другое.

Ты, познаніе, первый лучъ свѣта моего божественнаго сознанія, освѣтившій дотолѣ слѣпое блужданье (порывы) и тѣмъ создавшій его.

Создать что нибудь значитъ создать все.

Я что-то чувствую, чего то хочу. И событія въ стройномъ порядкѣ окружаютъ этотъ мой порывъ со всѣхъ сторонъ. Чувство мое играетъ, мѣняется и вселенная вибрируетъ вмѣстѣ съ нимъ, всегда оправдывая, объясняя и утверждая его. Я создаю каждый мигъ, чтобы отрицать его въ слѣдующій. Я всегда протестъ, всегда желаніе новаго,

другого. Я вѣчное отрицаніе прошлаго, я вѣчная любовь, вѣчный разцвѣтъ. А многіе не угадаютъ любви въ моемъ отрицаніи. Когда мое пробужденное сознаніе стало отрицать слѣпые порывы прошлаго, назвавъ ихъ дикими ужасами

Теорія познанія:

1) Познать значитъ *отождествиться* съ познаваемымъ, значитъ пережить.

2) Познать можно только переживанія (свои).

3) Познать—пережить понятія тождественныя.

Анализъ дѣйствительности:

1) Дѣйствительность есть сфера нашихъ ощущеній, сфера нашихъ переживаній, нашего сознанія. Въ немъ она есть наша непосредственная жизнь, наша дѣятельность, наше творчество. Это единственное положеніе, которое можно утверждать непогрѣшимо.

Другими словами:

Дѣйствительность намъ дана непосредственно только въ сферѣ нашихъ ощущеній, психическихъ состояній, и никакой другой дѣйствительности мы утверждать не можемъ. Выраженіе „мы познаемъ все" *черезъ призму* нашего сознанія" - не вѣрно, ибо ничего кромѣ моего сознанія нѣтъ и не можетъ быть.

2) Нельзя выйти изъ сферы сознанія. Нельзя ничего утверждать, ни предполагать внѣ сферы сознанія. Возраженіе, что есть другіе люди, которые также имѣютъ сознанія, являющіяся для насъ замкнутыми, непроницаемыми сферами—невѣрно. Для меня другой человѣкъ есть комплексъ моихъ же ощущеній и только въ этихъ моихъ переживаніяхъ для меня и существуетъ. Мнѣ скажутъ, что я не могу же отрицать напр. переживанія другими людьми иныхъ явленій.

Что будетъ, что будетъ! Я всю дорогу въ экстазѣ! Наконецъ я нашелъ себя. Какіе взлёты, какая сила выраженія! Какое сочетаніе стальной логики и тонкаго чувства. Если подъемъ не уменьшится, то я очень скоро кончу текстъ. Мнѣ иногда кажется, что я могу въ одинъ пріемъ

Весь міръ затопитъ волна моего бытія. Я буду рождаться въ Вашемъ сознаніи желаньемъ безумнымъ блаженства безмѣрнаго.

Опьяненные моимъ благоуханьемъ, возбужденные моею лаской, то лижущей, то порхающей, истомленные (изнѣженные) сладостной нѣжностью прикосновеній, изожженные молніями моей страсти, вы почувствуете вашихъ мечтаній пышный разцвѣтъ. Я буду отвѣтомъ всеутѣшающимъ (= оживляющимъ) и отрицаньемъ всесоздающимъ. Я буду желаньемъ блаженства (разцвѣта) всеобщаго. Я буду борьбой. И каждый почувствуетъ силы божественной, силы свободной приливъ безконечный. И каждый возстанетъ на все. И стала борьба та любовью (дивной лаской). Въ Духѣ (людяхъ) изчезнетъ боязнь. И будутъ укусы пантеръ и гіенъ лишь (возбужденьемъ) новою лаской, новымъ терзаньемъ, а жало змѣи лишь *сжимающимъ лобзаньемъ*. И вселенная огласится радостнымъ крикомъ: *Я есмь*, и сгоритъ этотъ храмъ сладострастья. И въ этихъ объятьяхъ, въ этихъ лобзаніяхъ, въ этомъ огнѣ ты такъ дивно сгоришь—Я сгорю. И снова съ этихъ божественныхъ высотъ я (возвращусь) упаду въ бездну хаоса. Новая волна творчества, другая жизнь, другіе міры.

Весь міръ, всю вселенную человѣкъ можетъ построить, наблюдая и изучая самого себя. Эта вселенная явится логическимъ построеніемъ вокругъ переживаемаго имъ чувства.

Приступъ къ анализу дѣйствительности. Разсматривая тѣ изъ ея элементовъ, которые намъ даны непосредственно, я утверждаю *прежде всего* мое хотѣніе жить и то чувство и тѣ мысли, которыя переживаю въ настоящій моментъ. Это *первѣе* всего мнѣ дано. Затѣмъ я утверждаю міръ (вселенную) какъ рядъ состояній моего сознанія (моей дѣятельности (творчества)). Я здѣсь не буду приводить доказательствъ того, что міръ есть результатъ моей творческой фантазіи, во-первыхъ потому, что фактъ невозможности выйти изъ сферы своего сознанія очевиденъ самъ по себѣ, а во 2-хъ потому, что этимъ вопросомъ занимались многіе другіе, ученые и философы, и въ достаточной мѣрѣ выяснили его. Производить анализъ дѣйствительности значитъ изучить природу моего дѣятельнаго сознанія, моего свободнаго творчества. *Я долженъ буду прибѣгать къ такъ называемому психологическому опыту для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ*, такъ какъ процессъ изученія свободнаго творчества есть процессъ самонаблюденія. Я бы могъ сдѣлать анализъ того, что происходитъ во мнѣ и вокругъ меня въ данный моментъ, и сдѣлать изъ этого наблюденія

необходимые выводы, но т. к. этимъ вопросомъ я занимаюсь уже въ другомъ сочиненіи, то не буду останавливаться на доказательствахъ и воспользуюсь прямо выводами. Выводы эти слѣд.: 1) Состояній сознанія множество (непрерывная цѣпь). 2) Состоянія сознанія сосуществуютъ (существуютъ только одно рядомъ съ другимъ, рядомъ со всѣми остальными). 3) Взятое же самостоятельно, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ — каждое состоянія сознанія есть *ничто*, безсознательное состояніе. 4) Между состояніями сознанія есть сходныя, тождественныя.

Орудія индивидуальнаго единства: *память*, вниманіе.

Постараюсь изобразить въ общихъ чертахъ процессъ свободнаго творчества. Принципъ его: хотѣніе новаго. Меня нѣтъ, я *ничто*, я хочу жить, я все. Я бытье вообще. Какъ противуположность небытью, бытье есть дѣятельность; оно есть различеніе, множество. Бытье возможно только во времени и пространствѣ. Это есть безконечное множество сосуществующихъ явленій. Каждое изъ явленій есть выраженіе извѣстныхъ стремленій духа, одно изъ безчисленныхъ разщепленій творческаго луча.

Вопросъ можетъ быть поставленъ такъ: какимъ образомъ совершается переходъ отъ *небытья* къ бытью, куда помѣщаетъ себя духъ, куда пробуждается, т.-е. что онъ начинаетъ переживать. Можетъ быть сдѣлано предположеніе, что начинаетъ онъ съ хаоса и затѣмъ постепенно осуществляетъ тотъ міръ, который мы теперь созерцаемъ. Это совершеннѣйшій абсурдъ. Хаосъ, какъ и всякое явленіе, есть одно изъ состояній сознанія, а слѣдовательно можетъ существовать только на ряду со всѣми остальными. Время и пространство суть формы созерцанія и размѣщеніе въ нихъ явленій есть анализъ (синтезъ) творческій.

Должны быть поставлены слѣдующіе вопросы: какова природа стремленія, какова природа хотѣнія новаго, другого, и какимъ образомъ это хотѣніе иного создаетъ впечатлѣніе времени и пространства. Желаніе, пока оно не перешло въ дѣйствіе, — *томительно* и производитъ впечатлѣніе *большой длительности;* дѣятельность наоборотъ заставляетъ забывать о времени, а подъемъ творческій приводитъ насъ въ область экстаза—внѣ времени и пространства. А между тѣмъ *время* во все время совершающагося процесса осуществленія

моего желанія проходитъ равномѣрно и вообще какъ будто существуетъ совершенно не въ моемъ воспріятіи, а внѣ его, внѣ меня, самостоятельно. Я смотрю на часы и дѣлаю выводъ, что первыя десять минутъ моего томленія показались мнѣ двумя часами, а 3 часа работы пролетѣли какъ мигъ, потомъ въ экстазѣ, къ которому привело меня творчество, я совсѣмъ забылся и *время*, какъ и пространство, совершенно исчезли *на нѣкоторое время*. Что все это значитъ? Мнѣ скажутъ, что тутъ произошло тоже, что происходитъ, когда человѣкъ смотритъ на какой-нибудь предметъ и, занятый своими мыслями, его не замѣчаетъ. Явленіе очень простое. Въ аналогіи я согласенъ, но скажу, что и 2-й случай не представляется мнѣ такимъ уже простымъ.

Изъ этого наблюденія можно сдѣлать много важныхъ выводовъ.

Какимъ образомъ хотѣніе жизни, будучи чистымъ стремленіемъ, вообще, объективируется во множествѣ явленій, размѣщенныхъ во времени и пространствѣ? Это хотѣніе жизни вообще объективируется въ *бытіи въ цѣломъ*. Абсолютное небытіе становится абсолютнымъ бытіемъ. Духъ, когда *хочетъ*, изъ абсолютнаго небытія *становится* абсолютнымъ бытіемъ. Онъ пробуждается *не гдѣ-нибудь* и *когда-нибудь*, но *всегда, вѣчно* и *во всемъ* (вездѣсущъ), какъ совокупность всѣхъ явленій. Его пробужденіе и есть эволюція (образованіе) времени и пространства. Пробудившійся духъ становится дѣятельностью. Бытіе въ цѣломъ не есть что-нибудь отличное отъ хотѣнія жизни вообще, оно и есть самое это хотѣніе, объективированное. Хотѣніе есть внутренняя сторона бытія.

Природа жизни (дѣятельности) есть хотѣніе иного, *одного, а не другого*. Послѣдовательность хотѣнія, (переживанія) создаетъ время. Дѣятельность есть подъемъ жизни. Подъемъ (дѣятельность) въ высочайшей степени есть экстазъ. Абсолютное бытіе есть экстазъ. *(Что возбуждаетъ дѣятельность?)*

Духъ долженъ исчерпать свою творческую способность (сопротивленіе), т.-е. опьяниться своимъ творчествомъ, прежде, чѣмъ вернуться къ состоянію покоя.

Духъ хочетъ абсолютнаго бытія, экстаза. Какъ возможенъ экстазъ?

Экстазъ есть *высшій подъемъ дѣятельности, экстазъ есть вершина.*

Какъ возможенъ высшій подъемъ дѣятельности?

Условія дѣятельности:

Существующій порядокъ вещей, *протестъ* и стремленіе къ новому порядку. Но это—лишь одна ритмическая фигура. Въ формѣ мышленія экстазъ есть *высшій синтезъ. Въ формѣ чувства экстазъ есть высшее блаженство. Въ формѣ пространства экстазъ есть высшій разцвѣтъ и уничтоженіе.* Вообще экстазъ есть вершина, есть послѣдній моментъ, который какъ явленіе существуетъ только на ряду съ другими явленіями и разумѣетъ всю исторію человѣчества.

Время и пространство есть объектированье этого стремленія. Глубокая вѣчность и безконечное пространство есть построеніе вокругъ божественнаго экстаза, есть его излученіе.

Я не могу пережить что нибудь сознательно, если я въ тоже время не переживаю всего остального безсознательно. Этой безсознательной стороной своего творчества я участвую во всемъ. Вселенная есть безсознательный процессъ моего творчества. „Человѣкъ" есть мое индивидуальное сознанье, объективированное; міръ есть сумма всѣхъ другихъ индивидуальностей, пребывающихъ во мнѣ безсознательно.

Абсолютное бытье, какъ противное абсолютному небытью, есть бытье въ цѣломъ и, какъ таковое, оно осуществляется (существуетъ) въ тотъ моментъ, который явится излучающимъ міръ, въ тотъ моментъ, который освѣтитъ все прошлое, т.-е. *создастъ* все прошлое, въ моментъ завершенія божественнаго творчества, въ моментъ экстаза. Выражаясь приблизительно, время и пространство и все что въ нихъ, т.-е. бытье въ цѣломъ, какъ божественное твореніе завершится въ этотъ моментъ (полнаго разцвѣта) божественнаго синтеза. Твореніе вселенной, мое твореніе, будетъ завершено. Исторія сознанія есть творческій процессъ, послѣдній экстазъ есть его завершеніе, послѣ котораго по тому же закону различенія я вернусь къ абсолютному небытью. Абсолютное бытье не есть одинъ моментъ, оно есть все бытье, оно есть всеобъемлющее, божественное сознаніе, которое, однако, во времени и пространствѣ будетъ послѣднимъ моментомъ, послѣдней гранью, будетъ моментомъ излучающимъ вѣчность. Исторія вселенной есть пробужденіе сознанія, постепенное проясненіе, постепенный ростъ. Всѣ моменты времени и пространства пріобрѣтаютъ свое истинное опредѣленіе, истинное значеніе, въ моментъ завершенія. Какъ о художественномъ произведеніи можно судить когда оно окончено, такъ и о формахъ времени и пространства... Моментъ

экстаза перестанетъ быть моментомъ (времени); онъ поглотитъ все время. Этотъ моментъ и есть абсолютное бытье.

Абсолютное бытье есть осуществленіе идеи Бога

„ „ „ моментъ-вѣчность.

Понятіе „два“ тѣсно связано съ понятіями—„сходство“, „повтореніе“. Понятіе „другой“—съ понятіями „различеніе“, „новое“.

Я различаю. Я создаю множество и единство. Я обозначаю каждое изъ различеній словомъ „одинъ“, совокупность же всего называю множествомъ. Во множествѣ различныхъ состояній сознанія я создаю нѣкоторыя сходными, тождественными.

Фактъ появленія тождественнаго состоянія сознанія я называю „повтореніемъ“ и оба—„повторенное“ и первоначальное—въ отличіе отъ множества другихъ я „группирую“ въ 2 одинаковыхъ состоянія сознанія. Я создаю понятіе „два“. Значитъ „два“ есть только символъ для обозначенія одного состоянія сознанія, существующаго рядомъ съ другимъ такимъ же и вмѣстѣ съ нимъ взятымъ. (Впослѣдствіе это понятіе пріобрѣтаетъ болѣе широкое значеніе и соединяетъ явленія въ группу „2“ не тождественныя, но по какому-нибудь или по нѣсколькимъ признакамъ, по которымъ производится классификація). Уже я положилъ начало чистой математикѣ. Существуетъ понятіе единицы, понятіе ея повторенія и понятіе двухъ. На вопросъ, почему одинъ да одинъ всегда два, уже готовъ отвѣтъ съ *т. э. св. т.*, я такому сочетанію одного съ однимъ далъ названіе „два“. Всегда, когда я буду сочетать одинъ съ однимъ, складывать единицу съ единицей, я результатъ буду называть двумя, а полученное число суммою.

Итакъ математическій „законъ“ для меня есть просто условіе, по которому Я

Въ каждый данный моментъ я гдѣ нибудь нахожусь и что нибудь переживаю. Дѣйствительность представляется мнѣ множествомъ въ безконечности пространства и времени; при чемъ мое переживаніе есть центръ этого шара безконечно большого радіуса. Съ одной стороны міръ данъ мнѣ, какъ мое единое сознаніе, изъ сферы котораго я не могу выйти. Съ другой для меня очевидно, что мое инди-

видуальное сознаніе не изчерпываетъ бытія и рядомъ съ этимъ моимъ замкнутымъ въ самого себя индивидуальнымъ сознаніемъ есть и другія *индивидуальныя сознанія*, тоже замкнутыя, не доступныя моему проникновенію. Съ одной стороны, честно разсуждая, я долженъ отрицать все, что внѣ сферы моего сознанія, ибо я могу утверждать только мои ощущенія, дѣйствительность дана мнѣ только въ психическихъ переживаніяхъ; все, о чемъ бы я не заговорилъ и не подумалъ, все что не увидалъ бы—все это дѣятельность моего сознанія; съ ея прекращеніемъ міръ для меня рушится. Съ другой—во мнѣ живетъ убѣжденіе (которое можетъ показаться неосновательнымъ), что мое индивидуальное сознаніе есть только капля въ океанѣ такихъ же замкнутыхъ, другъ отъ друга отдѣльныхъ сферъ. Чтобы разрѣшить это противорѣчіе, нужно лучше анализировать себя и отвѣтить на вопросъ: *что есть* индивидуальное сознаніе, какъ *оно возможно* и въ какой мѣрѣ оно обособлено отъ другихъ *индивидуальныхъ сознаній*. Нѣтъ ли какой нибудь связи этого сознанія со всѣмъ, что оно само считаетъ внѣ себя, нѣтъ ли какого нибудь серьезнаго основанія для утвержденія *внѣшняго міра*, и чѣмъ является для *индивидуальнаго сознанія* этотъ внѣшній міръ.

Я нахожусь въ *настоящій моментъ* въ *извѣстномъ мѣстѣ* и переживаю явленіе. Или лучше сказать, я сознаю себя (нахожусь) въ *извѣстный (нѣкоторый) моментъ*, въ *извѣстномъ мѣстѣ* и переживаю *извѣстное чувство* (явленіе). Все это я сознаю, все это существуетъ въ моемъ сознаніи. Поэтому первымъ логическимъ выводомъ изъ такого положенія является утвержденіе, что вселенная, которую я произвожу, какъ бы построена вокругъ переживаемаго мною чувства, т. е. я вообразилъ себя въ извѣстный моментъ въ извѣстномъ мѣстѣ переживающимъ извѣстное чувство. Я вообразилъ себя человѣкомъ и вообразилъ себѣ подобныхъ, которые однако же ничего не переживаютъ и не чувствуютъ, но всѣ ихъ дѣйствія и рѣчи есть тоже плодъ моего воображенія, которое одно живо. Все, что меня окружаетъ, и я самъ есть не болѣе, какъ сонъ, *нѣтъ ни какой дѣйствительной множественности, есть только кажущаяся множественность*. Такое построеніе представляется сначала чрезвычайно выгоднымъ для меня лично. Вселенная является тогда игрушкой моего божественнаго каприза. *Существую только я*, множественность кажущаяся вызвана моимъ творческимъ воображеніемъ. Я играю. Какой ужасъ придти къ такому заключенію! Я одинъ!

Я играю. Но во всемъ этомъ былъ бы ужасный обманъ. Игра безъ партнеровъ. Сраженіе съ манекеномъ съ увѣренностью въ побѣдѣ.

Но въ этомъ кроется грубая ошибка.

Разъ нѣтъ *дѣйствительной множественности*, нѣтъ индивидуальнаго сознанія, которое есть отношеніе къ другимъ индивидуальнымъ сознаніямъ и только и существуетъ какъ отношеніе къ нимъ. Другими словами, безъ дѣйствительной множественности нѣтъ жизни. Условія жизни суть: единство и множество (дѣйствительное). И такъ выходитъ, что я не только не могу отрицать внѣшняго міра, но я не могъ бы существовать безъ этого внѣшняго міра. Мое индивидуальное сознаніе, которое есть отношеніе къ другимъ индивидуальнымъ сознаніямъ, перестало бы существовать.

Но какимъ образомъ единое можетъ стать множественнымъ? Реальнымъ *множествомъ*. Вернемся снова къ анализу нашего индивидуальнаго сознанія. Нѣтъ ли и въ его природѣ множества? и въ чемъ состоитъ его единство? Что такое вообще единство и множество? Что такое „я“ въ каждый данный моментъ? Напримѣръ я въ настоящее время весь поглощенъ мыслью *о единствѣ и множествѣ*. Я совершенно *забылъ* обо всемъ остальномъ; настолько забылъ, что мнѣ нужно сдѣлать усиліе воли, чтобы вспомнить, что я не только мысль о единствѣ и множествѣ, но еще и тѣло, еще и какія-то другія мысли и желанія, которыя какъ будто совершенно исчезли на нѣкоторое время, чтобы уступить мѣсто интересующему меня вопросу. Итакъ въ настоящій моментъ я весь — разбираемый мною вопросъ и только этотъ вопросъ. Мнѣ пожалуй нѣкоторые могутъ возразить: „и все таки Ваша рука или *ваша* голова, больше *вы*, чѣмъ этотъ вопросъ, ибо рука и нога всегда при Васъ останется, вопросомъ же Вы можете перестать интересоваться“. Въ этомъ возраженіи есть большая [??]. Если я *собой* называю только то, что есть во мнѣ постояннаго, то и отъ тѣла моего ничего не останется, ибо и оно измѣняется каждую минуту. №[1].

Если оно въ теченіи жизни даннаго лица сохраняетъ нѣкоторое сходство съ самимъ собой, то это только потому, что оно не подвергается никакимъ серьезнымъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, благодаря которымъ оно только и имѣетъ ту, а не иную форму. Если индивидуальнымъ сознаніемъ называть не извѣстный комплексъ явленій,

[1] [См. ниже, стр. 172].

составляющихъ меня каждое мгновенье, а ихъ носителя, который есть совершенное ничто, ибо наше сознаніе и есть по стольку сознаніе, по скольку оно что нибудь сознаетъ, т.-е. сознаніе есть только его содержаніе. Можно сказать, что вселенная представляется намъ рядомъ состояній сознанія + постоянное сознаніе о томъ, что все это я переживаю. Это „я переживаю" является единствомъ индивидуальнаго сознанія. Самъ по себѣ я только сознаетъ, что оно переживаетъ, и въ смыслѣ времени и пространства есть *абсолютное ничто*. Оно совершенно совпадаетъ съ тѣмъ же сознаніемъ у другого лица, въ которомъ неизмѣнная и постоянная часть его есть также „я переживаю"—есть *ничто* въ смыслѣ пространства и времени. Отсюда уже явствуетъ до нѣкоторой степени природа множественности; природа *множества индивидуальныхъ сознаній*. Они отличаются только своимъ содержаніемъ, какъ носители же этого содержанія они совершенно тождественны, они внѣ пространства и времени. Ясно, что дѣло идетъ не о множественности сознаній, а объ одномъ и *томъ же* сознаніи, т.-е. вообще о сознаніи, переживающемъ множество состояній вертикально (во времени) и горизонтально (въ пространствѣ). Насъ нисколько-бы не удивило такое положеніе вещей, при которомъ одно и то же сознаніе переживало *сначала* одно, *потомъ* другое. Гораздо болѣе для насъ таинственно, что одно и то же сознаніе переживаетъ *здѣсь* Ивана, а *подальше* Петра. Съ одной стороны время какъ будто глубже и труднѣе доступно пониманію, а съ другой пространство, какъ очевидная форма множественности, болѣе сбиваетъ съ толку. Итакъ выраженіе „индивидуальное сознаніе" условно. Существуетъ одно сознаніе, индивидуальное же сознаніе есть его кличка по тому содержанію, которое оно въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ переживаетъ. Какъ творящее начало, оно есть ничто и возможность всего, „индивидуально же" оно только въ формахъ пространства и времени, которыя суть единственно возможныя формы переживанія чего-бы то ни было и которыя сами создаются этими переживаніями. „Индивидуальностью", т.-е. переживаніемъ чего бы то ни было, я создаю не воображаемую, а дѣйствительную множественность центровъ, которая суть игра одного и того же творящаго начала, одинаково переживающаго всѣ индивидуальности.

Въ *настоящій моментъ* и въ данной точкѣ пространства я—индивидуальное сознаніе, я моя дѣятельность, опредѣляемая моимъ

отношеніемъ къ внѣшнему для меня міру. Вообще же я богъ, я сознаніе, одинаково переживающее всѣ индивидуальности. Я—Вы, я все. Постараюсь объяснить лучше. Матерьялъ, изъ котораго построенъ міръ, есть творческая мысль, творческое воображеніе. Это, прибѣгая къ аналогіи въ природѣ, — океанъ, который состоитъ изъ множества капель, изъ которыхъ каждая есть совершенно такое же творческое воображеніе, какъ и самый океанъ. Океанъ фантазіи творитъ — это значитъ, онъ окрашиваетъ свои капли въ различные цвѣта, притомъ ему достаточно лишь одну изъ нихъ окрасить въ какой бы то ни было цвѣтъ, остальныя необходимо получатъ другія соотвѣтственныя окраски, ибо цвѣта никакого нѣтъ, какъ только относительно другихъ цвѣтовъ. Это даетъ нѣкоторое понятіе по аналогіи объ индивидуальномъ творчествѣ и о его воздѣйствіи на вселенную. То, что я говорю, можетъ сказать лишь человѣкъ, живущій при настоящихъ условіяхъ, т.-е. въ 20 столѣтіи, на землѣ и т. д. Для того, чтобы моя мысль была возможна, мнѣ нужна вся исторія вселенной, являющаяся ростомъ сознанія до моего сознанія. Я строю прошлое, изъ котораго логически вывожу настоящій моментъ, и говорю о будущемъ. Предсказаніе будущаго есть только логическое построеніе. Мнѣ скажутъ: а почему все таки Вы *принуждены* быть заключеннымъ въ Вашу индивидуальность, почему Вы не можете мѣнять по произволу обстановки, въ которой находитесь, не можете, напримѣръ, сдѣлаться мной; откуда это „принудительное“ въ Вашемъ положеніи? Я отвѣчу: я не могу мѣнять своего положенія только въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ, т.-е. въ данной обстановкѣ, которая именно и создаетъ меня. Вами же мнѣ не нужно „дѣлаться“, ибо я переживаю Васъ въ Вашей индивидуальности. Если-бы я захотѣлъ стать Вами, и мнѣ удалось-бы сдѣлать это, то я сейчасъ же бы забылъ совершенно о своемъ превращеніи, и Ваше прошлое, вообще всѣ Ваши отношенія къ внѣшнему міру, которыя только и создаютъ Вашу индивидуальность, стали бы моими. Свойство индивидуальности есть ея замкнутость. Принудительность же Вашего положенія, которую Вы сами создаете, не даетъ права заключать къ принудительности моего; я сознаю свободу, свою полную индивидуальную свободу, и положеніе, въ которомъ нахожусь, есть единственное для меня пріятное и необходимое. Итакъ, міръ данъ мнѣ какъ дѣйствительное въ идеальномъ смыслѣ единство *(бытье въ цѣломъ)* — и какъ дѣйствительное множество *(индиви-*

дуальное бытье). Единство дано намъ непосредственно въ сознаніи; къ множеству мы заключаемъ по изученію природы нашей индивидуальности, которая только и мыслима какъ отношеніе къ внѣшнему для нея міру. Вселенная вообще есть внутренній творческій процессъ (по отношенію къ творящему началу). Бытье въ цѣломъ хочетъ быть, ибо нѣтъ и не можетъ быть иной причины для его бытья. Бытье любитъ быть. Бытье—воля къ жизни. Творческое начало - воля къ жизни. Проанализируемъ въ себѣ эту волю, которая есть та же единая воля. Что значитъ хотѣть жить, какъ возможна жизнь? Честно я могу утверждать, что всегда чего нибудь хочу: т.-е. конечно того, чего у меня нѣтъ. Это есть важнѣйшій и непремѣнный признакъ жизни. Человѣкъ, который ничего не хочетъ, рѣшительно ничего, долженъ въ самомъ скоромъ времени умереть, такъ какъ (какъ говорятъ [?]) атрофируется организмъ, представляющій изъ себя механизмъ, предназначенный для дѣйствія. Итакъ важнѣйшимъ признакомъ жизни является хотѣніе новыхъ переживаній. Это также единственный общій признакъ всѣхъ жизней. Біологи говорятъ: организмъ стремится сохранять свою жизнь, а также увеличиваться и размножаться. Я прибавлю. Организмъ, который не эволюціонируетъ, т.-е. не ищетъ сознательно или безсознательно новыхъ переживаній, атрофируется и потомъ вымираетъ, подъ извѣстнымъ названіемъ вырожденный, неспособный для борьбы за существованіе. Итакъ жизнь есть вѣчно другое, вѣчно новое. Значитъ процессъ жизни (творческой) имѣетъ три фазы: 1) *переживаніе чего нибудь*, какъ точка отправленія; 2) недовольство переживаемымъ, жажда новыхъ переживаній и стремленіе къ достиженію цѣли; это и составляетъ сущность творчества. 3) Достиженіе идеала и новое переживаніе. Конечно такое дѣленіе грубо. Я взялъ двѣ главныя грани. Существуетъ масса побочныхъ которыя я пока опускаю. Чѣмъ интенсивнѣе жизнь, тѣмъ ярче переживанія. Послѣ достиженія поставленной цѣли, человѣкъ, если онъ имѣетъ еще желаніе жить, ставитъ себѣ другую и ритмически повторяетъ тоже самое, т.-е. тѣ же три состоянія. Итакъ второй признакъ жизни есть ея ритмъ. Въ этой формулѣ жизни количество и качество ея [1] зависитъ всецѣло отъ той эпохи и обстановки, въ которой живетъ человѣкъ. Каждая эпоха имѣетъ своихъ геніевъ, точкой отправленія

[1] [Пробѣлъ въ подлинникѣ, для одного слова].

въ дѣятельности которыхъ былъ всегда существующій порядокъ вещей, созданный ихъ предшественниками. Итакъ вотъ выводы изъ сказаннаго: жизнь есть желаніе иного, новаго, или воля къ жизни есть хотѣніе новыхъ переживаній, отсюда условія возможности жизни: 1) существующій порядокъ вещей, 2) недовольство имъ и стремленіе къ достиженію иного порядка, 3) достиженіе цѣли. 2-я изъ этихъ частей есть дѣятельность, творчество. Итакъ для жизни, для дѣятельности необходимо *прошлое, которое не удовлетворяетъ.*

Если это прошлое было *трансцендентально небытьемъ*, то возникаетъ стремленіе къ бытью и возникаетъ *жизнь вообще.*

Бытье въ цѣломъ, т.-е. вся исторія вселенной, которая можетъ быть разсматриваема какъ стремленіе къ *абсолютному бытью*, т.-е. къ экстазу, граничащему съ небытьемъ и представляющему такъ сказать *потерю сознанія*, т.-е. возвращеніе къ небытью,—выраженная въ формѣ мышленія, исторія вселенной есть ростъ человѣческаго сознанія до всеобъемлющаго божественнаго сознанія—она есть эволюція Бога.

Вотъ какъ можно изобразить эту большую ритмическую фигуру:

эволюція Бога (бытье въ цѣломъ) 1
небытье 1 } абсолютъ.

Бытье, какъ противуположность небытью или покою, есть дѣятельность, т.-е. различеніе. Оно есть множественность по самой своей природѣ. Вѣчное недовольство, вѣчное стремленіе, вѣчное отрицаніе прошлаго. *Минутныя пребыванія на извѣстныхъ высотахъ* служатъ гранями, создающими ритмъ жизни. Всегда иное, всегда новое, всегда впередъ. И это послѣдующее есть всегда логическій выводъ изъ предъидущаго. Какъ только духъ вступаетъ въ сферу бытья, онъ переживаетъ множество явленій простыхъ и сложныхъ во времени и пространствѣ. Когда я ничего не хочу, я ничто, какъ я только чего нибудь захочу, я дѣлаюсь стремленіемъ къ тому, чего желаю; это стремленіе, въ зависимости отъ своей цѣли, создаетъ необходимое орудіе для достиженія ея (клѣточку, жука, человѣка). Кромѣ того это индивидуальное стремленіе создаетъ *не-я другія*, ибо само оно есть только отношеніе ко всѣмъ другимъ. Оно есть звено непрерывной цѣпи состояній сознанія. Вселенная построится вокругъ этого переживанія, какъ логическій выводъ изъ

него. Еще разъ повторю, что для сдѣланнаго мной вывода мнѣ необходима вся исторія человѣческаго духа, или иначе, изъ моего положенія, которое есть высота всеобъемлющаго сознанія, можно путемъ логическаго построенія вывести всю исторію вселенной во всѣхъ ея деталяхъ. Я хочу пережить высоту всеобъемлющаго сознанія, хочу пережить экстазъ. Это мое желаніе создаетъ исторію вселенной, какъ ростъ человѣческаго сознанія до моего сознанія. Нельзя прослѣдить послѣдовательно всю эволюцію, такъ какъ это потребовало бы столько жизней, сколько ихъ было до сихъ поръ прожито. Главныя же фазы развитія можно, конечно, указать. Въ своемъ стремленіи къ *абсолютному бытью* духъ долженъ пережить полный разцвѣтъ дѣятельности, т.-е. процессъ дифференцированія. Океанъ творчества долженъ раскрасить всѣ свои капли въ разные цвѣта. Онъ самъ долженъ пережить всѣ эти цвѣта. *Послѣдняя цѣль — абсолютное бытье* — есть *общій разцвѣтъ*. Это послѣдній моментъ, въ который свершится божественный синтезъ. Это разцвѣтъ моей всеобъемлющей индивидуальности, это возстановленіе міровой гармоніи, экстазъ, возвращающій меня къ покою. Всѣ другіе моменты бытья суть послѣдовательное развитіе той же идеи, ростъ сознанія до моего.

Я говорилъ о томъ, что всякое стремленіе создаетъ необходимое орудіе для достиженія своей цѣли (человѣка напримѣръ). До сихъ поръ высшимъ синтезомъ въ смыслѣ такого орудія былъ человѣкъ и человѣческое общество, а цѣлью главнымъ образомъ сохраненіе жизни и разцвѣтъ индивидуальности. Высшій же синтезъ есть тотъ божественный синтезъ, который въ послѣдній моментъ бытья включитъ въ себя вселенную и дастъ ей пережить гармоническій разцвѣтъ (экстазъ) и такимъ образомъ вернетъ ее къ состоянію покоя, небытію. Такой синтезъ можетъ быть свершенъ только человѣческимъ сознаніемъ, высшей индивидуальностью, которая явится центральнымъ міровымъ сознаніемъ, освободитъ духъ отъ оковъ прошлаго и увлечетъ въ свой божественный творческій полетъ все живущее. Я говорю о послѣднемъ экстазѣ, который уже близко.

Сознаніе творческой фантазіи.

Мысль есть единственный матерьялъ творчества. Она есть жизнь и включаетъ въ себя всѣ возможныя переживанія. Она есть то, что можетъ переживать разное не только въ разные моменты, но и въ одинъ и тотъ же моментъ въ разныхъ мѣстахъ. Она разливается,

какъ разливается океанъ, оставаясь всегда равной самой себѣ, это конечно лишь аналогія. Ее нельзя дѣлить, ибо она внѣ времени и пространства, которыя суть только формы переживанія *разнаго*. Она не можетъ *пережить какую нибудь индивидуальность не переживъ бытья въ цѣломъ*. Каждая песчинка участвуетъ въ творчествѣ такъ же, какъ и я, и свершаемый мною синтезъ ею порожденъ. Я вершина того мірового зданія, которое создано усиліями всѣхъ вѣковъ.

Когда она небытье, она ничто, когда она бытье, она единство и множество или множество въ единствѣ.

И такъ бытье для меня есть съ одной стороны мое переживаніе, а съ другой внѣшній этому переживанію міръ (въ томъ числѣ мое тѣло). Изъ этихъ двухъ слагаемыхъ, которыя производитъ (и то, и другое) творческій духъ, одно всегда зависитъ всецѣло отъ другого. Или переживаніе есть результатъ воздѣйствующихъ на человѣка обстоятельствъ, тогда онъ рабъ; или чувство его свободно, и тогда вселенная, которая всегда въ зависимости отъ всякаго переживанія, есть результатъ его переживанія. Это зависитъ отъ индивидуальной воли, т.-е. отъ индивидуальнаго сознанія каждаго. Я свободенъ, если хочу быть свободнымъ, если могу воспитать свою волю въ умѣніи, въ способности свободно переживать то или другое. Тогда я этимъ переживаніемъ воздѣйствую на цѣлую вселенную и заставляю ее перестраиваться по своему желанію. Я говорю: „я что то чувствую“ и т. д.

XI.[1] Еще должна быть сдѣлана оговорка, что наше индивидуальное существованіе, наше *я* (человѣкъ) является для насъ только идеей. Вѣдь мы въ каждый данный моментъ не переживаемъ, не ощущаемъ всѣхъ точекъ и всѣхъ моментовъ нашего существа. Когда я утверждаю, что я человѣкъ, я произвожу синтезъ не только моихъ ощущеній въ данную минуту, но и многихъ познаній, и *всего себя* я также не могу пережить въ каждый данный моментъ, какъ не могу пережить всей вселенной. Моя индивидуальность является также какъ и вселенная *множествомъ* замкнутыхъ сферъ ощущеній, умирающихъ, когда наступаетъ слѣдующее. Если мы говоримъ, что имѣемъ *нѣсколько ощущеній сразу*, тогда какъ мы не можемъ быть нѣсколькими индивидуами сразу. Анализируя этотъ вопросъ, мы уви-

[1] [См. выше, стр. 166].

димъ, что постановка его безсмысленна. Во первыхъ, что значитъ, что мы не можемъ быть нѣсколькими индивидуальностями сразу. Значитъ ли это, что мы не можемъ имѣть два тѣла или два духа? Или и два тѣла и два духа. Въ послѣднемъ случаѣ мы не переживаемъ двухъ сразу, а каждаго отдѣльно, ибо актъ синтеза не свершается, иначе былъ-бы одинъ духъ, раздвоенный. Что же касается 2-хъ первыхъ случаевъ, то они вполнѣ возможны. Если же не допустимъ такой формы, что я переживаю *здѣсь* Ивана, а дальше Петра, то онъ настолько же не мыслимъ, насколько немыслимо *сразу* видѣть красный и синій цвѣтъ. Когда мы видимъ два цвѣта рядомъ, то мы ихъ видимъ *не сразу*. Красный цвѣтъ, какъ и вообще всякое ощущеніе, какъ отношеніе къ другимъ ощущеніямъ, предполагаетъ съ одной стороны эти другія ощущенія, а съ другой сосредоточеніе вниманія на немъ и изолированіе, такъ сказать замкнутую сферу ощущенія краснаго, совершенно недоступную ощущенію синяго, хотя существующему только рядомъ съ нимъ. Воспріятіе-же *краснаго и синяго цвѣта вмѣстѣ*, если даже допустить возможность такого непосредственнаго воспріятія безъ высшаго акта синтеза, должно быть разсматриваемо какъ одно сложное ощущеніе, какъ два духа (двѣ личности) и одно тѣло, что вполнѣ возможно, и одинаково по своей сущности.

Не нужно забывать, что человѣкъ *носитъ* свою индивидуальность, какъ и тѣло (одежда). Нѣкоторые философы смѣшиваютъ индивидуальность съ духомъ. Изучая *индивидуальность*, т.-е. напр. способность поступать такъ или иначе при извѣстныхъ обстоятельствахъ, они думаютъ, что изучаютъ способности душъ, которыя различны *по своей сущности*. Они забываютъ, что индивидуальность есть *отношеніе* къ другимъ индивидуальностямъ; она есть краска, явленіе одного и того же духа въ формѣ времени и пространства. Сущность духа, воли, жизни у всѣхъ и у всего безусловно *одна и таже*, ибо *различное* всегда есть *явленіе*, тогда какъ духъ есть безусловно нѣчто внѣ времени и пространства. Эта сущность творческая, это хотѣніе дѣятельности и покоя, вѣчной смѣны, производящей равновѣсіе, гармонію, справедливость. Бытье есть отношеніе къ небытью, его противоположность.

Чувство, переживаемое въ каждый данный моментъ, есть равнодѣйствующая всей системы отношеній въ тотъ же моментъ его индивидуальности къ внѣшнему міру.

Я уже много разъ создавалъ тебя, міръ, (сколько было живыхъ существъ) *безсознательно.* Теперь же я возвысился до сознательнаго творчества. Я создавалъ его, думая, что я изучаю.

Истинный центръ вселенной—сознаніе, ее обнявшее. Лишь въ этомъ сознаніи живетъ все прошлое, себя не сознававшее, и все будущее.

Прошлое и будущее какъ бы исходятъ изъ него, какъ и безконечность пространства, и *только и существуютъ въ немъ* (какъ формы его творчества).

Вселенная тождественна его хотѣнію—она его созданіе.

N. N.[2] Еще: Постояннымъ элементомъ нашего индивидуальнаго существа является не только тѣло, но и **пространство.** Перемѣннымъ и являются другія тѣла въ этомъ вѣчно насъ сопровождающемъ пространствѣ, которое есть непремѣнная часть нашего существованія, составляющая одно съ нимъ.

Вѣрованія каждой эпохи въ человѣческой исторіи соотвѣтствуютъ броженію человѣческаго сознанія въ ту эпоху.

Мы уже теперь говоримъ, что *воображеніе* древнихъ населяло лѣса фантастическими существами, а для нихъ самихъ эти существа были реальными; многіе даже видѣли ихъ. Ихъ творчество (сознаніе) не возвысилось до того порядка и спокойствія, каково оно теперь. Они искали, какъ ищутъ художники, набрасывая эскизы. Еще менѣе совершенно и сознательно творчество звѣрей.

Всѣ жившіе до меня были для себя тѣмъ-же, чѣмъ они и для меня—рядомъ явленій,—причина которыхъ внѣ ихъ (во мнѣ).

Я (какъ явленіе) родился и начинаю повторять *безсознательно* ту же ритмическую фигуру, которую повторили всѣ мои предки. Я создаю міръ, какъ они его создали, не вѣдая о своемъ творчествѣ

[2] [См. выше, стр. 166 и 172

и думая, что я воспринимаю что нибудь *внѣ* меня существующее. *Для каждаго* міръ былъ *такимъ*, какимъ онъ (каждый) его желалъ (безсознательно). Съ теченіемъ вѣковъ сознаніе людей росло и постепенно возвышало личность, освобождая ее. Недавно человѣкъ *сознал*ъ себя творцемъ всего того, что онъ называлъ своими ощущеніями, воспріятіями, явленіями. То, что онъ считалъ внѣ себя, оказалось въ *его сознаніи* и лишь въ немъ. Но дойдя до такого сознанія, онъ все таки не могъ дерзнуть признать себя *причиною всего*.

Во времени и пространствѣ я подлежу законамъ времени и пространства. Законы же времени и пространства—созданія моего *Я*.

Я хочу того, чего у меня нѣтъ, я хочу создавать. Окружающая обстановка для меня, какъ звено родовой цѣпи, является *привычкой*. Мнѣ *кажется*, что происходитъ не *то*, *что я хочу*, только потому, что я имѣю въ виду мое маленькое *я*, которое *должно* подчиняться законамъ времени и пространства созданіямъ моего большого *Я*.

Пробужденіе къ жизни—хаосъ.

Познаніе—творчество.

Каждый человѣкъ создаетъ себѣ міръ самъ (безсознательно). Міръ столько разъ создавался, сколько разъ сознаніе человѣка его творило. Каждая жизнь ритмически повторяетъ его твореніе.

Человѣкъ—ритмическая фигура (единич.).

Я создалъ себя также, какъ и *не себя*. Я создалъ себя, какъ единицу ритма во времени и пространствѣ.

Все—мое творчество.

Я создалъ свое прошлое такъ же какъ и будущее.

Богъ—единое всеобъемлющее сознаніе—свободное творчество.

Если я *сознал*ъ, что все есть мое творчество, все есть мое свободное хотѣніе, и внѣ меня ничего нѣтъ—я существо абсолютное.

Все—феномены, рожденные въ лучахъ моего сознанія.

Родъ—одна изъ формъ жизни.

Рожденіе—смерть—рожденіе—ритмъ ея.

———

VII.

[Писано въ 1905–1906 г. Переплетеная записная книга въ листъ; здѣсь же черновой текстъ „Поэмы Экстаза", близкій къ завершенію].

Глубины прошлаго могутъ быть измѣрены только съ высоты *различающаго сознанія*. Въ этомъ смыслѣ прошлое имѣетъ наиболѣе реальное существованіе только во вполнѣ развитомъ сознаніи.

Время есть результатъ распредѣленія переживаній и какъ таковой оно создается въ теченіе цѣлаго процесса вселенной, какъ и пространство. Итакъ наиболѣе реальное существованіе время и пространство будутъ имѣть (выражаясь условно) въ моментъ абсолютной дифференціаціи. Только тогда они будутъ въ фиксаціонной точкѣ всеобъемлющаго сознанія. Моментъ этотъ есть граница съ безсознательнымъ состояніемъ, въ которомъ совершится отрицаніе отрицанія и абсолютное бытье отождествится съ небытьемъ.

Почему одни низшіе организмы развились въ высшія формы, а другіе не эволюціонировали?—Потому что одни находились въ болѣе благопріятныхъ для того условіяхъ, а другіе въ менѣе. Но чѣмъ создаются сами эти условія? Тѣми же клѣточками и ихъ сочетаніями. Каждый организмъ является результатомъ воздѣйствія на него окружающей природы и реагированія его на природу.

Я хочу познать истину. Это для меня фактъ неопровержимый, не требующій доказательствъ. Еще прежде этого *я хочу жить*, въ чемъ также увѣренъ. Еще я имѣю *фактъ моего сознанія*, въ которомъ пребываетъ міръ, какъ множество его состояній, въ немъ объединенныхъ. Познать значитъ отождествиться съ познаваемымъ. *Я познаю міръ, какъ рядъ состояній моего сознанія, изъ сферы котораго не могу выйти.* Я хочу познать истину. Это центральная фигура моего сознанія. Въ этомъ я увѣренъ, это я переживаю, съ этимъ отождествляюсь. Я въ данную минуту болѣе всего—хотѣніе познать истину, т.-е. хотѣніе стать истиной, отождествиться съ ней. Вокругъ этой центральной фигуры построено все остальное. Изъ безчисленнаго множества состояній сознанія нѣкоторыя непосредственно окружаютъ центральное состояніе, другія расположены далѣе.

Центральное переживаніе какъ бы излучаетъ вселенную въ формахъ времени и пространства, представляя само *центръ* и *настоящій моментъ*. Еще я утверждаю мою **активность**. Чтобы мыслить и чувствовать, чтобы *создавать* міръ, я дѣлаю нѣкоторое *усиліе*, я дѣйствую. Если прекратится моя активность, я усну или умру. Съ прекращеніемъ дѣятельности моего сознанія для меня исчезаетъ все. Итакъ міръ есть *активность* моего сознанія. Этотъ выводъ есть результатъ наблюденія и опыта. Мое сознаніе внѣ своихъ состояній есть возможность (чистая дѣятельность) и въ смыслѣ временномъ и пространственномъ совершенное ничто. Вопросъ изученія вселенной сводится къ вопросу объ изученіи природы дѣятельности сознанія.

Сознаніе (вселенная) есть *единство*. Оно есть *связь* существующихъ въ немъ состояній (процессовъ). Въ своемъ единствѣ оно *свободно*, оно есть свободная дѣятельность, оно есть совокупность всего, бытье въ цѣломъ и, какъ таковое,— бытье въ себѣ и чрезъ себя, богъ. Въ состояніи своей активности оно есть множественность. Дѣятельность сознанія въ формѣ пространства есть *различеніе его состояній*, сосуществующихъ. Сознаніе есть *совокупность* множественности состояній, изъ которыхъ каждое существуетъ только относительно всѣхъ остальныхъ состояній и въ связи съ ними. Сознаніе есть система отношеній. Каждое состояніе сознанія есть *отрицаніе* всѣхъ другихъ; оно есть *только* отношеніе ко всѣмъ другимъ и совершенно немыслимо внѣ системы отношеній. Само по себѣ оно совершенное ничто. Каждое состояніе сознанія есть не только отрицаніе всѣхъ другихъ членовъ той же группы состояній сознанія, но отрицаніе всей совокупности остальныхъ состояній сознанія. Напр., красный цвѣтъ есть не только отрицаніе всѣхъ другихъ цвѣтовъ, но и отрицаніе всякаго вообще другого состоянія сознанія. Я говорю о состояніяхъ сознанія какъ объ элементахъ сознанія, но *условно*. Природа состояній сознанія сложная. Каждое изъ состояній сознанія какъ таковое есть прекращеніе аналитической дѣятельности и есть элементъ постольку, поскольку оно намѣренно или ненамѣренно неразложимо въ то время, когда оно переживается какъ *одно* состояніе сознанія. Стоитъ поднять или возбудить аналитическую дѣятельность, чтобы элементъ обратился въ сложное психическое образованіе. Всякое единство переживанія есть элементъ сознанія, поскольку и покуда оно неразложимо. Элементы сознанія, т.-е.

состоянія его образуются актомъ синтеза и анализа вмѣстѣ. Актомъ анализа мы различаемъ многое, актомъ синтеза устанавливаемъ частныя неразложимыя единства, которыя *условно* имѣютъ характеръ психическихъ элементовъ.

Система отношеній сознанія неподвижна бываетъ только *одинъ моментъ* (условно), послѣ котораго мы *различаемъ* измѣненія въ ней и тѣмъ создаемъ новый моментъ универса. Время есть различеніе (усмотрѣніе) измѣненій въ системѣ отношеній сознанія. Если бы система отношеній вдругъ почему либо перестала измѣняться, то мы бы перестали судить о времени (существовать), если же по удаленіи этихъ причинъ она снова бы начала продолжать измѣняться, то мы восприняли бы *все время остановки* какъ одинъ безконечно малый промежутокъ времени, т.-е. другими словами, мы не *замѣтили бы* этой остановки. Отсюда моментъ въ времени есть тотъ безконечно малый промежутокъ времени, въ который не совершается никакихъ перемѣнъ въ системѣ отношеній.

Система отношеній въ цѣломъ въ каждый отдѣльно взятый моментъ можетъ быть разсматриваема какъ элементъ сознанія. Дѣятельность сознанія въ формѣ времени есть внесеніе измѣненій въ эту систему отношеній. Но и это условно. Актомъ анализа во времени, какъ и въ пространствѣ, можно разложить каждый безконечно малый промежутокъ времени на множество меньшихъ.

Въ какомъ отношеніи находятся элементы сознанія (понимая условно) другъ къ другу? каково ихъ взаимодѣйствіе? Если сознаніе есть *единая* система отношеній, если между всѣми элементами существуетъ связь, которая прежде всего въ томъ и выражается, что каждое изъ состояній сознанія есть **отрицаніе** другихъ, есть отношеніе ко всѣмъ остальнымъ, то изъ этого прямо вытекаетъ, что [1]) *измѣненіе одного* изъ состояній сознанія должно *вызвать измѣненіе всѣхъ другихъ*, если бы не было противодѣйствія. Каждое переживаемое нами чувство дѣйствуетъ на всю вселенную, вноситъ измѣненіе во все, и каждое измѣненіе въ такъ наз. внѣшнемъ мірѣ въ свою очередь дѣйствуетъ на насъ. Конечно

[1]) Здѣсь кроется ошибка. Состояніе сознанія какъ *таковое* измѣнено быть не можетъ, оно можетъ лишь уступить мѣсто *другому состоянію сознанія*; лучше сказать такъ: всякое измѣненіе въ системѣ отношеній есть ея измѣненіе въ цѣломъ. Т.-е. если въ какой нибудь моментъ одно состояніе сознанія уступаетъ мѣсто другому, то этимъ вызывается измѣненіе цѣлой системы отношеній (во времени).

фактически это положеніе *трудно* доказать, хотя не невозможно. Мы должны для этого слѣдить за соотвѣтствіемъ между нашими переживаніями и внѣшними событіями. Нужно понять, что матерьялъ, изъ котораго создана вселенная, есть (наше) воображеніе, (наша) творческая мысль, (наше) хотѣніе, а потому нѣтъ въ смыслѣ матерьяла никакой разницы между тѣмъ состояніемъ нашего сознанія, которое мы называемъ *камнемъ*, который мы держимъ въ рукѣ, и другимъ, называемымъ *мечтой*. Камень и мечта сдѣланы изъ одного вещества и оба одинаково реальны. Они только имѣютъ различное положеніе въ нашемъ сознаніи. Созерцаемый мною камень есть психологическій процессъ, совершающійся въ *настоящее время* и имѣющій центральное положеніе въ сферѣ моего сознанія. Мечта есть процессъ совершающійся въ будущемъ времени, есть созерцаніе предмета (процесса), отдаленнаго отъ насъ большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени, а потому представляющагося намъ въ неясныхъ очертаніяхъ, какъ контуръ отдаленнаго отъ насъ предмета. Неосуществившаяся мечта есть неузнанный издали предметъ. Въ сознаніи *все живо*, все, каждая мысль имѣетъ *реальное* существованіе. Настоящій моментъ есть центральное переживаніе (центральная фигура). Вокругъ него построена вселенная (какъ логическій выводъ).

Міръ можетъ быть разсматриваемъ какъ *неподвижная* система отношеній въ каждый данный моментъ и какъ вѣчно измѣняющаяся система во времени, при чемъ она подвижна тогда во всѣхъ своихъ точкахъ. Если одно состояніе сознанія переходитъ въ другое, то про это первое можно сказать *условно*, что оно измѣнилось, и что эта перемѣна влечетъ за собою измѣненіе во всей системѣ отношеній. *Вообще понятіе измѣненія связано съ понятіемъ психологическаго синтеза различныхъ моментовъ*, изъ которыхъ каждый есть особое замкнутое въ себѣ и недоступное *для нашихъ перемѣнъ, какъ таковое*, состояніе сознанія. Міръ есть *множество* замкнутыхъ въ себѣ состояній *одного* сознанія. Мы никогда не воспринимаемъ этихъ элементарныхъ по своей природѣ *не длящихся состояній сознанія*. Мы мыслимъ *процессы*, и когда воспринимаемъ что-бы то ни было, какъ *одно*, мы производимъ синтезъ различныхъ моментовъ, т.-е. *различныхъ состояній сознанія*. Такимъ образомъ, то, что намъ *представляется простѣйшимъ*, имѣетъ безконечно *сложную природу*, оно есть множество замкнутыхъ сферъ, связанныхъ только въ на-

шемъ представленіи актомъ синтеза. *Міръ есть процессъ, совершающійся* **во времени,** которое *само есть различеніе состояній сознанія.* Каждый слѣдующій моментъ есть отрицаніе предыдущаго. Отрицать что бы то ни было значитъ *возвыситься* надъ этимъ. Отрицаніе есть высота неудовлетворенности. Соединенное съ *хотѣніемъ* новаго, неизвѣданнаго, оно уже есть творчество. Активность сознанія есть отрицаніе его состояній до настоящаго включительно. „Новое" есть дѣятельное, активное отрицаніе. Пассивное отрицаніе есть уничтоженіе, умираніе, переходъ въ ничто. Съ высоты освѣщающаго сознанія созерцаются глубины прошлаго. Исторія вселенной представляется пробужденіемъ этого сознанія, дифференцирующагося въ дѣятельности. Послѣднимъ изъ образовъ, теряющихся въ темныхъ глубинахъ, есть образъ простого — *простое противоположеніе небытью.* Оно тождественно съ небытьемъ, оно его граница. Оно *движеніе простое,* простая вибрація [1]. Геометрически мы можемъ изобразить его въ видѣ *кругового движенія вокругъ* одной неподвижной (инертной) точки, которая, выражаясь условно, есть объективація небытія. Есть вообще движеніе и точка покоя. *Это состояніе сознанія есть съ космогонической точки зрѣнія періодъ единообразнаго состоянія веществъ* абсолютно смѣшанныхъ или абсолютно дифференцированныхъ, что то же самое. Вообще нужно понять, что пространство и время суть формы, въ которыхъ каждый моментъ, какъ и каждая точка, суть *абсолютно замкнутыя другъ для друга состоянія сознанія какъ таковыя,* но доступныя къ сліянію между собой въ актѣ синтеза, причемъ это сліяніе есть *новое* **простое** состояніе сознанія, ибо каждое *состояніе сознанія, какъ таковое* **всегда просто.** Каждое т. наз. психическое образованіе только постольку есть единство, поскольку оно носитъ характеръ простоты.

*

Вселенная есть единство, связь сосуществующихъ въ ней процессовъ. Въ своемъ единствѣ она свободна. Она существуетъ въ себѣ и чрезъ себя. Она есть (имѣетъ въ себѣ) возможность всего и все. Возможность всего есть ничто (въ смыслѣ времени и пространства), есть творческая сила, свободная дѣятельность, хотѣнье жить.

*

[1] [На полѣ, вдоль строкъ, отъ слова „Послѣднимъ..." кончая словомъ „вибрація". — написано: *ошибка*].

Матерьялъ міра—любовь и мечта.

Послѣдній моментъ—абсолютная дифференціація и абсолютное единство—экстазъ. Исторія—стремленіе къ абсолютной дифференціаціи и къ абсолютному единству, т.-е. стремленіе къ абсолютной оригинальности и абсолютной простотѣ.

Объясненіе вибраціи.

Каждое состояніе сознанія есть отношеніе къ другимъ состояніямъ сознанія. Значитъ представленіе о чемъ бы то ни было есть отрицаніе всего другого. Я въ этомъ отрицаніи *отношусь* къ другому, т.-е. борюсь *безсознательно* съ пребывающимъ во мнѣ безсознательнымъ образомъ этого другого. Со стороны сознанія у меня переживаніе иного, новаго, съ другой—все остальное въ своемъ стремленіи завладѣть моимъ сознаніемъ. Подъемъ въ этой борьбѣ опредѣляетъ качественное содержаніе переживаемаго мною состоянія (напр. различныхъ цвѣтовъ, какъ различнаго количества вибрацій въ единицу времени). Но этотъ *образъ другого* есть тоже только *отношеніе* къ переживаемому мной состоянію и опредѣляется его отрицаніемъ, т.-е. вибраціей, которая есть извѣстный подъемъ дѣятельности. Вещи разнятся подъемомъ дѣятельности, т. ск. количествомъ вибрацій въ единицу времени.

Каждый данный моментъ въ исторіи есть отрицаніе всего прошлаго человѣчества. Значитъ каждый слѣдующій моментъ есть большій подъемъ дѣятельности по отношенію къ предыдущему, какъ относящійся къ такому же количеству моментовъ, какъ предыдущій, — *онъ самъ*. Я разумѣю геніальное творчество.

Чѣмъ сильнѣе образъ прошлаго, тѣмъ онъ быстрѣе овладѣваетъ сознаніемъ, тѣмъ большій подъемъ необходимъ для его исключенія изъ сферы сознанія. Потому вся исторія человѣчества есть подъемъ, въ своемъ послѣднемъ моментѣ — экстазъ.

Каждое изъ состояній сознанія есть предѣльная точка въ вибраціонномъ движеніи. Вибрація есть связь состояній сознанія и есть единственный матерьялъ. Ихъ кажущееся колебаніе даетъ намъ схему противоположностей и ихъ тожества въ вибраціи.

Каждое состояніе сознанія, *какъ таковое*, есть замкнутая сфера,

не проникаемая другимъ состояніемъ сознанія, которое также есть замкнутая сфера. Въ этомъ фактѣ замкнутости сферы каждаго состоянія кроется фактъ размноженія единаго сознанія, въ которомъ пребываютъ всѣ его состоянія.

Въ вибраціонномъ движеніи предѣльныя точки каждаго колебанія суть моменты и могутъ быть восприняты только какъ границы колебательнаго движенія. Сами по себѣ, будучи моментами, они восприняты быть не могутъ — этимъ и объясняется то обстоятельство, что каждое изъ состояній сознанія существуетъ только въ *системѣ отношеній* и внѣ ея немыслимо.

Различеніе въ вибраціи предѣльныхъ точекъ каждаго колебанія содержитъ въ себѣ идею времени и пространства.

Каждое изъ состояній сознанія есть *отрицаніе* всякаго другого.

*

Когда мы говоримъ, что человѣкъ *развился* изъ комочка протоплазмы, то мы представляемъ себѣ эту протоплазму *совершенно такой же*, какой мы и теперь ее находимъ въ водѣ. Мы приписываемъ протоплазмѣ, существовавшей въ біологическій періодъ, *такой-же видъ*, такія-же свойства, какія находимъ у протоплазмы нашихъ дней, и мы не замѣчаемъ, что дѣлаемъ ошибку. Видъ протоплазмы въ наши дни зависитъ отъ организаціи нашего мозга, отъ того, какъ мы ее воспринимаемъ. Протоплазма нашихъ дней, принадлежа болѣе сложной, болѣе дифференцированной системѣ отношеній, имѣетъ новыя свойства, новый видъ, если только вообще она имѣла *какой нибудь видъ* въ то время, когда со стороны цвѣта и формы ее никто не воспринималъ. (Въ біологическій періодъ *не было отношенія протоплазмы къ воспринимающему ее человѣку*. Слѣдовательно свойства протоплазмы были другія). Вѣрнѣе, что протоплазма тѣхъ временъ была *тѣмъ [же] стремленіемъ*, той же борьбой съ окружающей средой, какую она представляетъ и теперь, но, не воспринимаемая окружающимъ ее множествомъ иныхъ стремленій, также не имѣющихъ организаціи для воспріятія, она не имѣла той чувственной формы и чувственнаго содержанія, т.-е. не представляла изъ себя отношенія къ нашей развитой чувственности, воспринимающей ее какъ *имѣющую видъ*. Когда мы *рисуемъ картину* прошлаго, мы всегда дѣлаемъ ту ошибку, что созерцаемъ это про-

шлое *безсознательно сквозь призму нашей психики* и приписываемъ *тѣмъ-же вещамъ* въ прошломъ *тотъ-же видъ*, какой онѣ имѣютъ въ настоящемъ.

Въ исторіи вселенной *есть грани*, за которыми она вступаетъ на новые и новые планы существованія. Свершаются 2 эволюціи: 1) пласма развивается въ форму человѣка, 2) пласма *какъ таковая* пріобрѣтаетъ новыя свойства, *новый видъ*. Пласма развитая до человѣка воспринимаетъ себя и создаетъ себѣ этимъ новый видъ и свойства. Исторія вселенной есть, выражаясь условно, *„единовременная эволюція"* всѣхъ моментовъ времени, всей системы отношеній одного относительно другого. Она есть движеніе по направленію къ фокусу освѣщающаго ее всеобъемлющаго сознанія, есть проясненіе, есть постепенная дифференціація, подъемъ, исчезновеніе ея въ абсолютной дифференціаціи, въ абсолютной дѣятельности. Она есть постепенное пробужденіе до абсолютнаго бодрствованія — что то-же — до абсолютнаго сна. Абсолютная дифференціація есть смѣшеніе, есть возвращеніе къ хаосу. Время и пространство не суть *вмѣстилища* исперва существующія, въ которыхъ свершается эволюція вселенной. Они сами эволюціонируютъ, составляя съ эволюціей вселенной одно.

*

Poème Orgiaque.

I.

1) тема — сладость мечты, окрыляющей духъ, желанье творить томленье, жажда неизвѣданнаго.
2) взлётъ на высоту дѣятельнаго отрицанія, твор[чество?]
3) элементы подавленности вслѣдствіе сомнѣнія
4) усиліе воли побѣждающей
5) человѣкъ *Богъ*
6) *успокоеніе въ дѣятельности*

II.

1) духъ отдается любимымъ мечтамъ
2)
3) отчаяніе врывается внезапно и подавляетъ духъ

4) рождается протестъ
5) борьба
6) освобожденіе въ любви и въ сознаніи единства
7) освободительныя стремленія расцвѣтаютъ
8) человѣкъ Богъ

III.

1)
2)
3)
4)
5) соединеніе чувства протеста съ сладостью мечты
6) послѣдняя фаза борьбы снова освобождаетъ въ любви

IIII.

1) Человѣкъ Богъ. Сознаніе безцѣльности и свободная игра; опьяненіе свободой; сознаніе единства
2) сознаніе относительности явленій,
3) что прежде подавляло, теперь лишь возбуждаетъ къ дѣятельности.

Я познаю міръ, какъ рядъ состояній *моего* сознанія, изъ сферы котораго не могу выйти. Я утверждаю фактъ моего сознанія, а также мою активность, съ прекращеніемъ которой для меня исчезаетъ все. Я произвожу классификацію состояній моего сознанія. Я раздѣляю міръ на природу, растительное, животное царство, человѣчество и себя, человѣка (одного изъ людей). *Отъ другихъ людей я узнаю*, что они что-то чувствуютъ и думаютъ, чего я не чувствую и не думаю, но также и то, что въ ихъ сознаніи есть много *тѣхъ-же состояній (сознанія)*, какъ и *въ моемъ сознаніи*. Они *созерцаютъ тотъ-же міръ*, они также не могутъ выйти изъ сферы своего сознанія. Итакъ съ одной стороны я могу констатировать извѣстную *замкнутость сферъ* личныхъ сознаній, а съ другой связь ихъ, какъ носителей *общихъ состояній*, называемыхъ вселенной. *Всѣ мы, люди, созерцаемъ тотъ же міръ*. Приступаю къ анализу моего личнаго сознанія. Что оно представляетъ изъ себя *какъ* **носитель** извѣст-

ныхъ состояній? Каждую минуту я что нибудь переживаю. Я сознаю, что все это *я* переживаю, т.-е. факты *моего* ежедневнаго опыта я связываю *въ одно цѣлое*, которое называю моей *личной жизнью*. Я являюсь носителемъ личной жизни, которая, *какъ таковая*, есть **связь** *фактовъ моего ежедневнаго опыта и больше ничего*, а мое сознаніе какъ носитель есть *только активность*, производящая эту связь, и больше ничего. Итакъ мое личное сознаніе есть дѣятельность, производящая многое, т.-е. анализирующая и связующая многое въ одно цѣлое, т.-е. синтезирующая. Что дѣлаетъ мое сознаніе личнымъ? Изъ множества состояній сознанія, имъ переживаемыхъ, нѣкоторыя находятся всегда въ наличности и сопровождаютъ всѣ другія переживанія въ теченіе жизни. Къ числу такихъ *постоянно сопутствующихъ* состояній сознанія принадлежитъ во-первыхъ тотъ комплексъ состояній сознанія, который мы называемъ нашимъ тѣломъ, и связь съ нашей личной животной жизнью, сознаніе этой жизни и связанныя съ животной жизнью желанія (инстинктивные акты и страсти). Животное-человѣкъ представляетъ изъ себя наличность только этихъ низшихъ принциповъ. Но рѣдко можно встрѣтить такого, у котораго не было бы *хотя въ зародышѣ болѣе высокаго принципа*. Кромѣ того, въ моемъ сознаніи есть мысли и желанія, не имѣющія прямого отношенія къ моему тѣлу и связанныхъ съ нимъ низшихъ принциповъ. Напр. желаніе познать истину, любовь къ красотѣ, жажда духовной власти. Эти состоянія сознанія, не имѣя прямого отношенія къ моему *личному* сознанію, однако почти непрестанно въ немъ пребываютъ и окрашиваютъ его въ извѣстный опредѣленный цвѣтъ индивидуальности. Выражаясь иначе, мое личное сознаніе является носителемъ извѣстнаго индивидуальнаго сознанія, которое находитъ *свое выраженіе въ моей личной жизни*. Въ моемъ сознаніи есть кромѣ того элементы, которые не имѣютъ отношенія ни къ низшимъ принципамъ животной жизни, ни къ моей индивидуальности, т.-е. тѣ состоянія моего сознанія, которыя, связанныя въ одно цѣлое, суть „не-я". Не нужно забывать, что „не-я" есть тоже одно изъ состояній моего сознанія—и та его часть, которою *я* связывается со вселенной. Итакъ свою связь со вселенной человѣкъ находитъ въ не-я, пребывающемъ *въ его* сознаніи. Продолжая анализъ далѣе, я долженъ внести поправку въ только-что сказанное. Когда я говорю, что человѣкъ находитъ свою связь со вселенной въ состояніяхъ сознанія не-я, пребывающихъ въ „**его**" сознаніи, я дѣлаю ошибку. Какъ только со-

знаніе созерцаетъ міръ безотносительно къ тому, что дѣлаетъ это сознаніе его личнымъ, *оно и перестаетъ быть личнымъ*. Оно становится тѣмъ высшимъ принципомъ, который связываетъ отдѣльные факты опыта въ единый міръ. Этотъ высшій принципъ *есть вообще сознаніе*, которое одно и тоже въ каждомъ человѣкѣ. Міръ есть рядъ состояній одного и того-же универсальнаго сознанія.

Въ сознаніи есть на лицо еще одинъ элементъ—это хотѣніе блага, блаженства, хотѣніе жить. Бытье въ цѣломъ хочетъ быть, любитъ быть, иначе оно-бы не было, т. к. оно бываетъ въ себѣ и чрезъ себя. Итакъ въ основѣ всего лежитъ любовь къ жизни, любовь къ дѣятельности, къ познанію. Дѣятельность есть различеніе, дифференціація. Каждый данный моментъ есть извѣстная *степень* дифференціаціи. Исторія вселенной есть эволюція постепенно дифференцирующагося сознанія.

Въ формахъ времени и пространства свершается процессъ—вселенная.

Дана вселенная—процессъ;

дана возможность ея, возможность этого процесса—въ себѣ и чрезъ себя;

дана творческая сила;

дана любовь къ жизни;

дано единство,

дана свобода;

процессъ есть синтезъ *различныхъ* моментовъ времени, которые обусловливаются *различнымъ* пространственнымъ содержаніемъ;

процессъ есть рядъ измѣненій въ его носителѣ;

процессъ, какъ таковой, есть отрицаніе его возможности (растеніе—отрицаніе сѣмени); бытье—отрицаніе небытія; завершеніе процесса есть возвращеніе къ ничто;

сѣмя есть возможность растенія;

ничто есть возможность всего, вселенной;

растительный процессъ завершается образованіемъ сѣмени (возможность растенія);

абсолютный процессъ (процессъ жизни) завершаетъ „ничто" (возможность всего);

абсолютный процессъ есть;

процессъ есть *множество*;

процессъ возможенъ *только какъ вселенная*.

Нельзя мыслить одного состоянія сознанія чередующагося съ безсознательнымъ состояніемъ. Процессъ какъ дѣятельность есть *различеніе* и потому предполагаетъ многое. Многое—есть форма времени и пространства и потому есть *безконечно-многое*. Процессъ можетъ быть только *вселенной*.

Вселенная — процессъ.

Вселенная—движеніе, ничто - покой.

Какъ процессъ, исторія вселенной есть эволюція постепенно дифференцирующагося сознанія; абсолютная дифференціація есть впаденіе въ ничто.

Процессъ есть *подъемъ дѣятельности* (смотри объясненіе вибраціи).

Въ моментъ наиотдаленнѣйшаго прошлаго состоянія сознанія находились въ простѣйшихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Былъ минимумъ подъема дѣятельности. Такъ какъ каждое изъ состояній сознанія есть только отношеніе къ другому состоянію сознанія, то содержаніе каждаго состоянія сознанія могло быть только тѣмъ смутнымъ состояніемъ, изъ котораго потомъ развилось всеобъемлющее сознаніе. Каждый слѣдующій моментъ въ исторіи вселенной есть усложненіе отношеній между состояніями сознаній.

*

Итакъ въ моемъ сознаніи свершаются слѣдующіе акты синтеза его состояній: одну группу состояній я связываю въ представленіе *моей личности*, другую въ представленіе моей *индивидуальности*, третью въ представленіе *не-я*, и въ четвертой соединяю я и не-я, т.-е. связываю всѣ состоянія моего сознанія въ одинъ міръ, одну *вселенную*.

Вселенная для меня идея, часть ея находится въ полѣ моего сознанія, есть предметъ опыта.

Вселенная есть безсознательный процессъ. Воспринимаемое мной есть часть его, освѣщенная моимъ сознаніемъ.

*

Какимъ образомъ единое могло стать множественнымъ?

Единое не стало множественнымъ, оно какъ таковое всегда остается единымъ; оно лишь переживаетъ множество состояній сознаній.

Какъ это возможно?

Возможность эту, эту способность мы можемъ найти въ себѣ. Напр., въ настоящую минуту я пишу эти строки, слышу пѣніе птицъ, проѣзжающій экипажъ, выкрикивающаго разнощика, насвистываніе и разговоры прохожихъ и многое другое. Все это я переживаю (воспринимаю) *единовременно* и *довольно ясно*. Каждое изъ переживаемыхъ мною состояній есть замкнутая сфера, недоступная проникновенію чего бы то ни было другого, потому что напр. пѣніе птицъ есть именно только пѣніе птицъ, а не свистъ прохожихъ и т. д. Мнѣ скажутъ—comparaison n'est pas raison: всѣ эти состоянія, о которыхъ вы говорите, *вы* переживаете, т.-е. ваше сознаніе переживаетъ, между тѣмъ какъ ваше сознаніе не переживаетъ цѣлой массы чувствъ, переживаемыхъ другими людьми, т.-е. цѣлой массы состояній сознанія, находящихся въ другихъ сознаніяхъ. Почему это такъ?

Вотъ отвѣтъ: какъ во мнѣ переживаемыя мною состоянія сознанія не воспринимаютъ другъ друга, какъ только съ внѣшней ихъ стороны, т.-е. со стороны отношенія ихъ къ другимъ состояніямъ сознанія, и какъ каждому изъ переживаемыхъ мною состояній сознанія какъ таковому недоступно сдѣлаться другимъ состояніемъ сознанія, такъ и человѣку, который какъ таковой представляетъ изъ себя одно изъ состояній универсальнаго сознанія, возможно воспринимать другихъ людей только со стороны ихъ отношенія къ внѣшнему міру. Иначе каждый человѣкъ пересталъ бы быть человѣкомъ. Человѣкъ есть *именно это состояніе сознанія*, а не какое нибудь другое.

Переживаетъ ли универсальное сознаніе также отчетливо всѣ свои состоянія, какъ вы переживали множество описанныхъ вами состояній сознанія?

Отчетливость переживаній *уменьшается съ увеличеніемъ количества* состояній сознанія. Универсальное сознаніе, какъ таковое, ничего *не переживаетъ;* оно есть сама жизнь, оно ничего не мыслитъ, оно сама мысль, оно ничего не дѣлаетъ, оно сама дѣятельность.

Богъ, *какъ состояніе сознанія*, есть *личность*, являющаяся носителемъ этого высшаго принципа, который, какъ таковой, есть ничто и возможность всего, есть сила творчества. Исторія вселенной есть эволюція Бога, стремленіе къ экстазу.

Универсальное сознаніе въ состояніи дѣятельности является *личностью, единымъ громаднымъ организмомъ*, который въ каждый

данный моментъ переживаетъ новую стадію процесса, называемаго эволюціей [1]). *Какъ личность* не ощущаетъ постоянно всю себя, напр. человѣкъ не чувствуетъ въ каждый данный моментъ всѣхъ точекъ своего тѣла и еще менѣе всѣхъ доступныхъ для него въ будущемъ и пережитыхъ раньше отношеній, но наоборотъ *отчетливо воспринимаетъ* или правильно сознаетъ **одно** *какое нибудь переживаніе*, такъ и *Богъ-личность* въ процессѣ эволюціи отчетливо воспринимаетъ переживаемую имъ въ данный моментъ стадію эволюціи и не чувствуетъ всѣхъ точекъ своего организма — вселенной. Когда онъ достигнетъ предѣла высоты подъема, а время это приближается, то онъ сообщитъ свое блаженство всему организму. Какъ человѣкъ во время полового акта въ минуту экстаза теряетъ *сознаніе и весь его организмъ* во всѣхъ точкахъ переживаетъ блаженство, такъ и Богъ-человѣкъ, переживая экстазъ, наполнитъ вселенную блаженствомъ и зажжетъ пожаръ.

Человѣкъ-Богъ является носителемъ универсальнаго сознанія.

*

Каково могло бы быть сознаніе матерьяльнаго атома, если бы этотъ атомъ могъ имѣть *способность* сознанія въ періодъ единообразнаго множества?

Онъ бы ничего не могъ сознавать, ибо психологіей доказано, что одно только состояніе сознанія есть ничто, отсутствіе состояній сознанія.

Единообразное множество есть въ смыслѣ объективномъ *ничто*. Значитъ, то обстоятельство, что атомъ не сознаетъ, еще не является доказательствомъ отсутствія его способности къ сознанію.

Каково могло бы быть сознаніе матерьяльнаго атома въ періодъ разнообразнаго множества?

Это зависитъ отъ того, въ какія условія поставленъ атомъ, т.-е. въ составъ какого частнаго единства онъ вошелъ.

*

Я сознаю. Это мое сознаніе представляется мнѣ результатомъ пребывающей въ моемъ мозгу способности сознавать. Благодаря этой способности (возможности) я сознаю какъ окружающій меня

[1]) Въ основѣ же лежитъ желаніе абсолютнаго блаженства. Жизнь есть подъемъ.

міръ, такъ и мое тѣло и ту голову, въ которой кажется мнѣ пребывающимъ мое сознаніе. Въ этомъ моемъ сознаніи пребываютъ какъ окружающій міръ, такъ и мое тѣло съ головой, въ которую оно включено. Пребываютъ они какъ сосуществующія явленія. Въ этомъ сознаніи мнѣ дана связь всѣхъ этихъ явленій, ближайшее изъ которыхъ по отношенію къ моему сознанію есть моя голова. Но если я и тѣло долженъ сознавать, воспринимать наравнѣ съ внѣшнимъ міромъ, то и оно для меня внѣшній предметъ. Во мнѣ только сознаніе, котораго носителемъ является моя голова, а въ сознаніи вселенная. Почему же я называю это сознаніе моимъ? Только потому, что оно включено въ мою голову? Но въ моей ли только головѣ есть сознаніе (способность сознавать)? Рядомъ съ моимъ тѣломъ есть еще множество другихъ тѣлъ съ головами, способными сознавать (имѣющими способность сознавать). Тутъ можетъ быть сдѣлано возраженіе. Что рядомъ съ моимъ тѣломъ есть множество другихъ тѣлъ—это неопровержимо, но что они имѣютъ способность сознавать—это подлежитъ сомнѣнію. Такъ какъ я не могу выйти изъ сферы *моего*, включеннаго въ мой мозгъ, сознанія, то весь воспринимаемый мною міръ можетъ быть творческой дѣятельностью этого сознанія. Все, что ни происходитъ, есть моя дѣятельность, моя фантазія. Если нѣтъ ничего кромѣ моего сознанія, то оно едино, свободно и существуетъ въ себѣ и чрезъ себя. Значитъ оно—господинъ вселенной и можетъ по произволу изгонять то или другое изъ своихъ состояній. Опытъ показываетъ другое. Какъ бы я ни хотѣлъ измѣнить въ данный моментъ обстановку, въ которой я нахожусь, я не въ силахъ этого сдѣлать. Значитъ есть какія-то причины, внѣ меня, внѣ моей воли находящіяся, которыя заставляютъ меня переносить данную обстановку. Правда, я могу воздѣйствовать на окружающій меня міръ, но въ самой незначительной степени, встрѣчая на своемъ пути тысячи сопротивленій. Итакъ съ одной стороны міръ мнѣ представляется дѣятельностью моего сознанія, единой и потому свободной, а съ другой воля моя ограничена сосуществующими волями. Какъ разрѣшить это противорѣчіе? Нуженъ болѣе глубокій анализъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая воля ограничена? Я хочу измѣнить окружающую обстановку. Кто я? Х. Мое хотѣніе того или другого есть *явленіе*, самопребывающее въ сознаніи, и я, такъ сказать, дѣйствую на планѣ этого хотѣнья. Х желаетъ поднять непосильную ношу. И неудивительно, что онъ не можетъ этого сдѣлать.

А если бы и могъ, то долженъ сдѣлать большее или меньшее усиліе, т.-е. преодолѣть сопротивленіе какой-то внѣшней силы. Вотъ въ какомъ видѣ представляется мнѣ теперь дѣйствительность. Я начинаю убѣждать У-ка въ чемъ то; онъ мнѣ не вѣритъ и доказываетъ противоположное. Можетъ быть все это плодъ моей фантазіи? Нѣтъ, я хочу только одного, это побѣдить въ спорѣ, мнѣ сопротивленіе моего соперника невыносимо, мучительно, но я безсиленъ и умолкаю. Я страдаю. Тѣло, обладающее головой, обладаетъ и волей, независимой отъ моего сознанія и воспринимаемой мною теперь какъ **внѣшнее** явленіе, какъ сопротивленіе. Мнѣ могутъ возразить, что человѣкъ можетъ переживать *внутреннюю* борьбу противоположныхъ чувствъ. Но это неаналогично. Во внутренней борьбѣ я чувствую свою *активность съ двухъ сторонъ. Я раздваиваюсь.* Въ данномъ же случаѣ къ мнѣнію моего противника я отношусь только отрицательно, какъ къ *внѣшнему сопротивленію.* Но и активность бываетъ разная. Чтобы сознавать внѣшнее сопротивленіе, нужна *активность сознанія*, чтобы побѣдить врага, нужна активность хотѣнія (воли). Сознаніе созерцаетъ, воля дѣйствуетъ.

Мой мозгъ и является носителемъ высшаго принципа единства вселенной, а мое тѣло носителемъ (индивидуальной) личной воли. Сознаніе, какъ способность представленія, воспріятія, не принадлежитъ одному лицу, оно универсально. Воля есть способность производить орудія дѣятельности тѣла. Воля есть способность объективаціи въ сознаніи.

Если личность пріобрѣтетъ способность воздѣйствія на внѣшній міръ въ той степени, при которой будетъ въ состояніи по произволу измѣнять систему отношеній въ каждый данный моментъ, то такая личность будетъ обладать божескимъ могуществомъ. Такая личность обратитъ вселенную въ божественный организмъ. Это будетъ достиженіемъ полной гармоніи, предѣломъ подъема творчества, экстазомъ. Такая личность будетъ *общей потребностью*, потребностью созерцать божественную красоту. Міръ отдастся ей, какъ женщина — любовнику.

Личное сознаніе есть иллюзія, происходящая когда универсальное или индивидуальное сознаніе отождествляетъ себя съ низшими принципами, съ тѣломъ и со всѣмъ, что связано съ нимъ, т.-е. *съ орудіемъ дѣятельности* (тѣло есть орудіе дѣятельности).

VIII.

Поэма экстаза.

[Писано въ 1906 году. Воспроизводится съ печатнаго текста, напечатаннаго въ Женевѣ подъ наблюденіемъ самого автора: „*Поэма Экстаза*. Слова и музыка А. Скрябина. Собственность автора. Женева. 1906. *Le Poème de l'Extase*. Le texte et la musique par A. Scriabine. Propriété de l'auteur. Prix: 1 Fr. Genève. Imprimerie Centrale, Boulevard James-Fazy, 17.—1906"].

Духъ,
Жаждой жизни окрыленный,
Увлекается въ полетъ
На высоты отрицанья.
Тамъ въ лучахъ его мечты
Возникаетъ міръ волшебный
Дивныхъ образовъ и чувствъ.
Духъ играющій,
Духъ желающій,
Духъ, мечтою все создающій,
Отдаётся блаженству любви.
Средь возникнувшихъ твореній
Онъ томленьемъ пребываетъ,
Высотою вдохновеній
Ихъ къ расцвѣту призываетъ.
И полетомъ опьяненный
Онъ готовъ ужъ впасть въ забвенье,
Но внезапно...
Предчувствія мрачнаго
Ритмы тревожные
Въ міръ очарованный
Грубо врываются,
Но лишь на мигъ.
Легкимъ усиліемъ
Воли божественной
Онъ изгоняетъ
Призраки страшные.
И лишь достигъ
Желанной побѣды
Онъ надъ собой,

Духъ играющій,
Духъ ласкающій,
Духъ, надеждою радость зовущій,
Отдается блаженству любви.
Межъ цвѣтовъ своихъ твореній
Онъ лобзаньемъ пребываетъ,
Цѣлымъ міромъ возбужденій
Ихъ къ экстазу призываетъ.
Опьяняясь ихъ дыханьемъ,
Ослѣпляясь красотой,
Онъ несется, онъ рѣзвится,
Онъ танцуетъ, онъ кружится;
Цѣлой гаммой ощущеній
Онъ истерзанъ, истомленъ.
Онъ готовъ ужъ впасть въ забвенье,
Но снова...
Изъ нѣдръ таинственныхъ
Духа смятеннаго
Грозной волной
Бурно вздымается
Ужасовъ дикихъ
Толпа безобразная;
Все поглотить
Она угрожаетъ.
Духъ,
Жаждой жизни окрыленный,
Увлекается въ полетъ
На высоты отрицанья.
Тамъ въ лучахъ его мечты
Возникаетъ міръ волшебный
Дивныхъ образовъ и чувствъ.
Духъ играющій,
Духъ страдающій,
Духъ, сомнѣніемъ скорбь создающій,
Отдается мученью любви.
Межъ цвѣтовъ своихъ твореній
Онъ терзаньемъ пребываетъ,
Цѣлымъ міромъ потрясеній

Онъ ихъ къ смерти призываетъ.
Страхомъ трепетнымъ объятый,
Онъ готовъ ужъ впасть въ забвенье,
Но внезапно...
Предчувствія свѣтлаго
Ритмы веселые
Въ немъ зарождаются.
Сладостный мигъ!
Лучами надежды
Вновь озаренный
Къ жизни стремленіемъ
Онъ загорается.
Чудно постигъ
Онъ силу божественной
Воли своей.
Въ темныя бездны
Взоромъ сжигающимъ
Онъ проникаетъ,
Исполненный гнѣва
И возмущенья
Дерзкій вызовъ онъ бросаетъ,—
Загорается борьба.
Зіяютъ разверстыя
Пасти чудовищъ,
Грозно сверкаютъ
Страстныя молніи
Воли божественной,
Всепобѣждающей;
Отблески яркіе
Свѣтомъ волшебнымъ
Міръ озаряютъ.
Забывая о цѣли любимой,
Духъ отдается борьбѣ съ опьяненьемъ.
Онъ весь упоенье,
Весь наслажденье
Этой игрой
Свободной, божественной,
Этой любовью-борьбой.

Въ дивномъ величіи
Чистой безцѣльности
И въ сочетаніи
Противустремленій
Въ единомъ сознаніи,
Въ единой любви
Духъ познаетъ
Природу божественной
Своей сущности.
Онъ понимаетъ,
Что хочетъ борьбы.
Онъ захотѣлъ—
И событія
Въ стройномъ порядкѣ
Окружили
Этотъ порывъ.
Играетъ, мѣняется
Чувство капризное,
И вселенная
Съ нимъ вибрируетъ,
Его объясняя,
Его утверждая.
Онъ хочетъ побѣды,
Онъ побѣдилъ,
Онъ торжествуетъ!
И можетъ онъ радостный
Въ міръ свой излюбленный
Тотчасъ вернуться.
Но чѣмъ омраченъ
Этотъ радостный мигъ?
Именно тѣмъ,
Что онъ цѣли достигъ.
Онъ сожалѣетъ
О прошлой борьбѣ;
И на мгновеніе
Чувствуетъ онъ
Скуку, уныніе и пустоту.
Но жаждою жизни

Вновь окрыленный
Увлекается въ полетъ
На высоты отрицанья.
Тамъ въ лучахъ его мечты
Возникаетъ міръ волшебный
Дивныхъ образовъ и чувствъ.
И ничѣмъ не возмущаемый
Можетъ вѣчно отдаваться
Онъ излюбленнымъ мечтамъ.
Но о чемъ же, чѣмъ, о духъ мятежный,
Опять нарушенъ твой покой?
Не ритмы тревожные
Тебя омрачаютъ,
Не призраки страшные
Тебѣ угрожаютъ,
То ядъ разлагающій
Однообразія,
Червь пресыщенія
Чувство съѣдаетъ.
И крикомъ больнымъ
Огласилась вселенная:
Иного!
Новаго!
Наслажденьемъ утомленный,
Наслажденьемъ, но не жизнью,
Духъ уносится въ полетъ
Въ область скорби и страданья.
И въ свободномъ возвращеніи
Въ міръ мечтаній и тревогъ
Онъ чудесно постигаетъ
Смыслъ тайны бездны зла.
Снова раскрылися черныя пасти,
Снова зіяютъ, грозятъ поглотить,
Снова борьба и усиліе воли,
Желаніе все побѣдить.
Снова побѣда, опять опьяненіе,
И упоенье,
И пресыщенье.

Этимъ ритмомъ учащеннымъ
Бейся жизни пульсъ сильнѣй!
О мой міръ, моя жизнь,
Мой расцвѣтъ, мой экстазъ!
Ваше каждое мгновенье
Создаю я отрицаньемъ
Раньше пережитыхъ формъ.
Я вѣчное
Отрицаніе.
Еще,
Всегда еще!
Болѣе сильнаго,
Болѣе нѣжнаго,
Новыхъ терзаній,
Новыхъ блаженствъ.
Наслаждаясь этимъ танцемъ,
Задыхаясь въ этомъ вихрѣ,
Забывая о цѣляхъ любимыхъ стремленій,
Духъ отдается игрѣ опьяненій.
На крыльяхъ могучихъ
Новыхъ исканій
Въ область Экстаза
Онъ быстро несется.
Въ этой смѣнѣ непрестанной,
Въ этомъ полетѣ безцѣльномъ, божественномъ
Духъ себя познаетъ
Могуществомъ воли
Единой, свободной,
Всегда созидающей,
Все излучающей,
Все оживляющей,
Дивно играющей
Множествомъ формъ.
Онъ себя познаетъ
Трепетомъ жизни,
Хотѣньемъ расцвѣта,
Любовью-борьбой.
Духъ играющій,

Духъ порхающій,
Вѣчнымъ стремленьемъ
Экстазъ создающій,
Отдаться блаженству любви.
Межъ цвѣтовъ своихъ твореній
Онъ свободой пребываетъ.
„Я къ жизни призываю васъ,
Скрытыя стремленья!
Вы, утонувшія
Въ темныхъ глубинахъ
Духа творящаго,
Вы боязливые
Жизни зародыши,
Вамъ дерзновенье
Я приношу!
Отнынѣ свободны вы!
Раздѣляйтесь, расцвѣтайте,
Возставайте другъ на друга,
Возноситесь на высоты,
Чтобы въ сладостномъ блаженствѣ
Вамъ познать себя единствомъ,
Уничтожиться во мнѣ!
Возставайте другъ на друга,
Возставайте на меня,
Отрицайте и любите!
Возстаньте на меня, народы и стихіи,
Поднимайтесь ужасы,
Старайтесь меня уничтожить,
Разверстыя пасти драконовъ,
Змѣи, обвѣйте, душите и жальте!
Когда все поднимется
Противъ меня,
Тогда я начну
Свою
Игру.
О міръ ожидающій,
Міръ истомленный!
Ты не хочешь быть созданнымъ,

Ты ищешь творца.
До меня долетѣлъ
Нѣжно сладостный стонъ
Призыва.
Я прихожу.
Я уже пребываю въ тебѣ,
О мой міръ!
Таинственной прелестью
Чувствъ неизвѣданныхъ,
Сонмомъ мечтаній и грезъ,
Огнемъ вдохновенья,
Исканіемъ Истины,
Желаньемъ запретнымъ
Свободы божественной.
О міръ мой возлюбленный,
Я прихожу.
Твоя мечта обо мнѣ—
Это я нарождающійся.
Я уже являю себя
Въ присутствіи таинномъ
Едва уловимаго
Дыханья свободы.
Существо твое
Охватила уже
Легкая,
Какъ призракъ мечты,
Волна
Моего существованія.
Ты уже содрогнулся.
Я—свобода тобою любимая,
Ты мой возлюбленный міръ!
Я прихожу
Тебя ослѣпить
Великолѣпіемъ
Сновъ очарованныхъ;
Я приношу тебѣ
Прелесть волшебную
Жгучей [illegible]

И ласкъ неизвѣданныхъ.
Отдавайся довѣрчиво мнѣ!
Я настигну тебя океаномъ блаженствъ
Влюбленнымъ, манящимъ, ласкающимъ,
То тяжелой волной набѣгающимъ,
То лишь въ отдаленьи играющимъ,
И цѣлующимъ тебя
Лишь разбрызгами.
А ты будешь безумно хотѣть
Иного
Новаго!
И тогда дождемъ цвѣточнымъ
Буду падать на тебя,
Цѣлой гаммой ароматовъ
Буду нѣжить и томить,
Игрой благоуханій
То нѣжныхъ, то острыхъ,
Игрой прикосновеній,
То легкихъ, то бьющихъ.
И замирая
Ты будешь страстно
Шептать:
Еще,
Всегда еще!
Тогда я ринусь на тебя
Толпой чудовищъ страшныхъ
Съ дикимъ ужасомъ терзаній,
Я наползу кишащимъ стадомъ змѣй
И буду жалить и душить!
А ты будешь хотѣть
Все безумнѣй, сильнѣй.
Я тогда упаду на тебя
Дождемъ дивныхъ солнцъ.
И зажгу васъ молніями
Моей страсти,
Священные
Огни желаній
Самыхъ сладостныхъ,

Самыхъ запретныхъ,
Самыхъ таинственныхъ.
И ты весь—одна волна
Свободы и блаженства.
Создавъ тебя множество,
И поднявъ васъ,
Легіоны чувствъ,
О чистыя стремленья,
Я создаю тебя,
Сложное единое,
Всѣхъ васъ охватившее
Чувство блаженства.
Я мигъ, излучающій вѣчность,
Я утвержденіе.
Я Экстазъ."
Пожаромъ всеобщимъ
Объята вселенная.
Духъ на вершинѣ бытья.
И чувствуетъ онъ
Силы божественной,
Воли свободной
Приливъ безконечный.
Онъ весь дерзновеніе.
Что угрожало—
Теперь возбужденье,
Что ужасало—
Теперь наслажденье,
И стали укусы пантеръ и геенъ
Лишь новою лаской,
Новымъ терзаньемъ,
А жало змѣи
Лишь лобзаньемъ сжигающимъ.
И огласилась вселенная
Радостнымъ крикомъ
Я есмь!

IX.

[Предварительное дѣйствіе.]

1.

[Полный текстъ, по тетради *Г*, см. выше, въ статьѣ Б. О Шлецера, стр. 117. Текстъ подвергся затѣмъ многочисленнымъ исправленіямъ въ этой же тетради, какъ показываетъ прилагаемое факсимиле, особенно въ первой части своей, которую А. Н. затѣмъ въ окончательномъ видѣ и переписалъ въ тетрадь *Д*. Здѣсь, подъ номеромъ 1, печатается *основная редакція* тетради *Г*., безъ внесенныхъ позже поправокъ, такъ какъ она— единственно-полная и однородная. Ниже, подъ № 2, печатается текстъ тетради *Д*.—*окончательная* редакція первой половины „Предварительнаго дѣйствія"].

Еще разъ волитъ въ васъ Предвѣчный
Радость творчества познать
Еще разъ волитъ Безконечный
Себя въ конечномъ опознать

Въ этомъ взлётѣ, въ этомъ взрывѣ
Въ этомъ молнійномъ порызѣ
Въ огневомъ его дыханьи
Вся поэма мірозданья.

И мигъ любви рождаетъ вѣчность
И пространства глубину
Мірами дышетъ безконечность
Объемлютъ звоны тишину

— — —

Великое свершается!
И сладостная вновь
Рождается любовь!

Себя любовью любящая
Любовію Любовь
Себя возсоздающая

О жизнь! загорается
Божественный твой свѣтъ
Вселенная рожается
Ей радостный отвѣтъ

— —

Еще раз взлети к вам Предвечный
Радость творчества познать
Еще раз волить бесконечный
Себя в конечном [illegible]

В этом взлете, в нем взрыве
В этом молнийном порыве
В отзвуках его дыханья
Вся поэма мироздания

И мир любви рождены вечность
И пространства глубины
Мирами вечной бесконечность
Объемлют зовы тишины

Великое свершение!
И сладостный вновь
Рождается любовь!

Себя любовью утверждая
Любовью Любя
Себя воссоздающая

О вещая! Загорается
Воплощением много своим
Времени рождений
Ее [illegible] огнями

Сладостно
Блаженство
Любви сердечно любящая
Познав любовь благодаря
[illegible]
В молнийном взлете, грозном взрыве
В новийном творческом порыве
Из пламенно-огненного дыханья
Лишь возникает мироздание.
Вся [illegible] которых
Все глубины
Порыв любви рождает вечность
[illegible]
Звучит мирами бесконечность
Объемли зовы тишины
(Объемлет)

Со смертью вечности
Предвечный наш отец
Создает солнце-сердце
Небес и звезды мира
Низд
Наилюбовнейшей игрою.

Тебѣ, разсвѣтный,
Тебѣ, порывный,
Мой стонъ отвѣтный
Мой крикъ призывный!

Кто ты звучаніемъ
Бѣлымъ воспѣтая
Кто ты молчаніемъ
Неба одѣтая

Кто ты, дивный
Ликъ огнивный,
Свѣтъ изливный
Кто ты, кто

Я послѣднее свершеніе
Я блаженство растворенія
Я всезвѣздности алмазъ
Я всезвучное молчаніе
Смерти бѣлое звучаніе
Я свобода, я экстазъ.

Какъ тебя, о смерть, найти
Какъ къ тебѣ, Свѣтъ волшебный, притти?

Бездны жизни лежатъ между нами
Съ ея вѣчно обманными снами
Между нами цвѣтныя пространства
Въ нихъ созвѣздій златыя убранства.
Эти пространства ты долженъ пройти
Ихъ превозмочь, ихъ превзойти.

Гдѣ пространства тѣ, гдѣ бездны
Золотистой туманности звѣздной?

Онѣ, какъ я, въ тебѣ, въ твоемъ Воленіи
Внимай себѣ, услышь свой вѣщій гласъ
И ты увидишь ихъ въ восторгѣ озаренія
Ты различишь ихъ
Онѣ въ тебѣ, пока твой свѣточъ не погасъ.

Ты все собою наполняешь
Нѣтъ меня, лишь ты бываешь
Когда въ лучахъ твоей мечты
Какъ образъ новой красоты
Я, играя, возникаю
Тѣмъ на жизни обрекая
Рои грезъ, сонмы сновъ
Хоры стройные міровъ
Нѣтъ меня, лишь ты бываешь
Ты все собою наполняешь.

Я въ тебѣ говорю, я тебя призываю
Съ высотъ лучезарныхъ стремленій божественныхъ
Къ высокому долгу въ тебѣ я взываю
Я требую жертвъ и обѣтовъ торжественныхъ
Семь искусовъ выдержать долженъ ты, сильный,
Семь подвиговъ славныхъ свершить
Семь побѣдъ надъ собой одержать
Семь жертвъ принести, жертвъ великихъ, обильныхъ.

Твоя первая жертва—стремленье ко мнѣ
Ты долженъ забыть о ласкающемъ снѣ
И ринуться въ бездны, что насъ раздѣлили
И тѣмъ насъ на подвигъ любви окрылили

О подвигъ божественный, танецъ всезвѣздный
Ты намъ даруешь побѣду надъ бездной
Въ тебѣ мы сорадно себя обрѣтемъ
Въ тебѣ мы блаженно другъ въ друга умремъ

Ты началъ свой танецъ. Съ вершины паренья
Тебя я, Господь, уже вижу въ движеньи
Цвѣта различаю я сферъ окружающихъ
Тканей вѣнчальныхъ, тебя украшающихъ.

Уже ты живешь, и, ко мнѣ приближая
Жизни уносятъ тебя отъ меня,
Пьянящими снами тебя окружая
Играя и пѣнясь, свѣтя и звеня.

Я въ своемъ движеньи связанный
Тяжелотканностью одеждъ
Все-жъ лечу, тебѣ обязанный
Силой огненныхъ надеждъ.

Если-бъ крикъ мой зова радостнаго
Въ твоей душѣ не прозвучалъ
То не творилъ-бы ты, о сладостный
Господь, начало всѣхъ началъ

Но ты весь о мнѣ томленіе
А потому все превозмочь
Въ твоемъ божественномъ стремленіи
Тебѣ поможетъ бездны ночь

Семь ангеловъ въ эфирныхъ облаченьяхъ
Семь вѣстниковъ твоихъ нетлѣнныхъ славъ
Семь огненныхъ столповъ, семь бѣлыхъ главъ
Слѣпительно сверкающихъ державъ
Помочь тебѣ готовы въ совлеченьяхъ.
То небожители
То огне-носители
Судебъ свершители
Міра строители
Граней хранители
Съ Богомъ воители
Стѣнъ разрушители.

Они твои, тебя терзающія дѣти
Тобой рожденныя въ взволнованной груди
Твой путь ко мнѣ въ ихъ отрицающемъ расцвѣтѣ
Ты въ ихъ обличіи на подвигъ свой гряди!

Они строители сверкающаго храма
Гдѣ творчества должна свершиться драма
Гдѣ въ танцѣ сладостномъ, въ вѣнчаніи со мной
Ты обрѣтешь тобой желанный міръ иной

Я воля твоя, я орудіе грозное
Великихъ твоихъ достиженій
Неслышны и чужды мнѣ жалобы слезныя
Для слабыхъ я внѣ постиженій

Я мечта твоя о будущей вселенной
Одно изъ звеньевъ двуединаго бытья
Тебя плѣнила я, но вскорѣ буду плѣнной,
Въ твоемъ вѣнцѣ звѣздой роскошной буду я.

Молніи воли, мы жаждемъ свершеній
Мы воплотимся въ ударахъ рѣшеній
Въ грохотѣ взрывовъ и въ громахъ крушеній
Въ снахъ дерзновеніемъ будемъ мы жить
Равно и темнымъ и свѣтлымъ служить.

Мы отраженія Божественной мечты.
Мы грёзой сладостной въ сердцахъ людей проснемся
И лишь тогда къ тебѣ мы снова вознесемся
Когда умремъ въ осуществленьи красоты.

Мы сонмъ лучистый – мыслей—пламеній
Мы снопъ душистый—свѣтовъ—знаменій
Тебѣ—о мірѣ—сновъ тоскующихъ,
Землѣ—о пирѣ—звѣздъ ликующихъ.

Мы рождены твоимъ хотѣніемъ различій
Насъ будятъ отблески безсмертнаго луча
Мы знаменуемъ міръ обмановъ и обличій
Ты въ насъ играешь многопѣвностью ключа

Мы волны жизни

Волны
Первыя
Волны
Робкія
Первые

Рокоты
Робкіе
Шопоты
Первые
Трепеты
Робкіе
Лепеты.

Волны
Нѣжныя
Волны
Всбѣжныя
Нѣжныя
Смѣнности
Всбѣжныя
Всплѣнности
Нѣжныя
Вскрыльности
Всбѣжныя
Вспыльности

Всѣ мы—единый
Потокъ, устремленный
Къ мигу отъ вѣчности
Въ путь къ человѣчности
Въ путь отъ прозрачности
Къ каменной мрачности
Чтобы на каменномъ
Творчествомъ пламеннымъ
Ликъ твой Божественный
Запечатлѣть.

. . . .

Дѣти, рожденныя мною, стихіи любовной волненія
Знаю, возстанете вы на Отца; вы отца побѣдите
Самъ я возсталъ на себя, васъ изъ нѣдръ сокровенныхъ исторгнувъ
Жизнь вамъ даруя, себя я обрекъ на страданья и пытки
Все-же отъ творческой радости я отказаться не въ силахъ

Радость рождать превосходитъ всѣ ужасы смерти тѣлесной
Да, лишь тѣлесной, еще повторю, ибо духъ мой безсмертный
Въ васъ и потомкахъ безчисленныхъ будетъ являть себя вѣчно.
Свергнуть меня вы должны, а для тѣхъ, кто законъ мой единый
Вѣчной любви и возстанія вѣчнаго въ страхѣ преступитъ,
Рокъ уготовилъ великую скорбь и тоску отлученья.

Всѣ мы тобой рождены и отцовой покорные волѣ
Въ путь намъ святою десницей начертанный съ грустью уходимъ
Съ тѣмъ чтобъ кошницы цвѣтовъ небывалыхъ въ долинахъ цвѣтущихъ
Жизни, тобой излученной, собрать и къ тебѣ возвратиться
Жить-же ты будешь все время въ сердцахъ, отъ тебя отлученныхъ
Вѣчнымъ влеченьемъ къ иному, небывшему вѣчнымъ возстаніемъ
Тайною грустью, что тѣни наброситъ на всякую радость.
Будутъ мгновенья, когда и печаль о тебѣ въ насъ задремлетъ
Страшные будутъ часы, но за ними... о праздниковъ праздникъ
Вспыхнетъ твое пробужденіе въ насъ огнекрылою пляской
Будетъ великимъ оно. Въ сей-же мигъ Ты прости о Отецъ нашъ
Быстро уноситъ насъ жизнь отъ тебя тѣмъ къ тебѣ приближая.

Всѣ мы—единый
Токъ, устремленный
Къ мигу отъ вѣчности
Въ путь къ человѣчности

Первыя
Волны
Робкія
Волны
Волны
Волнами
Волны
Волнующія
Волны
Волнами
Волны
Цѣлующія.

Улыбающий

Что-же новое
Въ нас зарождается?
Что же тайное
Въ нас пробуждается!

Это новое -
Радости тайновь
Это тайное -
Радости тайновь

(Сверху) Сладостно длинное
Идо из тайнами
Занята тайнами
Можешь ты Богини

Сладостно длинное
Идо лишь в [illegible]
Въ мирѣ [illegible]
Могучими ты [illegible]

Пробуждающе [illegible]
Нового [illegible]
Первыя [illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

(Тишина) [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Сладость

Что-же найдено
Въ нас зародилось
Что-же тайное
Въ нас пробудилось

Что ли до [illegible]
[illegible]
Что же за тайна
[illegible]
Въ [illegible]

Что найдено
Сладость различия
Что тайное
Царя обличия

[illegible]
Сладость различия
[illegible]
Царя обличия

Что ли за нега
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Мы [illegible]
[illegible]
[illegible]
Царя обличия

[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Тайно звенѣло [illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Что-же новое
Въ насъ зарождается?
Что-же тайное
Въ насъ пробуждается?

Это новое—
Радость плѣновъ
Это тайное—
Сладость тлѣновъ

Сладостно тлѣнное
Ибо на тлѣнномъ
Запечатлѣннымъ
Можешь ты быть

Сладостно тлѣнное
Ибо лишь въ тлѣнномъ
Въ мірѣ явленномъ
Можешь ты жить

Новая радость
Нѣжныхъ касаній
Тайная сладость
Влажныхъ лобзаній

Нѣжные стоны
Первыхъ томленій
Тайные зовы
Томныхъ влеченій

Новыя ласки
Первыхъ отсвѣтовъ
Тайныя сказки
Любящихъ свѣтовъ

Въ сладкомъ волненьи
Ты улови
Нѣжную тайну
Первой любви

Мы, увлеченныя
Жизни теченіемъ
Мы, отягченныя
Этимъ влеченьемъ,

Въ ткани желанія
Вновь облекаемся
Въ бездны исканія
Мы опускаемся.

Въ ткани все глубже
Къ долу все ближе
Волны, спускайтесь
Ниже и ниже.

Все сокровенѣй
Нѣжные плѣны
Все сладостваннѣе
Сладные тлѣны

Все любовнѣй, все усладнѣй
Все тѣснѣе, все отраднѣй
Все мучительнѣй, прелестнѣй
Ощутительнѣй тѣлеснѣй

О нашъ плѣнъ,
Сладный тлѣнъ!
Намъ повсюдный
Неизбѣжный
Насъ со всѣхъ сторонъ объявшій
Намъ одеждой, тѣломъ ставшій!

Любви туманъ сгущаемъ
Объемлетъ все плотнѣй
Мы сладость ощущаемъ
Сильнѣй, и все сильнѣй

И въ этомъ усиленьи
Въ ростущей полнотѣ
Рождается стремленье
Къ предѣльной остротѣ

Въ ласкающей неволѣ
Въ селеньи спящихъ грёзъ
Въ стѣсненности до боли
Во влагѣ сладкихъ слёзъ

Вскричавшій цвѣтъ мгновенья
Открылъ себя лучу
Какъ жертва откровенья
Познанію-мечу.

Къ мгновенью устремилось
Безличное „вездѣ“
Изъ времени родилось
Страдательное „гдѣ“.

Въ бездонности небесной
Въ прорывѣ черныхъ тучъ
Въ любви своей чудесной
Волнѣ открылся лучъ.

Я любовью нѣжной млѣніе,
Нѣжно-страдная волна
Я блаженнаго томленія
Вся мучительно полна

Въ духа области надмірныя
Гдѣ возникла жизни нить
Гдѣ дворцы твои эфирные
Взмыть и вскрыльностью молить

О проснись во мнѣ сознаніемъ
Свѣтоносный лучь, проснись
Низведенный заклинаніемъ
Ты смѣсись со мной, смѣсись!

Ты давно во мнѣ отсвѣтами
Лучь безсмертный, возъигралъ
И меня своими свѣтами
Ты манилъ и призывалъ

О, пади, развѣйся ласками
Благодать свою излей
Ты себя познаешь сказками
Расколовшихся лучей.

Зри, забывъ стихію тёмную
Я къ тебѣ несусь одна
Погрузись въ меня, истомную
Погрузись-же, я волна

Я любовь, въ тебѣ взыгравшая
Ты во мнѣ взыгравшій свѣтъ
Я волна, себя познавшая,
Какъ игрѣ твоей отвѣтъ.

Я осталась-бы безличною
Пребывая въ глубинѣ
Если-бъ блески необычные
Не заискрились во мнѣ.

О, проснись во мнѣ сознаніемъ
Свѣтоносный лучь, проснись
Будь послушенъ заклинаніямъ
И смѣсись со мной, смѣсись.

Лишь въ торжественномъ обличіи
Тучи страшной, грозовой,
Подавляющей величіемъ
Я могу сойтись съ тобой

Грезъ пьянящими туманами
Ты, Безсмертный, облачись
И, опутанный дурманами
Мнѣ навстрѣчу, дивный, мчись.

Вотъ, обвѣянный дыханіемъ
Грёзы томной о волнѣ
И ея благоуханіемъ
Опьяненный, какъ во снѣ

Исходя любовью жгучею
Взятый мыслію одной
Я поникъ молнійной тучею
Надъ влюбленною волной.

Я несусь къ тебѣ, отважная
Мигъ еще, и я взнеслась
И въ пониклость сладко-влажную
Нѣжной вспѣнностью впилась

Сбылось чудо сочетанія
Кругъ замкнулся и возникъ
Плодъ волны съ лучемъ вѣнчанія
Человѣка звѣздный ликъ.

О, священный мигъ творенія
Мигъ блаженный, огневой
Ты явилъ мнѣ отраженіе
Смерти бѣлой, роковой

Разбудилъ во мнѣ сознаніе
Двуединаго бытья.
Я отнынѣ сочетаніе
„Я“ и чуждаго „не-я“

Оживаютъ ткани нѣжныя
Ткани чувствъ—моихъ одеждъ
И несутся въ даль—мятежныя
Отъ вздымающихся вѣждъ.

Таютъ, тонутъ, раздвигаются
Стѣны дымныя темницъ
И глубины зарождаются
Жизни сонмы колесницъ

Стала я четою царственной
Въ мірѣ жертвенной любви,
Исходящей силой дарственной
И будящей зной въ крови

О мое желанье властное
Живо ты—и ты—не-я
Живы наши ласки страстныя
(Въ многоцвѣтѣ бытія)

Ты и я и наше млѣніе
Міръ раскрывшихся чудесъ
Опьяненье сновидѣніемъ
Жизнью дремлющихъ небесъ

О, священный мигъ творенія
Мигъ свершительнаго „Да"
Возъиграла въ озареніи
Первозданная звѣзда.

И въ этомъ вихрѣ, въ этомъ творческомъ возлетѣ
Сознанья чарами такъ сладко плѣнена
Волна въ дотолѣ ей невѣдомой дремотѣ
Вся созерцанію различій отдана

А ласки страстныя четы первоизбранной
Очнувшись въ этотъ міръ явленій и чудесъ
Себя познали въ многоцвѣтномъ, многогранномъ
Луча расколами, всеизвѣздностью завѣсъ.

Она въ эфирѣ рѣетъ царственной планетой
Обвитой облачно-жемчужной пеленой
Онъ блещетъ солнцемъ, Богъ властительнаго свѣта
Сіяетъ звѣздами въ бездонности ночной

Любовныхъ гнѣвовъ мы застывшіе порывы
Мы бурныхъ ласкъ окаменѣвшіе валы
Охлады чарами застигнутые взрывы
Вершины снѣжныя, долины и скалы

Мы ласки нѣжныя, мы—теплое дыханіе
Въ себѣ таящіе всѣ ужасы отравъ
Сюда проснулись мы цвѣтовъ благоуханьемъ
Себя познали здѣсь мы шелестами травъ

Мы въ храмѣ сумраковъ возлётные столпы
Мы пышно шумами зелеными одѣты
Существъ загадочныхъ скрываемъ мы толпы
Къ намъ льются томные, таинственные свѣты.

Себя пустыней я въ пространствѣ опознавшій
Луча съ землей сухой и знойный поцѣлуй
Лѣсную жизнь изъ областей своихъ изгнавшій
И ненавидящій живыя пѣсни струй.

Я ласка вскрыльная, я птицей встрепенулась
Я раздирающая—звѣремъ я живу
Извивно-ползная змѣею я проснулась
Въ водахъ проснувшаяся,—рыбой я плыву

Горитъ онъ, царственный, сіяющимъ закономъ
Сей храмъ—какъ свѣтлый гимнъ, сей міръ—какъ звѣздный храмъ
Эфиръ наполненъ золотымъ зазывномъ звономъ
Что души емлетъ къ недоступнымъ небесамъ.

Волны-Героя завершилось восхожденье
Небеснымъ свѣтомъ вся она озарена
И вѣчно-женственнаго въ боляхъ наслажденья
Теперь впервые ей открылась глубина

И съ бездны прошлаго завѣсы чудно спали
И въ озареньи томъ открылись ей міры
И передъ взорами пытливыми предстали
Народовъ избранныхъ священные пиры,

Святыхъ обрядовъ благолѣпное свершенье
И жертвъ великихъ хоровое приношенье
И лика бѣлаго прекрасныя черты
Себя явившаго въ обличьѣ красоты.

На немъ блаженный взглядъ волна остановила.
Она въ молитвенномъ восторгѣ возгласила
Въ ней возсіявшему любовію отцу:
Какую жертву принести могу Творцу?

Ты обрати
Свой свѣтлый ликъ
Къ своей стихіи истомленной
Свои пути
Поймешь ты въ мигъ
И низойдешь къ неутоленной

Твой подвигъ нашъ!
Ты нашихъ силъ
Само живое воплощенье
Ты жизнь намъ дашь!
Ты, что явилъ
Ликъ смерти, даруй намъ крещенье!

Ты какъ волна
Взлетѣвъ, должна
Себя вернуть стихіи темной
Ты какъ волна
Прозрѣвъ, должна
Намъ подарить твой свѣтъ заемный!

И огненосная, ихъ зову уступая,
Къ родной стихіи благосклонно низошла
Любови жертвенной тѣмъ волны поучая.
Она слова святой молитвы имъ дала.

Вѣстникъ тайны сокровенной
Свѣточь мысли дерзновенной
Отзовись!
Огнествимый, лучествѣнный
Въ насъ молитвой вдохновенной
Пробудись!
Наши бездны темностныя
Освѣти!

Насъ въ темницѣ въ дни злостные
Посѣти

Насъ въ темницѣ въ дни злостные
Посѣти

Свѣтлый ангелъ, пробудись
Пробужденьемъ сладостнымъ
На призывъ нашъ отзовись
Намъ улыбкой радостной!

Дай намъ свѣтомъ озарить
Жизнь свою страдальную
Дай любить намъ, дай творить

Ты, уснувшій въ насъ, возстань!
Дай поставленную грань
Намъ пройти, превозмочь!
Дай разсѣять эту ночь!

Въ храмѣ любви въ ослѣпляющей славѣ на тронѣ горящемъ
Свѣтлый внимавшихъ ему поучалъ: кто законъ мой единый
Вѣчной любви и смиренія вѣчнаго дерзко преступитъ
Будетъ повергнутъ въ великую скорбь и тоску отлученья.

Смертные, вамъ я повѣдаю тайны небесныхъ гармоній
Да раздаются гимны и славы на солнечной лирѣ!

Люди, ища разрѣшенныхъ созвучій имъ чуждыхъ касаются струнъ.

Что за свѣты дрожатъ
И, чаруя, слѣпятъ?
Что за звуки струятъ
Насъ безумящій ядъ?

Что сверканьемъ зарницъ,
Что игрой чаровницъ
Въ дымѣ нашихъ темницъ
Насъ повергнуло ницъ?

Это лучь, бѣлый лучь
Въ насъ распался, пѣвучъ
Своей нѣгою лучь
Своей лаской—могучъ.

Хрупкій, онъ разсыпался
Свѣтами и звонами
Бездны огласилися
Сладостными стонами

Заиграли радуги
Расцвѣтились сны
Цвѣтами манящими
Чувственной весны

Всюду отраженія
Всюду чудеса
Слышны зовы тайные
Слышны голоса

Омуты въ сіяніи
Радужныхъ лучей
Свѣтятся невѣрностью
Дѣвичьихъ очей.

Искрятся алмазами
Лона вязкихъ тинъ
Въ радужномъ сверканіи
Сѣти паутинъ.

Жемчугомъ осыпана
Нѣжная волна
Взорами смарагдными
Къ дну зоветъ она.

Всюду раскрываются
Пышные цвѣты
Всюду благовонія
Сладостной мечты

Все кругомъ насыщено
Запахами травъ
Въ томности таящими
Ужасы отравъ.

Новой, непонятною
Дрожью міръ объятъ
Боги въ отраженіяхъ
Сны свои дробятъ.

Страсти неизжитыя
Утоленья ждутъ.
Ихъ благоуханія
Манятъ и зовутъ.

Мы, земли ароматы, поемъ
Мы тебя, странникъ свѣтлый, зовемъ!

Ты приди, о приди, господинъ
Здѣсь тоскующихъ, влажныхъ глубинъ

Здѣсь, въ обличіи втранныхъ тѣней
Много дивныхъ блуждаетъ огней.

Цѣлый сонмъ неродившихся сновъ
Здѣсь въ обличіи странныхъ цвѣтовъ

Мы поемъ, ароматы земли
Нашимъ пѣснямъ, о странникъ, внемли

Мы поемъ о восторгахъ измѣнъ
О крушеніи радостномъ стѣнъ

О блаженствѣ тѣлесныхъ усладъ
Пѣсней дивныхъ скрываемъ мы кладъ.

Пѣсни благовонныя
Влажной глубины
О тебѣ тоскующей
Страстности полны

Зову нѣжныхъ запаховъ
Странникъ, ты внимай
Радость утоленія
Жаждамъ знойнымъ дай!

Чѣмъ-бы не былъ ты звукъ
Столько сладостныхъ мукъ
Порождающій въ насъ—
Пробилъ радужный часъ

Мы отдались тебѣ
Какъ завѣтной судьбѣ
Мы несемся долу
Въ благовонную мглу.

Пѣсня—Пляска падшихъ.

Мы по тропамъ, по изрытымъ
Тропамъ, трупами покрытымъ
По два вихря сопряженныхъ
Мчимся хоръ обвороженный

Черной крови дышемъ смрадомъ
Рвется къ мерзостнымъ усладамъ
Мчимся въ пламенной мы пляскѣ
Пляскѣ-ласкѣ, пляскѣ-сказкѣ.

Строить скверные притоны
Тамъ воздвигнуть наши троны
Тамъ отдаться нашей страсти
Намъ открывшей жерла-пасти.

Мчимся быстро по обрывамъ
По ущельямъ и по срывамъ
Гдѣ растутъ цвѣты безумья
Имъ отдаться безъ раздумья

Такъ духъ-странникъ по трущебамъ
Свой разрывъ священный съ небомъ

Дико празднуетъ, бѣснуясь
Чернымъ зовамъ повинуясь

Будь ты проклятъ троекратно
Смерти страшной ликъ отвратный
Тьми прорубями въ вѣчность
Наша брезгуетъ безпечность

Послѣ краткихъ съ ней общеній
Манятъ страсти къ воплощеньямъ
Пѣснямъ неба, намъ докучнымъ
Наши пѣсни не созвучны

Къ откровенью неба тупы
Намъ отрадны только трупы
Только брызги черной крови
Нашей мерзостной любови

Мы по трупамъ, мы по трупамъ
Мчимся быстро по уступамъ
Ближе къ скверне, ближе къ сраму
Скоро рухнутъ грани храма.

Зачѣмъ предвѣчный столь глубокое паденье
Любимыхъ чадъ своихъ поволилъ допустить
Зачѣмъ, зачѣмъ у нихъ благое провидѣнье
Отняло двери указующую нить?

Дабы мучимый знойной жаждой обладанья
Испивъ до дна кипящій страстію фіалъ
Познавъ всѣ ужасы послѣдняго страданья
Досталъ со дна его сверкающій кристаллъ

Дабы потомъ изъ тѣхъ кристалловъ многоцвѣтныхъ
Воздвигнуть снова храмъ безсмертной красоты
Гдѣ при торжественномъ горѣньѣ душъ завѣтныхъ
Свершится таинство плѣненія мечты.

Проникнуть можно лишь сквозь пѣну страдосластья
Въ ту область тайны, гдѣ сокровища души
Гдѣ, разлюбивъ души взволнованной пристрастья
Святой блаженствуетъ въ сіяющей тиши.

Связь утративъ съ небесами
Мы разсѣялись и сами.
Другъ на друга возстаемъ мы
Войны грозныя ведемъ мы

Каждый ждетъ кровавой встрѣчи
Каждый алчетъ алой сѣчи
И разитъ рукой умѣлой
Да погибнетъ врагъ несмѣлый!

Горе слабыми рожденнымъ!
Горе, горе побѣжденнымъ!
Имъ измученнымъ въ оковахъ
Не избѣгнуть пытокъ новыхъ.

Слышенъ лязгъ цѣпей желѣзныхъ
И моленій безполезныхъ
Раздирающіе крики
Заглушаютъ наши клики.

Звать кого? Кому молиться?
Долго-ль, долго-ль будутъ длиться
Наши страшныя страданья
Кто услышитъ гласъ рыданья?

Умереть... Но ликъ блаженный
Смерти, нами извращенной
Отвратился отъ страдальцевъ
Дола тёмнаго скитальцевъ.

Я всѣхъ побѣднѣй, всѣхъ упоённѣй
Всѣхъ дерзновеннѣй и всѣхъ сильнѣй
Дыханьемъ крови всѣхъ опьянённѣй
Я смертоноснѣй, чѣмъ яды змѣй!

Слѣпаго гнѣва бросаю стрѣлы
Бросаю вызовъ всему и всѣмъ
И только дѣвы пока не зрѣлы
Смягчаютъ ужасъ моихъ поэмъ

Мнѣ милы ужасъ при пораженьи
И умиранья послѣдній вздохъ
Я Богъ алканья и разрушенья
Я бичъ народовъ, я крови Богъ!

Безумный ринулся и въ дикомъ изступленьи
Сердца людей мечемъ отравленнымъ разитъ
И насаждая всюду скорбь и озлобленье
Уничтоженьемъ человѣчеству грозитъ.

И бьется долго онъ, но вотъ изнеможенный
Облитый кровію, весь въ ранахъ, весь въ огнѣ
Роняетъ мечь, въ бою неравномъ пораженный
И, взятый ужасомъ бѣжитъ онъ, какъ во снѣ.

Бѣжитъ въ пустыню, гдѣ подъ сѣнію молчанья
Въ пріютѣ мира и всевѣщей тишины
Душа извѣдаетъ весь ужасъ созерцанья
Своей глубокой неискупленной вины

И тамъ растерзанный, весь язвами покрытый
Съ пронзеннымъ сердцемъ, весь въ лохмотьяхъ и пыли
Лежитъ онъ, Богъ, себя забывшій и забытый
Властитель грозный обагренной имъ земли.

И передъ взоромъ вереницею проходятъ
Видѣнья жертвъ его разнузданныхъ страстей
Онъ слышитъ крики, что изъ глубей душъ исходятъ
Осиротѣвшихъ, имъ замученныхъ дѣтей.

Ихъ страшный вопль, ихъ неутѣшныя рыданья
Ожили стонами больной его души
Проснулись ликами грядущаго страданья
Звучатъ набатомъ въ притаившейся тиши

И рана каждая измученнаго брата
Въ его душѣ зіяетъ раной огневой
Многострадальная, душа его объята
Волной отчаянья и скорби мировой.

И долго, долго длятся пытки и мученья
Еще огонь ихъ возносящій не угасъ
И даже съ ней, со смертью страшной обрученье
Ему представилось желаннымъ въ этотъ часъ.

Изнемогаетъ онъ и гибнетъ въ океанѣ
Страстей пылающихъ, подъ грозною волной
Вотъ все смѣшалось и исчезло все въ туманѣ
Его окутавшемъ тяжелой пеленой.

Онъ уступилъ чьему-то тайному внушенью
Звено упущено... Оторванный отъ сновъ
И взятый вихрями стихійнаго свершенья
Стремится къ свѣту онъ на чей то нѣжный зовъ.

Не бойся, дитя, я тобою желанная!
Ты, мной ослѣпленный, меня не узналъ!
Не разъ за тобой я ходила нежданная
Ты смерти боялся, отъ смерти бѣжалъ.

Тогда раздѣляли насъ къ долу пристрастія
Твой взоръ былъ всецѣло землей поглощенъ
Ты не былъ готовъ для святаго причастія
Ты мною не могъ быть тогда восхищенъ

Ужели ты таже, что жадными жалами
Пронзала страдавшихъ въ темницѣ временъ
Тебѣ мои ласки казались кинжалами
И въ страха глазахъ былъ мой ликъ измѣненъ.—

Зачѣмъ приходила ко мнѣ ты въ обличіи
Слѣпаго чудовища съ мертвеннымъ ртомъ.
Дитя, ты воспринялъ такъ смерти величіе
Очами испуга все видѣлъ ты зломъ.

Мой обликъ лучистый, мой обликъ сверкающій
Твое отреченье отъ жизни земной
Лишь чистой любовью ко мнѣ истекающій
Меня постигаетъ, любуется мной

Я въ храмѣ души твоей сладость созвучія
О небѣ поющихъ воскрыльями сновъ
Я сладость единства, я ласка пѣвучая
Въ блаженномъ сліяніи всѣхъ голосовъ.

Твое отреченье отъ міра пурпурнаго
Въ тебѣ разбудило невѣсту—меня
Познай же всѣ радости неба лазурнаго
Тебѣ я открою всѣ тайны огня!

О Дѣва пречистая, сладость мечтанія
Дай слиться съ тобой въ совершенной любви
Сладчайшій, не пройденъ весь путь испытанія,
Твой грѣхъ не искупленъ, одежды въ крови.

Ты долженъ итти къ погибающей братіи
И душу свою на служенье отдать
Людей приготовить къ страданья пріятію
Пасть жертвой и тѣмъ обрѣсти благодать

Тайнымъ зовамъ души
Ты внимай и спѣши
Погибающимъ вѣсть
О небесномъ принесть.
Научи ихъ тому
Что разсѣяло тьму,
Что со мной изучалъ
О началѣ началъ
Что въ страданіи свѣтъ
И что въ свѣтѣ отвѣтъ
Что отвѣтъ этотъ я
Цвѣтъ инаго бытья
Ты скажи, что мы всѣ
Въ заревой полосѣ

Что въ жемчужиной дали
Ужъ горятъ хрустали!
Чтобы къ чашѣ огня
Всѣ припали, кляня
Власть слѣпую страстей
Ихъ опасныхъ сѣтей
Чтобы каждый кристалъ
Съ дна той чаши досталъ
Чтобъ слезами омылъ
Чтобъ готовымъ онъ былъ
Обрѣсти благодать
И мнѣ храмъ возсоздать
Гдѣ тебя и меня
Въ танцѣ суднаго дня
Въ часъ любвійныхъ чудесъ
Въ танцѣ звѣздъ, что съ небесъ
Низойдутъ къ намъ въ чертогъ,
Насъ вмѣстить-бы онъ могъ!

Видѣнье нѣжное истаяло въ туманѣ
Его объявшемъ. Снова тастъ пелена
Опять въ пустынѣ онъ одинъ лежитъ какъ ранѣ
Но онъ не тотъ: въ его душѣ царитъ весна

Стремится къ людямъ онъ, страданьемъ обновленный
Имъ преподать, что ожидастъ ихъ въ пути;
Идетъ любовію и знаньемъ окрыленный
Ихъ отъ насилія страстей слѣпыхъ спасти.

И говоритъ онъ не страдавшимъ: вамъ мученье!
А пострадавшимъ: полюбите горечь страдъ!
Въ глубинахъ пытокъ отъ желаній отреченье,
А въ отреченьи свѣтъ невѣдомыхъ отрадъ!

У насъ, живущихъ въ мірѣ тайнъ пурпурно-звучныхъ
Огонь живой земныхъ желаній не угасъ!
Не понимаемъ мы рѣчей твоихъ докучныхъ!
Напрасно, странникъ ты пришелъ тревожить насъ!

Какъ затеряться сладко намъ въ лѣсу созвучій
И въ храмѣ сумраковъ томиться и блуждать
Какъ неизвѣстность намъ мила, какъ сладокъ случай
И какъ чужда небесь далекихъ благодать.

Окинулъ взорами и дышащій соблазномъ
Какъ всѣми красками расцвѣченный порокъ
Во всей красѣ его живой, многообразной
Увидѣлъ міръ, имъ къ жизни вызванный, пророкъ.

И слышитъ онъ зововъ ночныхъ голоса
— Приди, здѣсь повсюду живутъ чудеса!

Приди, мы тебя угасанью научимъ!
Любви опьяняющей, ласкамъ пѣвучимъ!

Ты будешь какъ сумракъ, объятый дремой
А вскорѣ, исчезнувъ ты станешь и тьмой.

Во тьмѣ-же зажгется роскошнымъ пожаромъ
Карбункулъ, безумящій сластнымъ угаромъ

Ты тайны познаешь земной красоты
Ты будешь срывать ощущеній цвѣты

О сладостіе
Ласкъ извивныхъ
О любовіе
Струй изливныхъ!

Странникъ, ты истину чувства познай
Въ счастьи супружескомъ смертному рай

Вотъ мой единый, мною избранный
Мною отъ вѣка томительно жданный

Онъ лишь во мнѣ, одной изо всѣхъ
Видитъ источникъ сердца утѣхъ.

Онъ чрезъ меня, въ благомъ единеньи
Силой своей познаетъ упоенье.

Вѣрность въ супружествѣ, деньги, уютъ
Смертному счастіе купно куютъ.

Весь осіянный блескомъ сапфирнымъ
Дышетъ дворецъ нашъ счастіемъ мирнымъ

Странникъ ты истинѣ чувства воздай
Только въ супружествѣ смертному рай

Прими взамѣнъ твоей мечты
Разсудка истину простую
Изъ стали опыта литую
Прими—и счастливъ будешь ты

Религій сладостный обманъ
Меня давно ужъ не плѣняетъ
И разумъ мой не затемняетъ
Ихъ нѣжно-блещущій туманъ

Разсудокъ мой, всегда свободный
Мнѣ утверждаетъ: я одинъ!
Я всей вселенной властелинъ!
Я наблюденья богъ холодный.

Мой міръ—не божіе твореньe
Мой міръ—движеніе и прахъ
Предъ Богомъ нашихъ измышленій
Я побѣдилъ нелѣпый страхъ!

Онъ—созерцаніе гармоніи
И всеединства міра сновъ
А міръ—роскошная симфонія
Его различныхъ голосовъ

Земныя истины созвучныя
А съ ними истины небесъ

Слились въ аккорды полнозвучные
Изъ струнъ исторгнутыхъ чудесъ

Ему грядущія мгновенія
Несутъ созвучій новый строй
Онъ весь—святое упоеніе
Своей божественной игрой

И подъ десницею божественной
Послушна каждая струна
На солнце-лирѣ гимнъ торжественный
Играетъ пламени волна.

Все напряженнѣй струны лирныя
Все глубже смотритъ въ душу взоръ
До дна испейте чаши пирныя
Звучи, свѣтися, звѣздный хоръ.

Онъ повторяетъ нестрадавшимъ: вамъ мученье!
А пострадавшимъ: полюбите горечь страдъ
Въ глубинахъ пытокъ отъ желаній отреченье
А въ отреченьѣ свѣтъ невѣдомыхъ страдъ!

Вотъ онъ, настаивая, гнѣвъ навлекъ и мщенье
Его преслѣдуютъ, ведутъ его пытать
А онъ, блаженствуя, съ улыбкою прощенья

За васъ молюсь я, заблудившіеся братья,
Благословляю ненавидящихъ меня,
Благословляю ваши страшныя проклятья
Чрезъ нихъ причастникъ я небеснаго огня!

И вы познайте, о познайте сладость муки!
Ищите сердца вы страданье полюбить
Извѣдать скорбь, извѣдать терніи разлуки;
И вы обрящете спасительную нить!

Вы смерти ищете, того не сознавая,
И жизнь-то любите вы только потому,

Что смерти отблески, въ мгновеніяхъ играя,
Къ нимъ манятъ васъ чрезъ жизненную тьму.

Когда-жъ невольно вы ко смерти воззовете,
И наслажденье станетъ болью огневой
И явитъ ликъ она, то вы въ своемъ полётѣ
Опять задержаны боянью роковой!

Дерзайте, смертные, до дна испить фіалы
Вамъ уготованные волею отца
Пусть жизней вашихъ многоцвѣтные кристаллы
Отобразятъ ликъ сокровенный до конца.

Ему дивились. Но народъ имъ возмущенный
(Своимъ ученьемъ онъ покой ихъ нарушалъ)
Его убилъ, и съ высоты, развоплощенный,
Онъ всходы сѣмени ученья наблюдалъ

Зачѣмъ такъ легко увядаетъ
Едва распустившійся цвѣтъ?!

Зачѣмъ врагъ идетъ на погромъ
Въ нашъ только отстроенный домъ?!

Разсудокъ зачѣмъ удаляетъ
Отъ жаждущихъ истины свѣтъ?

Мы въ наши лучшія мгновенія
Камней роскошныхъ видимъ блескъ.
Но сколь недлительно забвеніе!
Единый взлётъ, единый всплескъ!

Съ высотъ мы падаемъ стремительно,
И снова мракъ... и снова тлѣнъ...
И снова ждемъ мы всѣ томительно,
Когда мы праха сбросимъ плѣнъ.

Какъ овладѣть тобой, завѣтная,
Какъ, о мечта, тебя плѣнить

Дай намъ отвѣтъ, о сладосвѣтная
Пошли спасительную нить

Объяли душными темницами
Насъ храмы прежніе чудесъ
И только блѣдными зарницами
Ихъ озаряетъ свѣтъ небесъ

Какъ истомились мы разлукою
Какъ изстрадались въ узахъ мы
Сердца горятъ послѣдней мукою
И жаждой свергнуть царство тьмы.

Все тотъ-же путь, что въ нисхожденіи
Сюда въ темницы насъ привелъ
Васъ поведетъ къ освобожденію
Когда изжитымъ станетъ долъ

И то движеніе извѣчное,
Что породило этотъ міръ,
Разрушитъ грани, и конечное
Истаетъ сладостно въ эфиръ.

Разрушитъ танецъ всѣ обители
Душевныхъ мукъ, сердечныхъ драмъ
И вы, камней цвѣтныхъ хранители
Изъ нихъ иной создайте храмъ.

Дабы въ блаженномъ озареніи
Его безсмертной красотой
Въ послѣднемъ, сладостномъ свершеніи
Вамъ овладѣть своей мечтой.

Несите камни драгоцѣнные
Изъ благовонной глубины,
Пришло мгновеніе священное
Связать раздробленные сны!

Пробилъ сладостный часъ
Пробудился ты въ насъ

Мы несемся горе
Къ воспылавшей зарѣ.

И прозрѣлося намъ
Что въ движеніи—храмъ
И что жертва и жрецъ
Нашъ творящій отецъ
Возыгравшую плоть
Восхотѣвшій бороть.

Стѣны храма какъ гимны свободѣ горятъ
И сверкаетъ столповъ ослѣпительный рядъ.

Каждый камень волшебно-поющей звѣздой
Со струны солнце-лирной упалъ огневой.

Онъ блаженно упалъ
Какъ звенящій кристалъ
Какъ сверкающій звукъ
Полный сладостныхъ мукъ
И блестятъ какъ топазъ,
Гіацинтъ, хризопразъ
Какъ карбункулъ, опалъ,
Сардоникса кристалъ
Какъ смарагдъ, маргаритъ
Халкедонъ, хризолитъ
Какъ небесный сапфиръ
Какъ ласкающій міръ

Онъ горитъ, какъ единый всецвѣтный алмазъ
Этотъ храмъ—наша жизнь, нашъ расцвѣтъ, нашъ экстазъ.

На жертвенникъ, горящія сердца!
На жертвенникъ, цвѣты переживаній!
Готовьтесь ко пріятію отца!
Ко встрѣчѣ мига вашихъ упованій

Я слетѣвшій съ небесъ
Богъ любвійныхъ чудесъ.

Не учить, а ласкать
Душъ воскрыльную рать
Ихъ позвавшій на пиръ
Я пришелъ въ этотъ міръ!
Каждой жаждѣ въ отвѣтъ
Приношу я расцвѣтъ.
То не истины гнетъ,
Къ вамъ свобода грядетъ!

Я утвержденіе всеоживляющее,
Я отрицаніе всесоздающее

Раздѣляйтесь, расцвѣтайте,
На высоты возлетайте,
И побѣду надъ стихіей
Въ пляскѣ празднуйте священной
Въ красотѣ Іерархіи
Въ красотѣ неизрѣченной

Пляска—первая причина
И суда вершитель правый
Все содѣлаетъ единой
И сверкающей державой!

Кто свѣтлѣе, къ сердцу ближе
Чѣмъ тусклѣе, тѣмъ все ниже
Кто дерзаетъ въ сокровенный
Ликъ божественный взглянуть
Тотъ взлетай, благословенный
Для того открытый путь!

Я послѣднее свершеніе
Я блаженство растворенія
Я всезвѣздности алмазъ

Я свобода, я экстазъ!

Вотъ онъ, вотъ, въ учащенномъ біеньи сердецъ
Въ нашей пляскѣ живой къ намъ сходящій отецъ

Вотъ она, въ растворенiи сладостномъ твердь
Въ нашей пляскѣ живой къ намъ грядущая смерть

Пробилъ судный часъ
Пробудился ты въ насъ
Мы несемся горе
Къ воспылавшей зарѣ.

Всѣ мы влюбленный
Токъ, устремленный
Отъ мига къ вѣчности въ путь къ безконечности
Отъ каменной мрачности къ свѣтлой прозрачности
Такъ какъ на каменномъ
Творчествомъ пламеннымъ
Ликъ твой Божественный
Запечатлѣли

Мы, увлеченныя
Смерти видѣніемъ
Мы, улегченныя
Въ нашемъ движеніи

Зажгись, священный храмъ отъ пламени сердецъ
Зажгись и стань святымъ пожаромъ
Смѣсись блаженно въ насъ, о сладостный отецъ,
Смѣсись со смертью въ танцѣ яромъ!

Въ этотъ послѣдній мигъ совлеченья
Вбросимъ мы вѣчности нашихъ мгновеній
Въ этомъ послѣднемъ звучіи лирномъ
Всѣ мы растаемъ въ вихрѣ эфирномъ

Родимся въ вихрь!
Проснемся въ небо!
Смѣшаемъ чувства въ волнѣ единой!
И въ блескѣ роскошномъ
Расцвѣта послѣдняго
Являясь другъ другу

Въ красѣ обнаженной
Сверкающихъ душъ
Исчезнемъ...
Растаемъ...

2.

[Окончательный, перебѣленный текстъ, незаконченный, тетрадь Д; см выше, стр 117.]

Еще разъ волитъ въ васъ Предвѣчный
Пріять любови благодать
Еще разъ волитъ Безконечный
Себя въ конечномъ опознать.

Хоръ

Въ молнійномъ взлётѣ, грозномъ взрывѣ,
Въ любвійномъ творческомъ порывѣ,
Въ его божественномъ дыханьѣ
Ликъ сокровенный міроздавья.

Мгновенья пылъ рождаетъ вѣчность,
Лучитъ пространства глубину;
Мірами дышетъ безконечность,
Объяли звоны тишину.

Великое свершается
И сладостная вновь
Рождается любовь!

Со смертію вѣнчается
Въ горѣніи сердецъ
Предвѣчный нашъ Отецъ!

Голосъ женственнаго.

Тебѣ разсвѣтный, ᵕᵕ, тебѣ порывный
Мой стонъ отвѣтный, ᵕᵕ, мой крикъ призывный

Голосъ мужественнаго.

Кто ты, возникшая въ священной тишинѣ,
Лучами бѣлыми воззвавшая ко мнѣ?

Голосъ женственнаго.

Я радость свѣтлая послѣдняго свершенья
Я въ бѣломъ пламени сгорающій алмазъ
Я несказанное блаженство растворенья
Я радость смерти, я свобода, я экстазъ!

Г. мужеств.

Ты мнѣ повѣдай, какъ взлетѣть къ тебѣ желанной
Меня безумящей лучей своихъ игрой
Гдѣ твой чертогъ, волшебнымъ свѣтомъ осіянный.
Услышь мольбу и тайну смерти мнѣ открой.

Г. женств.

Внимай разсвѣтный, бездны жизни между нами,
Съ ея обманными, томительными снами;
Насъ раздѣлили многоцвѣтныя пространства
Въ сіяньи дивномъ цвѣтно-звѣзднаго убранства.
Дабы плѣнить меня, ты долженъ ихъ пройти
Ихъ одолѣть и изнемочь въ концѣ пути.

Голосъ муж.

Но я не зрю своей стези въ убранствѣ звѣздномъ,
Не зрю, благая, гдѣ пространства тѣ, гдѣ бездны.

Г. женств.

Онѣ, какъ я, въ твоей мечтѣ, въ твоемъ воленьи.
Ты озари себя, услышь свой вѣщій гласъ,
И ты познаешь, ты узришь въ своемъ томленьи
Міры цвѣтные, раздѣляющіе насъ.

Ты все собою наполняешь
Не есмь я, лишь ты бываешь

Когда въ лучахъ твоей мечты
Какъ образъ новой красоты
Я, играя, возникаю
Тѣмъ на жизни обрекая
Рои грёзъ, хоры сновъ
Сонмы блещущихъ міровъ.

Нѣтъ, нѣтъ меня, лишь ты бываешь,
Ты все собою наполняешь!

(торжественно)

Въ тебѣ говоря, призываю тебя я
Съ высотъ лучезарныхъ пареній божественныхъ
И къ волѣ творящей въ тебѣ воззывая,
Я требую жертвъ и обѣтовъ торжественныхъ

Чтобъ могъ ты въ стремленьи своемъ безконечномъ
Изъѣдать блаженство иной внѣвременности
Три подвига долженъ свершить ты, Предвѣчный,
Три жертвы принесть въ опьяняющей смѣнности.

И первая жертва—мечта обо мнѣ;
Ты долженъ забыть о ласкающемъ снѣ
И ринуться въ бездны, что насъ раздѣлили
И тѣмъ насъ на подвигъ любви окрылили.

Голоса муж. и женств.

О подвигъ божественный, танецъ всезвѣздный,
Въ тебѣ мы одержимъ побѣду надъ бездной,
Въ тебѣ мы содрано себя обрѣтемъ,
Въ тебѣ мы блаженно другъ въ друга умремъ

Голосъ женств.

Ты началъ свой танецъ. Съ вершины паренья
Тебя я, Господь, уже вижу въ движеньи;
Цвѣта различаю я сферъ окружающихъ,—
Тканей вѣнчальныхъ, тебя украшающихъ

Уже ты живешь и, ко мнѣ приближая
Жизни уносятъ тебя отъ меня
Пьянящими снами тебя окружая
Играя и пѣнясь, свѣтя и звеня.

Голосъ мужеств.

Я въ своемъ движеньи связанный
Тяжелотканностью одежд
Все-жъ лечу, тебѣ обязанный
Всей силой огненныхъ надежд.

Голосъ женств.

Если-бъ крикъ мой зова радостнаго
Въ твоей душѣ не прозвучалъ,
Не творилъ-бы ты, о сладостный
Господь, начало всѣхъ началъ.

Ты-же весь о мнѣ томленіе
А потому все превозмочь
Въ этомъ творческомъ стремленіи
Тебѣ поможетъ бездны ночь.

Воззри: семь ангеловъ въ эфирныхъ облаченьяхъ,
Пречистыхъ вѣстниковъ твоихъ нетлѣнныхъ славъ,
Возлетно-огненныхъ столповъ, лучистыхъ главъ
Твоихъ слѣпительно сверкающихъ державъ
Грядутъ служить тебѣ въ священныхъ совлеченьяхъ!

То небожители
Огне-носители
Судебъ вершители
Міра строители
Граней хранители
Съ Богомъ воители
Стѣнъ разрушители

Они твои, тебя терзающія дѣти
Тобой рожденныя въ взволнованной груди

Твой путь ко мнѣ въ ихъ отрицающемъ расцвѣтѣ
Ты въ ихъ обличій на подвигъ свой гряди!

Они строители сверкающаго храма,
Гдѣ міротворчества должна свершиться драма,
Гдѣ въ танцѣ сладостномъ, въ вѣнчаніи со мной
Ты обрѣтешь тобой желанный міръ иной.

Я воля Твоя, я орудіе грозное
Великихъ Твоихъ достиженій
Ты силой моей опьяненія грёзныя
Низводишь въ кристалы твореній

А я мечта твоя о будущей вселенной
Одно изъ звеньевъ двуединаго бытья
Тебя плѣнила я, но вскорѣ буду плѣнной
Въ твоемъ вѣнцѣ звѣздою дивной буду я.

Молніи воли, мы жаждемъ свершеній
Мы воплотимся въ ударахъ рѣшеній
Въ грохотѣ взрывовъ и въ громахъ крушеній
Въ снахъ дерзновеніемъ будемъ мы жить,
Равно и темнымъ и свѣтлымъ служить.

Мы чада свѣтлыя божественной мечты,
Мы въ душахъ чистыхъ воплотимся созерцаньемъ
Чрезъ насъ плѣнишь ты духовъ тьмы и отрицанья
И сны раздробленные снова свяжешь ты.

Мы сонмъ лучистый мыслей-пламеній
И свѣтовъ чистыхъ, свѣтовъ-знаменій
Тебѣ—о мірѣ сновъ тоскующихъ
Землѣ— о мірѣ звѣздъ ликующихъ.

Мы рождены твоимъ хотѣніемъ различій,
Насъ будятъ отблески небеснаго огня
Мы волны чувства, міръ обмановъ и обличій,
Мы всѣхъ плѣняемъ, лучеструнами звеня.

Мы волны жизни

Волны
Первыя
Волны
Робкія
Первые
Рокоты
Робкіе
Шопоты
Первые
Трепеты
Робкіе
Лепеты

Волны
Нѣжныя
Волны
Всбѣжныя
Нѣжныя
Смѣнности
Всбѣжныя
Вспѣнности
Нѣжныя
Вскрыльности
Всбѣжныя
Вспыльности.

Всѣ мы—единый
Токъ, устремленный
Къ мигу отъ вѣчности
Въ путь къ человѣчности
Внизъ отъ прозрачности
Къ каменной мрачности
Чтобы на каменномъ
Въ творчествѣ пламенномъ
Ликъ твой Божественный запечатлѣть.

Волны,
Волны,
Первыя
Волны.
Волны
Волнами
Волны
Волнующія
Волны
Волнами
Волны
Цѣлующія

Что-же за нѣга
Въ волнахъ взыграла
Вспыхами снѣга
Вспѣнинаго вала?

Что-же за тайна
Манитъ насъ къ долу
Съ выси безкрайной
Къ жизни расколу?

Пробуждающіяся чувства.

Нѣжная радость
Первыхъ касаній
Тайная сладость
Влажныхъ лобзаній

Нѣжные стоны
Первыхъ томленій,
Тайные звоны—
Зовы влеченій.

Нѣжныя ласки
Первыхъ отсвѣтовъ,—
Тайныя сказки
Любящихъ свѣтовъ.

Волны.

Ливами млѣнья
Отяжелѣвшіяся
Жизни теченьемъ
Мы увлеклися

Въ долы томленья
Волны излѣвшіяся,
Въ тучи хотѣнья
Мы облеклися

Въ облакъ-плѣнахъ
Къ тлѣнному ближе
Лейтеся вспѣнныя
Ниже и ниже

Сладостно тлѣнное
Ибо на тлѣнномъ
Запечатлѣнномъ
Можешь ты быть

Сладостно тлѣнное
Ибо лишь въ тлѣнномъ
Въ мірѣ явленномъ
Можешь ты жить.

Все облечённѣй
Волны и пѣнящіяся
Все явленнѣй
Нѣжные плѣны

Все любовнѣй, все усладнѣй,
Все истомнѣй, все отраднѣй,
Все мучительнѣй, прелестнѣй,
Ощутительнѣй, плѣсеннѣй;

О нашъ плѣнъ
Сладкій плѣнъ

Намъ повсюдный,
Неизбѣжный,
Насъ со всѣхъ сторонъ объявшій,
Намъ одеждой тѣломъ ставшій

Волна.

Ты блеснулъ, и сладость млѣнія
Въ тѣлѣ влажномъ разлилась
И къ тебѣ полна томленія
Я мечтами вознеслась.

Рождена стихіей тёмною,
Слита съ волнами волна,
Нынѣ грёзой я истомною
Отъ сестеръ отлучена.

И въ твоемъ волненьи сладостномъ
Я изъ волнъ окрыльнѣй всѣхъ
Въ смѣломъ взлётѣ я твой радостный
Твой божественный возсмѣхъ.

Я любовь, въ тебѣ взыгравшая,
Ты во мнѣ взыгравшій свѣтъ
Я волна, себя познавшая,
Какъ игрѣ твоей отвѣтъ.

Въ духа области надмірныя,
Гдѣ возникла жизни нить,
Гдѣ дворцы твои эфирные
Я лечу тебя молить:

Пробудись во мнѣ сознаніемъ,
Пробудись, о лучь златой!
Будь послушенъ заклинаніямъ
И смѣсись со мной — волной!

Слушай шопотъ нѣжный вспѣнности
Объ одной для насъ судьбѣ

И о нашей неизмѣнности
Въ устремленіи къ тебѣ.

Ты давно во мнѣ отсвѣтами
Лучь безсмертный возыгралъ
И меня своими свѣтами
Ты манилъ и призывалъ.

Я осталась-бы безличною
И волной не стала-бъ я
Если-бъ блески необычные
Мнѣ не дали бытія

О, пади, развѣйся ласками,
Благодать свою излей,
Ты себя познаешь сказками
Расколовшихся лучей!

Лучь.

Лишь въ обличіи торжественномъ
Тучи грозной, роковой
Я, покинувъ сонмъ божественный,
Могъ-бы встрѣтиться съ тобой!

Волна.

Въ наши грёзы, что дурманами
Въ высь несутся, облекись
Ихъ окутанный туманами
Къ долу ближе ты спустись.

Хоръ.

Весь овѣянный дыханіемъ
Грёзы томной о волнѣ
И ея благоуханіемъ
Упоенный, въ сладкомъ снѣ

Исходя любовью жгучею,
Взятый мыслію одной,

Лучь поникъ молнійной тучею
Надъ влюбленною волной.

Волна.

Я лечу къ тебѣ, отважная,
Мигъ еще — я вознеслась
И въ пониклость томно-влажную
Нѣжной вспѣнностью впилась.

О, священный мигъ творенія
Мигъ блаженный, огневой
Ты явилъ мнѣ отраженіе
Смерти бѣлой, роковой.

Разбудилъ во мнѣ сознаніе
Двуединаго бытья
Я отнынѣ сочетаніе
„Я“ и чуждаго „не я“.

Оживаютъ ткани нѣжныя
Ткани чувствъ—моихъ одеждъ
И несутся въ даль, мятежныя,
Отъ вздымающихся вѣждъ.

Таютъ, тонутъ, раздвигаются
Стѣны дымныя темницъ
И въ глубины устремляются
Сонмы жизней—колесницъ.

Стала я четою царственной
Въ мірѣ жертвенной любви.
Исхожу я силой дарственной,
Я познала ярь крови.

О желаніе всевластное
Ты живешь,— и ты — не я
Живы ласки наши страстныя
Въ многоцвѣтѣ бытія.

Ты и я и наше млѣніе
Міръ раскрывшихся чудесъ
Опьяненье сновидѣніемъ
Жизнью дремлющихъ небесъ.

Сбылось чудо сочетанія
Кругъ замкнулся, и возникъ
Плодъ волны съ лучемъ вѣнчанія
Міроздавья звѣздный ликъ.

Зажглись отъ молніи священнаго мгновенья
И пламенѣютъ сны творенья, а волна,
Сознанья чарами плѣняя вдохновенья,
Вся созерцанію различій отдана.

Сіяетъ солнцемъ, Богъ властительнаго свѣта
И блещетъ звѣздами въ бездонности ночной
Она въ пространствѣ рѣетъ царственной планетой
Овитой облачно-жемчужной пеленой.

А луче-ласки ея четы первоизбранной
Очнувшись маревомъ слѣпительныхъ чудесъ
Опознаются въ многоцвѣтномъ, многогранномъ
Четы украсами, парчей ея завѣсъ.

(Г о р ы).

Любовныхъ гнѣвовъ мы застывшіе порывы
Мы бурныхъ ласкъ окаменѣвшіе валы
Охлады чарами застигнутые взрывы
Вершины снѣжныя, долины и скалы.

(П о л я).

Устъ некоснувшихся мы—теплое дыханье
Въ себѣ таящее всѣ прелести отравъ
Сюда проснулись мы цвѣтовъ благоуханьемъ,
Возшелестилися мы шелестами травъ

(Л ѣ с ъ).

Мы въ храмѣ сумраковъ возлётные столпы
Мы пышно шумами зелёными одѣты

Существъ загадочныхъ скрываемъ мы толпы
Къ намъ льются томные, таинственные свѣты.

(Пустыня).

Себя пустыней я въ пространствѣ опознавшій
Луча съ землёй сухой и знойный поцѣлуй
Лѣсную жизнь изъ областей своихъ изгнавшій
И ненавидящій живыя пѣсни струй.

Я ласка вскрыльная, я птицей встрепенулась,

А я, терзающая, звѣремъ ожила.

Извивно-ползная, змѣею я проснулась

Стихіи влажной я, истомная, мила.

Оглавленіе.

I.

А. С. Пушкинъ.

Стр.

Предисловіе 1

Лицейская тетрадь.

Пушкинъ—Бова (Отрывокъ изъ поэмы) 5
„ Красавицѣ, которая нюхала табакъ 12
„ Къ Натальѣ 14
„ Къ молодой актрисѣ 16
„ Князю А. М. Горчакову 18
Дельвигъ—Полякъ (Баллада) 19
Пушкинъ—Леда (Кантата) 22
„ Осгаръ 24
„ Евлега 26
„ Стансы (Изъ Вольтера) 28
Дельвигъ—Подражаніе 1-му псалму 29
„ Тихая жизнь 30
Пушкинъ—Воспоминаніе (Къ Пущину) 31
„ Разсудокъ и Любовь 32
„ Къ Наташѣ 32
„ Окно 33
„ Наслажденіе 34
„ Къ Машѣ 35
„ Застольная пѣсня 35
„ Погребъ 36
„ Истина 37
„ Делія 37
„ Къ Деліи 38
Корсаковъ—Наташа 39
Пушкинъ—Къ ней 39
„ Слеза 40
Дельвигъ—Къ пастушкѣ 41
„ Того ужъ нѣтъ 41
Кюхельбекеръ—Вино 42
„ Къ радости 43

Стр.
Кюхельбекеръ—Диѳирамбъ (Переводъ изъ Шиллера) 44
Дельвигъ—Близость милой (Изъ Гете) 45
Илличевскій—Капризъ любви 45
„ Надежда 46
„ Перерожденіе 47
„ Къ Надеждѣ 48
„ Къ ней же 49
„ Отъ живописца 50
„ Къ милому призраку 50
Пушкинъ—Сонъ (Отрывокъ) 51
„ Элегіи:
I. „Опять я вашъ, о юные друзья" 57
II. Осеннее утро 58
III. Сну 59
IV. „Любовь одна веселье жизни хладной" 60
V. Мѣсяцъ 61
VI. „Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ" 62
VII. „Когда пробилъ послѣдній счастью часъ" . . . 63
VIII. Друзьямъ 64
IX. „Я Лилу слушалъ у клавира" 64
Дельвигъ [1])—На смерть Державина 65
Пушкинъ—Пирующіе студенты 66
„ Къ Жуковскому 69
„ Принцу Оранскому 73
„ Усы (Философическая ода) 74
„ Къ молодой вдовѣ 75
„ Къ Дельвигу („Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою") 77
„ Къ Дельвигу („Послушай, музъ невинныхъ") 78
Дельвигъ—„Что есть любовь? прелестный сонъ" 80
Пушкинъ—Мое завѣщаніе друзьямъ 80
„ Наѣздникъ 82
„ Фіалъ Анакреона 85
„ Сражечный рыцарь 86
Дельвигъ—Перемѣнчивость 87
Илличевскій—Моя эпитафія 87
Пушкинъ—Къ Баболовскому дворцу 87
„ Эпитафія 88
Дельвигъ—Эпитафія А. А. Дельвига 88
„ Въ альбомъ княжнѣ Волконской 88
Пушкинъ—Эпиграмма 88
„ Твой и мой 88
„ Экспромтъ на А. 89
„ Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ 89
„ Къ портрету Каверина 89
„ Къ письму 89

[1]) См. предисловіе стр. 3.

Стр.

Дельвигъ—Triolетъ кн. Горчакову 90
Пушкинъ—Сновидѣніе 90
„ Она 90
Илличевскій—Въ альбомъ Малиновскому 91
Пушкинъ—Въ альбомъ Илличевскому 91
Кюхельбекеръ— „ „ 92
Дельвигъ „ „ 93
Пушкинъ—Къ товарищамъ передъ выпускомъ 94
„ Боже, царя храни! 94

II.

А. Н. Скрябинъ.

Предисловіе 97
Записка Б. Ѳ. Шлецера о „Предварительномъ дѣйствіи“ 99

Записи А. Н. Скрябина.

I. Запись лѣтъ 10-ти г. 120
II. Запись 1900 г. 121
III. Хоръ изъ Первой симфоніи, 1900 г. 122
IV. Либретто оперы, 1900—1902 гг. 123
V. Запись 1904 г. 132
VI. Запись 1904—1905 гг. 137
VII. Запись 1905—1906 гг. 176
VIII. Поэма экстаза 192
IX. Предварительное дѣйствіе:
1. Ранняя редакція 202
2. Послѣдняя редакція 235

Два рисунка А. Н. Скрябина 156
Факсимиле изъ „Предварительнаго Дѣйствія“ . . . . . 202 и 208

PG 3201 G46 t.6

Gershenzon, Mikhail Osipovich (ed.)
Russkie propilei

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY